

Поступила въ продажу новая книга:

Жиръ Александръ

Епископъ Рязанскій и Егорьевскій

„ДНЕВНИКЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ПАЛЕСТИНУ“.

Книга украшена портретомъ автора на хорошей бумагѣ.

Цѣна 75 коп.

Обращаться къ Н. Д. ЗЕНИНУ.

К И Р Ъ

Александра, епископа рязанскаго и егорьевскаго, Дневникъ поѣздки въ Палестину.

Господи благослови!

12 марта 1914 года, получивъ благословеніе архіепископа Іоанна, я съ епископомъ саратовскимъ и астраханскимъ Мелетіемъ, съ его священникомъ о. Діонисіемъ Новиковымъ и секретаремъ Сампсономъ Ивановичемъ Быстровымъ, выѣхали изъ Москвы. Провожали насъ: о. Гришенковъ съ матушкой, сестра моя Устинья Прокофьевна, племянница Лиза, сноха Ольга Евдокимовна, Константинъ Васильевичъ Ѳедотовъ, Иванъ Семеновичъ Агаѳоновъ и діаконъ Ѳерапонтъ. Ѳедотовъ и Агаѳоновъ вручили мнѣ 200 рублей денегъ для раздачи бѣднымъ въ Іерусалимѣ.

Билеты 3-го класса, взятые въ городѣ, оказались въ двухъ разныхъ отдѣленіяхъ и намъ поэтому пришлось разбиться,—я съ о. Діонисіемъ, епископъ Мелетій съ Сампсономъ Ивановичемъ. Спать было недурно, мѣста нумерованные, но жестко на одномъ пальто.

Суббота 15-го, утро, 6 часовъ. Погода туманная, весенняя; но скоро проглянуло солнце. Въ Михайловской слободѣ я вышелъ на платформу. Грѣетъ солнце, поля уже зеленѣютъ, но часть еще подъ водою. Написалъ сыну Янѣ открытку. Послѣ Михайловки—дождь; всюду много воды.

Закусывали и чай пили въ отдѣленіи епископа Мелетія: маслины, яблоки, апельсины, передъ фаршированный.

Въ Бахмачѣ—дождь, выйти не охота, хотя тепло. Все болѣе и болѣе появляется зеленѣющихъ полей; встрѣчаются изрѣдка пашущіе на быкахъ и лошади; проглянуло опять солнце. На станціи Бобровицы ходятъ въ легкихъ одеждахъ; снѣга отъ Брянска уже не видали. Дождь принимался раза два; предъ Кіевомъ увидѣли 1-ю радугу. Травка появилась, продаютъ цвѣты; деревья распускаютъ почки.

Въ 5 часовъ вечера прибыли въ Кіевъ. Встрѣтилъ внука Коля. Выросъ, чуть не на голову выше меня. Сдавъ багажъ на храненіе и поручивъ носильнику взять плацкарты до Одессы, отправились на трамвай въ городъ, подъ водительствомъ Коли. Посѣтили Владимирскій храмъ. Постояли, пока не начали всенощную. Прослушали ектенію: діаконъ говорилъ теноркомъ, пѣвчіе пѣли на хорахъ. Въ храмѣ древностей нѣтъ; все новое, съ подражаніемъ древнему, въ особенности расположеніе храма—наподобіе Софійскаго. Иконы и стѣнописи высокаго художества, но смѣсь древняго съ новымъ; царскія двери очень низкія, но по древнему—Благовѣщеніе вверху. Изъ храма мы прошли пѣшкомъ кварталъ и сѣли на трамвай; собственно—не сѣли, а стояли на площадкѣ,—народу биткомъ.

Въ Софійскомъ соборѣ читали уже екса псалмы и очень хорошо; народу полно, много военныхъ. Стояли мы около праваго столба, гдѣ фреска святителя Николы съ двухперстнымъ сложеніемъ; открывать ее поэтому сильно препятствовалъ митрополитъ Филаретъ, но императоръ Николай I настоялъ.

Фрески современны храму.

Осматривать подробно храмъ было неудобно во время служенія.

Отсюда проѣхали до площади Подольской и прошли до моленной на Набережной-Никольской, № 9. Служилъ протоіерей Поликарпъ—въ скуфѣ съ прозументами и диаконъ Семенъ. Прокимень къ Евангелію сказывалъ стихарный сынъ о. Поликарпа. Народу было очень мало.

Прослушавъ Евангеліе, приложились къ нему въ алтарѣ; держали—священникъ и диаконъ. Пропѣли „Покаяніе“, „На спасенные“ и „Множество“—очень хорошо, не спѣша. На правомъ клиросѣ уставщикъ—Иванъ Кольцовъ,—3-й годъ служить. На лѣвомъ—вторымъ стоитъ сынъ покойнаго діакона Черешенина—съ сильнымъ голосомъ (баритонъ).

По 1-й пѣсни простились, прося молиться о благополучномъ путешествіи. Бывшій церковный староста просилъ насъ послужить теперь же или заѣхать на обратномъ пути. Епископъ Ергогенъ рѣдко служить у нихъ. Пѣніе двѣицъ, бывшее ранѣе, прекратилось по болѣзни регента.

Прошли „братскимъ дворомъ“, гдѣ Духовная Академія, и сѣли на трамвай. Проѣхали по Крещатику, мимо памятника Столыпину, который осмотрѣли, идучи на другой трамвай. Съ Колей простились на Фундуклеевской улицѣ.

Въ 9¹/₂ час. вечера выѣхали изъ Кіева.

Въ дорогѣ къ намъ присталъ какой-то старикашка (вѣроятно, сектантъ-„сіонистъ“), начавъ разговоръ на религіозную тему. Говоря объ Іудѣ предателѣ, онъ указалъ, что ссылка на пророка Іеремию о 30-ти сребренникахъ невѣрна, такого текста нѣтъ у пророковъ. С. И. Быстровъ замѣтилъ ему, что это есть у Захаріи.—„Нѣтъ, этотъ текстъ не объ этомъ говорить, а о завітѣ: *разрушу завітъ Мой...* (текстъ приводить на память); это значить, что настанетъ время, когда израильскій народъ—хозяинъ Палестины—соберется туда чрезъ Мессію, возстановитъ храмъ, и Мессія возстановитъ Іудейское царство и найдетъ Библію древнюю, которую скрылъ Ездра“. Разговоръ о подлинной библии начался съ его вопроса: сохранилось ли подлинное Евангеліе? Я отвѣтилъ, что нѣтъ, не сохранилось. Извѣстны рукописи, говорю, относятся къ 4 вѣку, не ранѣе (таковъ, напримѣръ, „Синайскій“ манускриптъ, прибрѣтенный Государемъ Николаемъ II и хранящійся въ Спб. Публичной библіотекѣ. Но достовѣрность (подлинность) Евангельской исторіи отъ этого не страдаетъ. Нашъ собесѣдникъ (по національности кажется, жидъ, хотя говорить безъ акцента), часто приходилъ къ намъ и опять наводилъ разговоръ на религіозную тему, съ замѣтнымъ намѣреніемъ подорвать авторитетъ Евангелія и Апостольскихъ Дѣяній и посланій. Спросилъ

объ ученія аеонитовъ. Я сказалъ, что мало знакомъ съ этимъ; знаю только, что они почитаютъ самое имя Ісусъ—Богомъ. „Это ложь, воскликнулъ онъ: Ісусъ, имя человѣческое; въ древности были: Ісусъ Наввинъ и др.“. Я подсказалъ: Ісусъ сынъ Сираховъ, Ісусъ Оседековъ. „Если почитать имя, то слѣдуетъ почитать оное на первоначальномъ еврейскомъ, языкѣ—Йешуа“—Я поправилъ его: „Ешуа“, говорю.— „Да, вѣрно! А вы знаете, спрашиваетъ, еврейскій древній языкъ“?—Нѣтъ, но я изучалъ какъ на разныхъ языкахъ произносится имя Христа: на еврейскомъ—Ешуа, на греческомъ—Іисусъ, на латинскомъ—Іезусъ, на сербскомъ Исусъ, съ одной И. „Изъ за имени, говоритъ, вели горячій споръ старообрядцы“. Мы, конечно, промолчали. Какъ-то незамѣтно онъ перешелъ на лицо Спасителя, что Онъ восхитилъ (выразился „ограбилъ“). у Отца царство и долженъ передать оное Отцу. На нашъ протестъ, что это кощунство и хула, онъ привелъ текстъ апостола: *„егда покоритъ Ему всяческая, тогда и Самъ Сынъ покорится“* и др.: *„егда предастъ царство Богу и Отцу“* подъ этимъ онъ разумѣетъ царство земное, іудейское, которое скоро возстановится. И вы, говоритъ, молитесь сами въ молитвѣ Господней: „да придетъ царство Твое“. Переходя къ Іудѣ, котораго защищаетъ какъ исполнителя предопредѣленія Божія о страданіи Христа, выразился, что „Ісусъ долженъ былъ быть распятъ. Если бы Онъ пришелъ и тогда, когда возстановится царство іудейское, то и тогда онъ долженъ бы быть казнень по закону: „Аще возстанетъ мужъ, творяи чудеса и будетъ увлекать на поклоненіе инымъ богамъ, не ходите вослѣдъ его, искушаетъ васъ Господь Богъ... да умереть пророкъ той“. Но не распятіемъ, ибо это казнь римская, а долженъ быть побить камнями“.

Возмущенные такимъ злохуленіемъ мы потребовали прекратить разговоръ и не сквернить нашу совѣсть.

Онъ замолчалъ и не сталъ болѣе заговаривать о вопросахъ религіозности. Какъ видится, онъ изъ секты „сіонитовъ“, и Библію знаетъ очень хорошо. Знаетъ много текстовъ и изъ Новаго Завѣта. Къ сожалѣнію, мы этимъ не можемъ похвалиться, а книгъ съ нами не имѣлось. Да и не желали вести полемику въ такомъ направленіи.

А какъ необходимо знать болѣе текстовъ на память, чтобы опровергать такихъ сектантовъ, показываетъ этотъ случай.

Воскресенье 16-го. Погода ближе къ Одессѣ, измѣнилась: дождь, сырость, вѣтеръ. Въ самой Одессѣ, куда мы прибыли въ 3 часа, дождь пересталъ. Носильщики взяли нашъ багажъ, сложили на телѣжку, которую и свезъ наемный человѣкъ прямо на Пантелеймоновское подворье, почти напротивъ вокзала. На подворьѣ послушникъ Іоасафъ и старшій Фалалей помѣстили было насъ въ два №, но мы не захотѣли разбиваться и помѣстились въ одномъ, № 7-мъ въ 3-мъ этажѣ. Передали свои паспорта и, напившись чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ, пошли къ епископу Кириллу, на Преображенскую, № 75, отъ подворья, находящагося на Пантелеймоновской ул. квартала 3—4. Храмъ старообрядческій многоглавый, выходитъ алтаремъ

на улицу. Взошли на дворъ, встрѣчаются молящіися, освѣдомившіе, что „вечерня кончилась“. Взошли въ храмъ. Епископъ Кириллъ и священники Стефанъ и Петръ, послѣдній поставленъ только сегодня для Б. Охты въ Петроградъ, и діаконъ Григорій уже шли изъ храма. Поликовались по обычаю. Благословили духовенство, дьячковъ и прихожанъ, между коими былъ Евдоксій Ивановичъ Барченковъ. Осмотрѣли храмъ. Порядочный, алтарь приложенъ полукругомъ, съ выступомъ на улицу, съ разрѣшенія градоначальника Толмачева. Въ алтарѣ интересенъ образъ святителя Николы въ ростъ, выжженный на доскѣ сыномъ Тюрина, копія Васнецова изъ Владимірскаго (Кіевскаго) храма. Мѣстныя иконы Святителя и Богородицы работы о. Стефана, фряжскаго письма, но очень порядочныя. Полъ въ алтарѣ мѣстами испортился.

Въ это время стали собираться дѣти-любители пѣнія (обоого пола), для спѣвки подъ руководствомъ и управленіемъ Ив. Логинова. Собралось болѣе 20 человекъ. Есть и дѣвцы и ребята молодые. Спѣли сначала: „Днесъ Христосъ въ Виеліемѣ раждается отъ Дѣвы“. Регентъ съ палочкой въ рукахъ указывалъ не на текстъ и крюки, а помахивалъ учащая и задерживая темпъ. Въ общемъ недурно спѣли для любителей. Но мнѣ не нравятся эти оттяжки и ускоренія. Потомъ спѣли: „Днесъ благодать“, и по моему желанію „Архангельскій гласъ“ и его же 2-й разъ съ „аненайками“. Я поблагодарилъ ихъ за усердіе и любовь къ пѣнію, высказалъ свое мнѣніе, что слѣдуетъ пѣть плавнѣе, безъ выкриковъ, задержекъ и учащеній.

Они спѣли: „Тонъ деспотинъ“ и я благословилъ ихъ со словами: „да сохранить васъ Господь Богъ своею благодатію“. И вышли изъ храма въ квартиру епископа Кирилла на этомъ же дворѣ. Епископъ Кириллъ высказалъ, что не доволенъ руководителемъ хора и что послѣ Пасхи его рѣшили уволить. Поговорили о нашей поѣздкѣ въ Іерусалимъ и о его въ Куреневскій монастырь для исповѣди монашекъ. Ъдетъ завтра. Жалуются на болѣзнь—гемморой, сидитъ на подушкѣ. Говорилъ, что получилъ отъ архіепископа „порученіе“ священникамъ противъ пѣнія „Херувимской-болгарской“, но еще не разослалъ. О брадобритіи же разослалъ. Эта язва его весьма беспокоитъ; христіане села Плосскаго, бывшіе раздорники, на это указываютъ, какъ на ересь, и говорятъ, что-де допускаются въ Одессѣ не только бритые, но и разновѣрцы молиться, съ вѣдома епископа Кирилла. Епископъ Мееодій пріѣзжалъ въ Плосское съ цѣлью пропаганды.

17-го утромъ, послѣ чая, проѣхались по городу на трамваѣ, № 1 и 28. Въ 2 часа въ сопровожденіи пѣвчаго Кипріяна прошли къ Авксентію (Евдоксію) Ивановичу Барченкову, управляющему т-ва Кузнецова, на обѣдъ. Сюда же вскорѣ пришелъ епископъ Кириллъ съ священникомъ с. Плосскаго—Козьмой, который рассказалъ, что епископъ Мееодій развращаетъ его прихожанъ. Въ с. Плосскомъ 2 тысячи домовъ, 3 священника примирившихся изъ „окружниковъ“, Іосифцевъ и Кирилловцевъ. Теперь епископъ Мееодій старается тамъ свою партію завести и толкуетъ, что

епископъ Кириллъ еретикъ-окуженикъ и общинникъ. О. Козьма (по его объясненію) борется съ этимъ и настаиваетъ, чтобы публично произвести бесѣду съ раздорниками. Епископъ Меоодій бесѣдовать самъ отказался, но обѣщалъ прислать священника Маркіана Новичкова, с. Бакуръ, Сердоб. уѣз. Бесѣда назначается 23-го апрѣля.

О. Козьма проситъ епископа Кирилла къ этому времени приготовить собесѣдника съ нашей стороны. Епископъ Кириллъ обѣщалъ, кажется, пригласить о. Ѳеодора Гуслякова. Про назначеннаго о. Маркіана о. Діонисій разсказалъ, что онъ былъ „нашъ“, добивался священства и, не получивъ (онъ криворукій), ушелъ къ епископу Пафнутію саратовскому, который и поставилъ его на Саратовъ. Но здѣсь единомысленниковъ ихъ оказалось мало, и о. Маркіанъ ушелъ въ другой приходъ. Держится раздора не по убѣжденію; заявлялъ желаніе у насъ занять приходъ; на погребеніе своего прихожанина пригласилъ нашихъ пѣвцовъ.

Епископъ Меоодій, по словамъ о. Козьмы, „Исуса“ признаетъ антихристомъ, крестъ четвероконечный—кумиромъ. О. Козьма обличалъ его въ этомъ, что при такихъ понятіяхъ ему нужно снять облаченіе и не считать себя епископомъ, ибо оно отъ антихриста. Оригинально о. Козьма возражалъ о четвероконечномъ, говоря, что онъ бываетъ выше осмьмиконечнаго, и именно—когда священнодѣйствующій копіемъ на просфорѣ съ печатію осмьмиконечнаго креста начертываетъ четвероконечный. Про своихъ прихожанъ о. Козьма отзывается какъ о грубыхъ ругателяхъ. Самъ тоже, какъ видится, не уступаетъ имъ въ этомъ. Человѣкъ—здоровенный мужикъ.

Послѣ обѣда и чая мы простились съ хозяиномъ и хозяйкою и съ епископомъ Кирилломъ, обошли магазинъ и прошлись домой. Заходили по пути въ синагогу еврейскую; очень обширна, съ хорошей отдѣлкой.

Заходили на вокзалъ почти каждый день, за газетами. Вокзалъ—обширный, очень роскошный. Вечеръ дома просидѣли, занимаясь писаньемъ открытокъ.

18-го. Покушавъ, проѣхали по указанію о. Мастридіана, секретаря подворья (милой человѣкъ какъ и оо. Ѳалалей и Іоасафъ), по трамваю № 1 и 33 къ таможнѣ и въ портъ. Посмотрѣли съ берега на бухту и волнующагося „моря Чернаго пучину“, на пароходы-русскіе и заграничныя, выгружающіеся и нагружающіеся.

Вотъ стоитъ громада-пароходъ Итальянскій (по названію), выгружаетъ плиты бѣлаго мрамора. Паровая лебедка поднимаетъ изъ трюма 2—3 плиты и спускаетъ за бортъ на мостовую. Здѣсь рабочіе, кажется, греки, турки и русскіе берутъ плиту на плечи 6—8 человѣкъ и несутъ на мѣста. Вотъ небольшой сравнительно греческій пароходъ грузить тесь, который подносятъ рабочіе и складываютъ въ кучи по 3—4 десятка; зацѣпивъ оныя цѣпью, лебедка живо уноситъ эту кучу и опускаетъ въ трюмъ. Но насъ болѣе интересуетъ море, въ которое мы и всматриваемся въ бинокль: какъ-

то оно встрѣтитъ насъ и донесетъ до св. Града? Волнуется оно порядочно и въ бухтѣ, лодочникъ держится на веслахъ близъ камнемъ обдѣланнаго берега, дожидаясь сѣдоковъ. Я предлагаю епископу Мелетію прокатиться, чтобы ознакомиться съ прелестію моря и испытать себя на волнахъ. „Мнѣ еще жизнь не надоѣла“, отвѣчаетъ онъ. Около болтаютъ женщины на непонятномъ языкѣ, не то еврейки, не то армянки. По костюму—тѣ же русскіе. Идемъ обратно. Но вотъ нашъ взоръ останавливается на морскомъ великанѣ—пароходѣ „Одесса“ и у насъ является желаніе осмотрѣть его. Посылаемъ Сампсона Ивановича испросить разрѣшеніе. Но матросъ, стоящій на вахтѣ, отказываетъ: „Старшій спитъ, безъ его разрѣшенія нельзя“. Съ сожалѣніемъ отходимъ. Но вотъ еще стоитъ и грузится валиканъ-красавецъ пароходъ „Императрица Екатерина II-я“. Останавливаемся и смотримъ въ бинокль, желая угадать, гдѣ помѣщаются 1 и 2-й классъ. Первый находимъ скоро,—въ самомъ верху, но втораго не видимъ. Этотъ пароходъ идетъ въ четвергъ въ Александрію, и мы предполагаемъ на немъ доѣхать до Константинополя. Поэтому понятно наше сильное желаніе осмотрѣть его. Но неудача съ „Одессой“ обезкуражила насъ. Идемъ и посматриваемъ на „красавца“. Но тутъ намъ посчастливилось. Подходить къ намъ пожилой господинъ въ формѣ, намъ неизвѣстной, и спрашиваетъ: „Куда вы, оо., собираетесь ѣхать?“ Мы объясняемъ. И, къ нашему удовольствію, онъ даетъ намъ подробныя объясненія, что ѣхать лучше на этомъ пароходѣ въ четвергъ до Александрии, а тамъ пересѣсть на „круговой“—до Яффы. Этимъ путемъ мы въ воскресенье Вербное можемъ быть въ Іерусалимѣ, тогда какъ на „круговомъ“, который пойдетъ только въ субботу, мы въ Яффу можемъ прійти только въ среду на страстной. Но бываетъ иногда, что и нельзя высадиться въ Яффѣ изъ-за волненія, и волей-неволей приходится проѣзжать въ Александрію. Мы почти соглашаемся и изъявляемъ желаніе осмотрѣть пароходъ. Спрашиваемъ имя чиновника. И что же оказывается: этотъ любезный господинъ есть управляющій „Палестинскаго о-ва“ Михаилъ Ивановичъ Осиповъ, къ которому мы собирались послать С. И. за нѣкоторыми свѣдѣніями. И вотъ онъ самъ на лицо, самъ нашелъ насъ и даетъ совѣты. Онъ, по нашему желанію, идетъ на пароходъ и съ дозволенія помощника капитана ведетъ насъ. Въ сопровожденіи офиціанта и Михаила Ивановича мы прошли 2-й и 1-й классы и подробно осмострѣли это чудовище—по величинѣ и красавца по отдѣлкѣ. Но объ этомъ, можетъ быть, повторю еще—когда будемъ ѣхать на немъ. Простившись съ добрѣйшимъ Михаиломъ Ивановичемъ мы отправились на подворье и здѣсь всесторонне обсудивъ—какимъ путемъ ѣхать чрезъ Александрію, съ пересадкой въ ней, или на Константинополь, съ пересадкой въ немъ, рѣшили ѣхать до Константинополя на „Екатеринѣ II-й“, чтобы имѣть возможность подробнѣе осмотрѣть Константинополь и повидаться съ патріархомъ. А когда придетъ субботній пароходъ—пересѣсть на него и ѣхать до Яффы.

Вечеромъ прошлись и проѣхались по разнымъ улицамъ, чтобы ознакомиться съ г. Одессою, ея улицами, базарами и строеніемъ.

Городъ расположенъ правильными квадратами улицъ. Замѣчательна мостовая—изъ плитокъ темнаго камня. Тротуары широкіе, обсаженные бѣлой акаціей, множество магазиновъ—съ скамьями противъ почти cadaго. Интересны вагоны съ часами въ каждомъ; трамвай проложенъ по многимъ улицамъ, и вагоны почти всегда полны. Далѣе отъ центра большею частію живутъ евреи—грязно; бѣдоты много видится по улицамъ, пристають съ просьбою о помощи, нищіе болѣе около церквей и подворій. Вечеромъ неожиданно посѣтилъ насъ М. И. Осиповъ: просидѣлъ часа два, рассказывая случаи изъ 30-ти лѣтней своей жизни въ качествѣ уполномоченнаго Императорскаго Палестинскаго Общества. Давалъ совѣты и наставленія. Интересенъ его рассказъ о старушкѣ—съ документомъ о продажѣ хаты—вмѣсто паспорта, который она съ настойчивостью считала настоящимъ паспортомъ, ибо московская и ярославская полиціи приложили на немъ свои печати при явкѣ. М. И. лично ходилъ съ ней къ градоначальнику Зеленому и тотъ, расхохотавшись, подписалъ: „выдать“.

На вопросъ нашъ: можно ли вывезти изъ Іерусалима какую-либо вѣточку, камушекъ и т. п. сказалъ, что отъ дуба Мамврійскаго и изъ сада Геосиманскаго нельзя, то и др. огорожены желѣзною рѣшеткой и доступъ къ нимъ невозможенъ. Да и нельзя этого допустить: паломники могли бы по листочку все растащить. Гробъ или правильнѣе пещера гроба Господня состоитъ изъ камня, такъ и ту начали зубами грызть, чтобы хоть маленький кусочекъ привезти домой. Вынуждены были обложить мѣдными листами края пещеры. Камушекъ съ горы Елеонской и съ др., конечно, можно; можно и ваія, финиковыя вѣтви приобрести покупкой или получить изъ рукъ патріарха въ Вербное. Ему, М. И. Осипову, предоставлено право до 5 тысячъ пудовъ бесплатно провозить ежегодно въ Палестину разныхъ пожертвованій—въ видѣ колоколовъ и пр.

Высказали мы желаніе видѣться съ патріархомъ константинопольскимъ. Онъ, подумавъ, сказалъ: „Вамъ нужно будетъ обратиться къ русскому послу и просить его объ этомъ, и онъ можетъ испросить вамъ аудіенцію у патріарха, и проводить къ нему съ кавасомъ-переводчикомъ, который не будетъ переводить и говорить вмѣсто моста верблюды. Нужно замѣтить, что М. И. за свою 30-тилѣтнюю практику много набрался разныхъ анекдотовъ и при природномъ юморѣ уснащаетъ свою рѣчь разными анекдотами и прибаутками. Вообще же человекъ—милый и религіозный. Нерѣдко можно было видѣть на глазахъ его слезы при рассказѣ трогательныхъ случаевъ его жизни. Онъ на себѣ испыталъ ужасъ возстанія „потемкинцевъ“, бомбардировку Одессы, пожаръ гавани и стрѣльбу войскъ залпами изъ его квартиры и даже слышалъ жужжаніе пули, пролетѣвшей мимо уха его; пули, направленной въ него студентомъ-жидомъ, который, при рѣчи М. И. къ паломникамъ—не забывать родину и Царя и молиться за нихъ, требовалъ прекра-

щенія этой рѣчи. Но М. И. разсказалъ ему анекдотъ объ армянинахъ-торговцѣхъ фруктами и студентѣ, руками перехватывавшемъ фрукты: „Ты студентъ?—Студентъ; учишься—учусь; ну иди прежде доучись, а то ты еще дуракъ-неучъ“...

Въ складѣ Палестинскаго Общества была сложена масса книгъ Священнаго Писанія, которыя раздавались въ благословеніе паломникамъ. И вотъ въ пожарѣ гавани все это обратилось въ кучу пепла. Сынъ его, безцѣльно расшвыривая палкой пепель, вдругъ увидѣлъ уцѣлѣвшій маленькій обгорѣвшій по краямъ листочекъ, чудомъ сохранившійся. Когда М. И. взялъ его, то оказалось, что это изъ 17-й каѳизмы, стихи 149—154, какъ бы пророчество о совершающемся погромѣ и объ освобожденіи отъ погубленія праведника и гибели нечестивыхъ. Невольно приходится признать, что Богъ и нынѣ творитъ великая и дивная: „Кто Богъ великъ, яко Богъ нашъ, ты еси Богъ творяй чудеса“.

Ушелъ отъ насъ М. И. около 10 часовъ вечера, обѣщаясь исклѣпотать намъ билеты до Яффы съ пересадкой въ Константинополь. О чемъ и хотѣлъ сообщить по телефону около 11 часовъ дня.

Въ среду, 19-го марта, мы прождавъ извѣстія отъ М. И. и не получивъ оное, въ 12 часовъ уѣхали трамваемъ на бульваръ, откуда послали С. И. въ контору на пристани—взять билеты, хотя бы до Константинополя. Въ часъ 40 минутъ онъ принесъ билеты до Константинополя (стоятъ по 14 р. 25 коп. и карантинный сборъ—2 р.);—до Яффы, сказалъ кассиръ, нельзя на этой линіи выдавать. Распоряженія же иного онъ не получилъ. Послѣ сего мы рѣшили проѣхать на Бол. Фонтанъ: это очень далеко; ѣхали 50 минутъ и довольно быстро. Но интереснаго мало; когда распускаются деревья, вѣроятно, хорошо, ибо дорога идетъ между дачъ; изрѣдка открывается видъ на море. Въ поляхъ зеленѣетъ трава и хлѣбъ озимый и виднѣются всходы ярового; почки на нѣкоторыхъ деревьяхъ распускаютъ уже листья. Солдатики и кадеты учатся на зеленомъ полѣ, частію въ однихъ рубахахъ. Солнце хорошо грѣетъ.

На берегу Бол. Фонтана нѣтъ никакихъ построекъ, только на горѣ стоятъ старый разрушающійся маякъ.

Возвратились мы на подворье въ 4 часа съ половиною. Здѣсь ждалъ, насъ Авксентій Ивановичъ Барченковъ, по порученію Михаила Ивановича Осипова, сказать намъ, что по его просьбѣ директоръ „Р. О. П. и Т.“ сдѣлалъ распоряженіе—выдать намъ билетъ до Яффы. Но это распоряженіе, къ сожалѣнію, запоздало—мы взяли уже билетъ до Константинополя.

А. И. Барченковъ посидѣлъ у насъ около часу. Поразсказалъ о здѣшнихъ общественныхъ дѣлахъ. Есть долгъ на О-вѣ по постройкѣ храма и покрыть его затрудняются. Дмитрій Кирилловичъ Иларіоновъ скупецъ, хотя имѣетъ милліона полтора и лѣтъ слишкомъ 80, безъ прямыхъ и единовѣрныхъ наслѣдниковъ. Даетъ деньги въ ростъ и копить капиталъ...

Прощаясь, Авксентій Ивановичъ общалъ прійти проводить насъ. Мы принялись писать послѣднія въ Россіи письма: я написалъ Янѣ и архіепископу.

20-го марта, четвергъ.

Напившись чаю и закусивъ, мы расплатились за помѣщеніе, сложили багажъ на два извозчика, съ которыми поѣхали о. Діонисій и Сампсонъ Ивановичъ. Мы же съ епископомъ Мелетіемъ отправились на трамвай № 1 и прошли по бульвару и мимо городской думы, спустились къ таможднѣ. Около парохода „Императрица Екатерина II“ толпился народъ разныхъ языковъ; заканчивалась погрузка морскаго великана. Безъ паспортовъ на пароходъ полицейскіе не пропускаютъ и намъ пришлось постоять минутъ 20, созерцая разноплеменную публику съ ихъ скарбомъ... Вотъ семья не то армянъ, не то грековъ около хлама (на взглядъ нашъ) болтаютъ съ багажнымъ, который ставитъ кистью знаки и цифры,—на подобіи дивана съ сундукомъ, колесахъ, осяхъ и т. п. Наконецъ появляется нашъ Сампсонъ Ивановичъ (ихъ пропустили съ багажомъ и они заняли уже каюту № 4, четырехмѣстную, 2-го класса), а потомъ приходитъ и о. Фалалей съ паспортами для отмѣтки ихъ въ жандармской конторѣ. Получили мы ихъ отъ чиновника каждый лично и вошли на пароходъ. Кюта оказалась довольно помѣстительная, по 2 койкѣ одна надъ одной, по обѣимъ сторонамъ. Къ стѣнкѣ борта поставленъ диванъ. Зеркало надъ умывальникомъ, шкафъ для посуды (на случай морской болѣзни).

Чистота безукоризненная—постельное бѣлье, электрическое освѣщеніе.

Проводить насъ пришелъ Авксентій Ивановичъ Барченковъ и Михаилъ Ивановичъ Осяновъ, а потомъ Никита Ивановичъ Тюринъ. Пришелъ и директоръ Русскаго Общества пароходства и торговли Яковъ Евстафьевичъ Левторъ, который общалъ поговорить капитану „Одессы (оказывается онъ пойдетъ въ субботу до Яффы). Предъ отходомъ парохода на него вошли жандармы и полковникъ осматривать пароходъ. Одинъ армянинъ потерялъ паспортъ и его хотѣли ссадить. Но по справкѣ оказалось, что его паспортъ былъ заявленъ и поэтому по ходатайству знакомыхъ пропустили его.

Наконецъ, 3-й свистокъ, и мы раскланиваемся съ знакомыми. Убирается трапъ, и пароходъ отрывается отъ русской земли, ведомый маленькимъ пароходомъ за корму, пока не обернулись носомъ къ воротамъ въ бухтѣ. По выходѣ изъ бухты пароходъ пошелъ полнымъ ходомъ, и мы, стоя на верхней палубѣ 1-го класса, смотрѣли на уходящій отъ насъ городъ. Вотъ прошли ближній и средній Фонтанъ, а потомъ и большой Фонтанъ. Чрезъ часъ скрылись изъ глазъ берега, и мы очутились одни въ открытомъ морѣ. На меня море не произвело особаго впечатлѣнія, такъ какъ я видѣлъ Каспійское море не разъ.

Но тѣмъ не менѣе мы долго не уходили въ каюту, дыша морскимъ воздухомъ. Вѣтерокъ былъ порядочный, скоро появились и бѣляки (ба-

рашки); но нашъ громадный пароходъ-красавецъ не чувствовалъ волнъ и мы не ощущали качки.

Въ столовой, хорошо обставленной и мебелированной, мы закусили и попили чайку. Закуска наша и обѣдъ составляли: маслины, маренады разные въ коробкахъ, фрукты—яблоки, апельсины и финики.

Послѣ вечерней закуски мы сидѣли въ каютѣ занимаясь, кто чтеніемъ газетъ, кто—путеводителей, вдругъ въ 7 часовъ входитъ официантъ и подаетъ мнѣ и епископу Мелетію радіотелеграммы такого содержанія: „Изъ Одессы. Принята 2 апр. (т.-е. н. ст.) 1914 г. 6 час. 35 мин. пополудни. Радіотелеграфъ, пароходъ Импер. Екатерина II. Старообрядческому епископу Александру, „молитвенно желаю вамъ благополучнаго путешествія. Барченковъ“. Эта первая для насъ телеграмма въ открытомъ морѣ (мы отошли изъ Одессы въ 12 съ половиной; слѣдовательно телеграмму получили чрезъ 6 часовъ, когда мы отошли не менѣе 150 верстъ!) Телеграмма насъ обрадовала и крайне заинтересовала.

Вотъ до чего дошелъ умъ человѣка: воздухъ передаетъ электрическія волны и протянутыя отъ одной мачты къ другой 4 проволоки улавливаютъ ихъ, а телеграфистъ записываетъ, что передаютъ за сотню верстъ. Потолковавъ на эту тему, мы рѣшили тотчасъ же отвѣтить нашему любезному корреспонденту, тоже радіотелеграммой. Мы такъ отвѣтили ему: „Одесса, Барченкову. Сердечно благодаримъ, ѣдемъ хорошо, волненіе малое, сообщите архіепископу. Александръ, Мелетій“. Сампсонъ Ивановичъ понесъ эту телеграмму. Черезъ нѣсколько минутъ приходитъ и говоритъ, махнувъ рукой: „сейчасъ пойдетъ, вотъ только освободится путь!“ Оказывается путь занятъ. „Какъ же вы знаете?“ спрашиваетъ С. И. телеграфиста. „А вотъ послушайте“, говоритъ. Снимаетъ съ своей головы въ родѣ металлической ленты, надѣваетъ на голову Самсону Ивановичу—какъ надѣваютъ дѣти гребенку. На одномъ концѣ этой ленты небольшой слуховой аппаратъ приставляется къ уху.—„И вотъ я слышу, рассказываетъ С. И. постукиваніе,—выбиваніе условныхъ точекъ, употребляемыхъ въ телеграфѣ. Этотъ аппаратъ оказывается, всегда находится на головѣ и на ушахъ телеграфиста и вотъ когда онъ услышитъ названіе своего парохода, беретъ карандашъ и записываетъ. А когда ему нужно послать радіотелеграмму, онъ улавливаетъ моментъ, когда аппаратъ не стучитъ“.

Такимъ образомъ и гибель „Титаника“ была оповѣщена пароходамъ, идущимъ въ океанѣ, и нѣкоторые успѣли подойти и спасли многихъ пассажировъ. Небудь этого—всѣ бы погибли! Теперь на всѣхъ пароходахъ, совершающихъ морское плаванье, имѣются радіотелеграфы.

21-го марта, въ четвергъ, мы еще разъ были удивлены. Утромъ въ столовой появилась радіотелеграмма, въ которой сообщались интересныя новости: изъ Вѣны, Рима, Θεодосіи, о возстановленіи дѣйствія кратера, грязью заливашаго поля и освѣшаго на двѣ сажени. О забастовкѣ въ Петроградѣ, о сожженіи въ Малой Азіи турками армянскаго селенія, о гостяхъ у Государя и пр.

Не удивительно поэтому сообщеніе, что на океанскихъ пароходахъ даже печатають свои газеты!

Часовъ въ 12 я зашелъ въ читальню I-го класса и, просмотрѣвъ иностранные иллюстрированные журналы, увидѣлъ бланки-листы и конверты со штемпелемъ нашей „Екатерины“ и написалъ письмо Янѣ—„съ моря Чернаго“, передавъ оное для опущенія въ ящикъ на пароходѣ.

Въ часъ дня мы подошли къ Босфору. Чудная открылась глазамъ нашимъ панорама! Босфоръ, шириной съ Неву, представляетъ изъ себя проливъ, раздѣляющій Европу отъ Азии: справа европейскій берегъ съ Румелійскимъ маякомъ, слѣва—Анатолійскій.

Берега гористые, покрытые кипарисами, соснами особой породы—широковѣтвистой и мелкимъ кустарникомъ. Крѣпости и др. постройки казенныя и частновладѣльческія; Дворцы, дачи пословъ: Россіи, Австріи и Америки. Развалины старыхъ крѣпостей, цвѣтушіе сады. Наконецъ показывается Константинополь, съ многочисленными мечетями и минаретами и среди нихъ „Айя-Софія“—знаменитый Іустиніановъ-Софійскій соборъ, обращенный въ мечеть и обставленный минаретами. Больно становится на душѣ при этомъ видѣ...

Часто встрѣчаются маленькіе пароходики, развозящіе публику по окрестностямъ Босфора. Попадаются и корабли иностранные—американскіе, итальянскіе, греческіе и пр. Наконецъ наша „Екатерина“ тихо подходитъ къ пристани въ Галатѣ. На берегу копошатся разныя народности, но преимущественно османлысы. Вотъ проѣзжаетъ лодка съ русскими моряками въ „матроскахъ“.

По отданіи трапа къ намъ всходятъ власти, носильщики и агенты отъ гостинницъ и монахи съ подворій. Мы спрашиваемъ съ Пантелеймоновскаго подворья. Выступаетъ монахъ, по имени Іоакимъ и мы поручаемъ ему нашъ багажъ. Онъ приглашаетъ 3-хъ носильщиковъ, которые и сносятъ багажъ на берегъ. При сходѣ на берегъ требуютъ у насъ паспорта. Мы показываемъ и насъ пропускаютъ сквозь толпу. Багажъ нашъ везутъ на телѣжкѣ, но опять остановка; требуютъ за набережную, по числу мѣстъ 1 р. 30 коп. Заплатили. Идемъ въ таможеню. Здѣсь поверхностный осмотръ двухъ чемодановъ,—благодаря, конечно, монаху и его маклеру, подрядчику носильщиковъ. Монахъ предъявилъ наши паспорта и, по отмѣткѣ ихъ въ таможенѣ, два турка взваливаютъ на плечи нашъ багажъ и, связавъ веревкой, несутъ узкими, грязными улочками на подворье, а за ними слѣдуемъ и мы съ о. Іоакимомъ. Наконецъ, минутъ черезъ 8 мы дошли до Пантелеймоновскаго подворья (4-хъ этажное зданіе) и заняли № 4-й.

Закусили и намѣняли турецкихъ денегъ: меджидіе—1 р. 60 к., черекъ—40 коп., піастръ (никкель) 8 к.—10 коп., пара („паричка“—мѣдн. и никкелир.)—2 коп., лира—(золот.)—8 руб. 60 коп., полмедж.—80 коп.

Написали нѣсколько открытокъ въ Россію—роднымъ и знакомымъ. (Я купилъ на дорогѣ, еще идучи съ парохода на подворье 20 экземпляровъ за 40 коп.).

Вечеромъ съ подворья не уходили. Обѣдали въ №, что было приготовлено монахомъ: 1) лапша, 2) жареный картофель, 3) салатъ съ лукомъ и 4) что-то въ видѣ желтаго тѣста. Покушали—кислое, съ лукомъ,—оказалось икра частиковой рыбы. Не стали ѣсть. Монахъ объяснилъ, что они ѣдятъ икру, когда разрѣшается на масло. Рыбу же ѣдятъ какъ и у насъ только на Благовѣщеніе и Вербное. Около 10 часовъ мы, записавъ кое-что, легли спать. Кроватей было три; поэтому о. Діонисій и Сампсонъ Ивановичъ легли вмѣстѣ (кровати полуторныя). Но разносчики разныхъ товаровъ и съѣстныхъ продуктовъ, несмотря на ночь, продолжали выкрикивать свои товары. Ночь здѣсь—(собственно тьма) начинается тотчасъ же съ закатомъ солнца; зари нашей нѣтъ.

22-го марта 1914 года, суббота.

Встали мы послѣ 6 часовъ и въ 7 часовъ пошли въ греческій соборъ противъ подворья, на который мы обратили вниманіе—вслѣдствіе своеобразнаго звона—еще вчера. Звонница—деревянная, съ крестомъ четвероконечнымъ, съ сіяніемъ, помѣщается сбоку храма, противъ нашихъ оконъ. Молодой, стриженный грекъ взлѣзъ туда и началъ звонить, ударяя языкомъ въ оба бока колокола (пуд. 10-ти): „разъ, два, три,—разъ, два, три“, и такъ продолжалъ минуты 3, потомъ остановился, посмотрѣлъ чрезъ перила, и еще ударилъ 1 разъ. Потомъ опять: „разъ, два, три“,—разъ, два, три“, съ минуту; и опять, повременивъ, ударилъ 1 разъ и тѣмъ закончилъ. Сегодня утромъ звонъ производился съ земли, дерганьемъ за веревку, привязанную за перекладину, на которой закрѣпленъ колоколъ, вѣсомъ въ пудъ или два. Перекладина эта вращается и языкъ отъ этого ударяетъ въ тотъ и другой край колокола. Вотъ и весь звонъ.

Разспросивъ, какъ пройти въ эту церковь („соборъ“ именуемый), мы вышли съ подворья, поворотивъ направо—прошли улочкой, на которой помѣщаются торговыя лавки, одна русская. Тутъ же, на улицѣ, жарятъ и варятъ кофе; столяръ—краситъ дверь, занявъ ею полулицы. Грязь—порядочная. У лавки—собака на привязи и вольная. „Соборъ“ помѣщается въ простомъ каменномъ зданіи крытомъ черепицей—какъ и обыкновенные дома, съ маленькимъ, четвероконечнымъ крестомъ на крышѣ.

Входимъ во дворикъ, съ желѣзной рѣшеткой и воротами; здѣсь—на Полу и по стѣнамъ—торговля иконами, невысокаго письма. Паперть большая, съ дверями на обѣ улицы; и поэтому папертью проходятъ—какъ чрезъ проходной дворъ. На паперти свѣчной ящикъ, съ разной величины свѣчами, толщиной—начиная, чуть не со спичку и въ четверть длины,—до 2—3 фунтовъ и полуаршина длины.

Храмъ своею внутренностію производилъ невыгодное впечатлѣніе. На карнизѣ иконостаса—надъ мѣстными иконами,—стоитъ 1841 годъ, сооруженія—иконостаса или церкви? Когда-то онъ былъ, очевидно, хорошо отдѣланъ; колонны подъ бѣлорозовый мраморъ; иконостасъ съ позолоченной рѣзбой. Надъ рядомъ праздниковъ—три золотыхъ рѣзныхъ орла. Но все это по-

тускло, загрязнилось. Но верхъ безобразія,—это полъ, застланный грязными, старыми досками—съ большими щелями...

Храмъ раздѣляется колоннами на три части: среднюю, гдѣ стоятъ мужчины, и двѣ боковыхъ, гдѣ помѣщались женщины. У колоннъ, по обѣимъ сторонамъ, поставлены сидѣнья (стапиды). И это какъ въ мужской части, такъ и въ женскихъ. Клироса помѣщаются за желѣзной рѣшеткой, на полу-круглыхъ возвышеніяхъ, на которыхъ также имѣются двѣ—три стапиды. Посрединѣ клироса поставленъ аналой, съ повертывающейся подставкой для книгъ. Пропѣвъ или прочитавъ въ одной книгѣ, чтецъ повертываетъ подставку и читаетъ по другой. Замысловато! Около праваго клироса, ближе къ народу, святительское мѣсто, съ иконой Спасителя подъ балдахинѣмъ. На правомъ клиросѣ стояли два пѣвца (монахъ или протестъ—не знаю) въ клобукахъ и въ верхнихъ рясахъ, съ широкими рукавами. На лѣвомъ—одинъ. Пѣніе производилось однимъ, а др. иногда только тянуть одну ноту. Голоса у пѣвцовъ тенора, но пѣніе въ носъ, да еще на непонятномъ языкѣ, неприятное для слуха! Служилъ одинъ священникъ. Двери (кстати сказать—вышиной въ ростъ мальчика лѣтъ десяти)—посрединѣ съ выемкой, отворялъ и затворялъ мальчикъ въ пиджакѣ. Престолъ большой, но какъ будто къ стѣнѣ приставленный. По крайней мѣрѣ мы не замѣтили, чтобы священникъ ходилъ вокругъ него. Выходъ—какъ съ Евангеліемъ, такъ и съ дарами—совершался изъ сѣверныхъ дверей, чрезъ женское отдѣленіе и серединой храма, въ предхожденіи пономаря съ діаконовской свѣщей. Апостолъ и Евангеліе читаютъ, обратясь къ народу. Послѣ „херувимской“ (мотивъ—недуренъ, унывый, но пѣлъ одинъ пѣвецъ), ектенію говорилъ священникъ при закрытыхъ дверяхъ—громко, и пѣвецъ лѣваго клироса иногда тихо пѣлъ: „киріе елейсонъ“. „Дору“ раздавалъ священникъ, лѣвой рукой, изъ сосуда, на подобіе миски, въ то же время правой ограждая крестомъ и говоря отпустъ. Пѣвецъ одинъ приглашалъ и меня подойти и когда я отказался, взялъ кусочекъ и поднесъ мнѣ. Но я не принялъ, показавъ рукой на уста, что-де я уже ѣлъ.—Иконы мѣстныя, въ серебряныхъ ризахъ, но письма невысокаго и недревняго—какъ и все вообще. Къ особенности греческаго храма относятся—паникадила, густо обвѣшенныя призмами. Но кромѣ паникадилъ висятъ еще нѣсколько лампадъ, по сторонамъ паникадилъ, спускаясь съ желѣзныхъ перекладинъ. Это лампады—для освѣщенія храма, а не для иконъ. Предъ иконами, не вблизи—какъ у насъ, а въ отдаленіи—стоятъ подсвѣчники съ большими свѣщами въ срединѣ, а для самыхъ мелкихъ—какъ спички свѣчекъ—сдѣланъ на подсвѣчникахъ какъ бы тазъ, и въ немъ насыпанъ песокъ, и вотъ въ этотъ песокъ и втыкаются свѣчки.

Послѣ зашелъ я и въ домовую церковь Пантелеймоновскаго подворья, на самомъ верху. Пѣли монахи (съ голосами) очень недурно. Было двое причастниковъ—моряковъ, въ пиджакахъ. Служилъ священникъ съ просѣдою. Причастники запивали изъ ковшичковъ (тоже два) и заѣдали кусочками просфоры. „Благословлю Господа“ прочли „до полу“. Въ храмѣ имѣется

ковчегъ съ частицею Животворящаго древа и частицами св. мощей, между прочимъ мучениковъ Пантелеймона и Харлампія. Вокругъ церкви терраса, съ которой чудный видъ на пристань и Золотой рогъ; къ сожалѣнію, множество дыма препятствуетъ хорошо видѣть. Сверху постройки кажутся грязноватыми.

Послѣ закуски Самсонъ Ивановичъ съ о. Діонисіемъ и о. Елисеємъ, монахомъ, сходили на пристань и записали для насъ каяту 4-хмѣстную на пароходъ „Одессу“.

22-го марта, въ субботу.

Послѣ обѣда, въ 12 часовъ, мы вышли съ подворья въ сопровожденіи переводчика Пантелеймона, молодого грека, въ часть, называемую „Стамбулъ“ чрезъ новый мостъ, перекинутый чрезъ „Золотой рогъ“ (заливъ), заплативъ по „паричкѣ“ (2 коп.) съ человека—за мостъ (беруть со всѣхъ). Затѣмъ наняли карету парную съ сидѣньями для четверыхъ, а проводникъ рядомъ съ кучеромъ, за плату: первый часъ 1 руб. 20 коп., послѣдующіе—по 80 коп. „Выѣздъ“—очень хорошій, лошадки тоже.

1-е. *Обозрѣніе* мы начали съ Софіи—„Айя Софія“. Снаружи она не представляетъ, благодаря разнымъ пристройкамъ и минаретамъ, особо выдающагося вида. Такихъ, по наружному виду, мечетей—много, съ полумѣсяцемъ—вмѣсто Креста.

Какъ можно предполагать: всѣ мечети за образецъ брали Софію. Находится она за каменной стѣной,—дворъ обширный, на немъ стоитъ какое-то зданіе, около котораго сидятъ на низенькихъ стульяхъ турки.

При входѣ на паперть (обширная) снимаемъ галоши и беремъ ихъ въ руки; платимъ муллѣ за право входа черекъ (=40 коп) за пятерыхъ; переступаемъ порогъ и останавливаемся, съ восхищеніемъ глядя на величественное архитектурное чудо. Открывается обширная площадь, предъ которой нашъ московскій храмъ „Христа Спасителя“ не можетъ быть сравненъ; куполъ какъ бы виситъ надъ головой; множество оконъ подъ нимъ—льютъ массу свѣта. Колонны поддерживаютъ двухъ-ярусные хоры съ трехъ сторонъ; ближе къ бывшему алтарю особое, въ видѣ шатра, какъ-бы царское мѣсто; тоже вверху, украшенное рѣзною, золоченою рѣшеткою. Но чувство христіанина омрачается, не находя и признаковъ христіанскаго храма. По стѣнамъ большіе щиты, съ изреченіемъ изъ корана, масса висящихъ стаканчиковъ какъ паутиной, опутавшихъ все зданіе, но при входѣ ихъ не замѣчаешь, благодаря величинѣ зданія. На одномъ изъ мраморныхъ столбовъ, справа, виднѣется сабельный ударъ, сдѣланный завоевателемъ Царьграда Магометомъ II, въѣхавшимъ въ храмъ на конѣ по тѣламъ 10 тысячъ убитыхъ грековъ. На другомъ же столбѣ показывають отпечатокъ его окровавленной руки, съ распростертыми пальцами. Мѣсто это выскоблено отъ крови по контурамъ.

Весь храмъ—мечеть застланъ коврами и въ разныхъ мѣстахъ сидятъ на корточкахъ муллы, читая и кланяясь по обычаю магометанъ. Въ боко-

вомъ же отдѣленіи слышатся дѣтскіе голоса учениковъ: оказывается, здѣсь помѣщается высшее духовное магометанское училище.

Не давши намъ хорошенько осмотрѣться въ Софіи, проводникъ повелѣ насъ вонъ, и по предложенію его мы зашли въ мечеть-усыпальницу султановъ. Здѣсь указали намъ гробницы, въ видѣ огромныхъ гробовъ съ крышками, покрытыхъ коврами и шалами. Въ головахъ головные уборы—турбаны и толстыя восковыя свѣчи.

Показывали намъ древній коранъ, писанный (1000 лѣтъ тому назадъ, по объясненію молодого муллы), съ золотыми заставками. Навязывалъ онъ намъ и четки, но мы отказались и онъ рѣзко потребовалъ съ насъ доплаты къ данному нами. Отсюда мы проѣхали на ипподромъ, на которомъ стоитъ обелискъ, построенный въ 1600 г. до Р. Х., съ египетскими іероглифами, привезенный изъ Египта императоромъ Θεодосіемъ въ 390 г. Іероглифы сохранились замѣчательно хорошо. Недалеко отъ него стоитъ „Змѣиная“ колонна, поставленная въ 478 году, но головы змѣй отломаны. Здѣсь же каменная колонна императора Константина, построенная въ X вѣкѣ. Всѣ эти колонны и обелискъ своимъ основаніемъ стоятъ въ ямахъ около двухъ сажень глубиною; это доказываетъ, что уровень площади настоящаго времени настолько сталъ выше прежняго. Ипподромъ обгороженъ желѣзной рѣшеткой, съ цвѣтниками и зеленью, содержится очень чисто. Напротивъ помѣщаются разныя казенныя учрежденія. Отсюда мы отправились далѣе по узенькимъ улочкамъ, съ домами въ нѣсколько этажей, съ висящими, закрытыми балкончиками; но рядомъ съ хорошимъ домомъ стоитъ полуразрушающійся. Бѣдность и разрушеніе глядитъ повсюду, какъ будто это провинціальный городъ, приходящій въ запустѣніе. Вотъ мы подъѣзжаемъ къ колоннѣ Константина Великаго, скрѣпленной желѣзными обручами, верхъ сломанъ. Далѣе проѣзжаемъ улицами развалинъ, послѣ громаднаго пожара, бывшаго года 2—3 назадъ. Жутко становится отъ взгляда на это пепелище при мысли, что творилось здѣсь при скученности построекъ въ узенькихъ улицахъ! „10 тысячъ домовъ сгорѣло тутъ“, говоритъ намъ проводникъ.

Заѣхали мы по предложенію нашего чичероне, въ церковь, именуемой „Скорой послушницы“, гдѣ имѣется явленная икона Богородицы, явившейся на деревѣ. Отъ дерева этого остался одинъ пенъ сухой—въ полтора аршина вышиной, огороженъ желѣзной решеткой. Церковь греческая немногимъ чище Никольской, что близъ подворья. Полъ также застланъ грязными досками, кое-какъ прилаженными. Явленная икона аршина въ полтора вышины, обложена серебряной ризой. Перстосложеніе у Спасителя на ризѣ имянословное. Определить древность иконы затруднительно. Она или записана неискусно, или не старше 200 лѣтъ.

Приложившись къ ней и бѣгло осмотрѣвъ иконы въ иконостасѣ и по стѣнамъ, мы вступили чрезъ переводчика Пантелеймона въ разговоръ съ мѣстнымъ духовенствомъ. Имена ихъ, какъ мы узнали отъ нихъ, такіа: глубокий старецъ—архимандритъ Макарій, живущій при церкви на покоѣ;

священникъ Іорданъ и діаконъ Прокопій. Послѣдній, молодой красавецъ, и велъ болѣе съ нами разговоръ. Онъ, какъ видится, болѣе развитой и начитанный, обладающій свободной рѣчью. Другіе иногда только вставляли свои слова въ его отвѣты.

Мы обратились къ нимъ съ вопросомъ: „Какъ совершается у васъ крещеніе?“ Священникъ отвѣтилъ: „Трехпогружательно“. При этомъ показывалъ—какъ именно. Взялъ дѣвочку, стоявшую здѣсь (вѣроятно дочь кого либо изъ нихъ), зажалъ одной рукой ей ротъ, другой наклонялъ какъ бы въ купель. Но видя, что это не такъ наглядно показываетъ, взялъ крестъ и трижды опуская и возводя его, говоритъ—„вотъ такъ“.

Мы спрашиваемъ: „Съ головой погружаете?“—„Да да“, отвѣчаютъ, „съ головой, весь погружается съ головой“.—„Но если больной, можетъ быть, обливаете?“ Діаконъ нѣсколько замаялся, но архимандритъ Макарій настойчиво заявилъ: „И больного обязательно погружаемъ“. Мы спросили показать намъ купель. По приказанію священника пономарь принесъ въ мѣшкѣ купель и вынувъ, началъ ввинчивать подножку. Но мы его остановили, ибо и безъ этого видно, что купель совершенно (и по формѣ) такая же какъ у насъ, мѣдная. Послѣ сего мы спросили: „Какъ принимаете вы въ соединеніе католиковъ, крещенныхъ поливательно?“ Они сначала не поняли, или переводчикъ цѣлѣнно передалъ нашъ вопросъ. Мы повторили свой вопросъ. Тогда архимандритъ Макарій отвѣтилъ: „Крестимъ вновь обязательно“. „Но если католическій ксендзъ пожелаетъ присоединиться, какъ его примете?“ Діаконъ пространно началъ говорить, „что если присоединяющійся истинно желаетъ въ греческую православную вѣру—не ради матеріальныхъ расчетовъ, а по убѣжденію, то его должно крестить снова, такъ какъ поливательное крещеніе не признается за дѣйствительное. Послѣ крещенія онъ вновь хиротонисается“. Спросили мы ихъ про митрополита Амвросія. Но они ничего не знаютъ о немъ, указавъ намъ справиться объ этомъ въ патріархію. При прощаніи они предложили намъ записать свои имена. Мы назвали себя, и діаконъ записалъ. Узнавъ изъ записи, что предъ ними епископы, они взяли наши руки и поцѣловали. Изъ этихъ разговоровъ мы еще болѣе убѣдились, что увѣреніе безпоповскихъ начетчиковъ, что будто греки крестятъ обливательно, а слѣдовательно и митрополитъ Амвросій крещенъ обливательно—несправедливо. Не заслуживаетъ вѣроятія и увѣреніе миссіонеровъ, что митрополитъ Амвросій былъ судимъ и при концѣ жизни возвратился въ греческую вѣру. Такой глубокий старецъ какъ архимандритъ Макарій (ему болѣе 75 лѣтъ), ничего не знаетъ про такое дѣло. Не знаетъ и не читалъ ничего подобнаго и любознательный діаконъ Прокопій.

Отсюда проѣхали мы внѣ городскихъ стѣнъ къ „Живоносному источнику“. Стѣны городскія, несмотря на свою двухтысячную давность и полуразрушенность, удивляютъ своею массивностью. Въ два ряда тянутся эти стѣны съ трехъ сторонъ горда. Глубокий и широкий ровъ, наполнявшійся

водою, придавалъ городу неприступность. Проѣзжая чрезъ ворота, мы вспомнили нашего русскаго князя Олега, который, несмотря на такую крѣпкую стѣну и ровъ, сумѣлъ взять городъ и въ знакъ этого прибилъ свой щитъ надъ вратами града. Эти стѣны, какъ видится, служатъ любимымъ мѣстомъ гулянья турокъ, а можетъ быть и грековъ, ибо ихъ трудно различить: тѣ и другіе носятъ фески. На этихъ стѣнахъ и во рву мы видѣли и пасущихся овецъ, такъ какъ стѣны поросли травой и даже крупными деревьями. Дорога къ „Живоносному источнику“ пролегаетъ между турецкихъ кладбищъ, обсаженныхъ кипарисовыми и другими деревьями. Проѣзжаемъ кладбище. Масса турецкихъ памятниковъ, въ видѣ стоящихъ плитъ, съ надписями и украшеніями. Имѣются и особые мѣста, обнесенныя желѣзною рѣшеткою и покрытыя въ видѣ бесѣдки. Мѣстность „Живоносный источникъ“ именуется „Балуклія“, находится очень далеко, за кладбищами. Здѣсь построены монастырь на мѣстѣ чудесно истекшаго источника по молитвѣ императора Льва. Вода источника и понынѣ считается цѣлѣбною и усердно посѣщается богомольцами. Прекрасная, сравнительно новая церковь, богато украшенная. Въ оградѣ ея похоронены видныя лица: нѣсколько патріарховъ (въ томъ числѣ Анфимъ, современникъ м-та Амвросія) и митрополитовъ и богатыхъ лицъ, „у кого денегъ много“,—замѣтилъ нашъ Пантелеймонъ. Самый источникъ протекаетъ въ довольно глубокомъ, особо устроенномъ каменномъ зданіи, куда ведутъ нѣсколько ступенекъ. Вода очень вкусная. Въ бассейнѣ водятся особой породы рыбы,—съ одной стороны красныя, съ другой—темныя. Съ этимъ связано преданіе о взятіи Константинополя турками. Жарившій рыбу монахъ не повѣрилъ этому, сказавъ: „Я тогда повѣрю взятію Константинополя, когда эти рыбы оживутъ“. И вдругъ совершилось чудо: изжарившіяся уже съ одной стороны рыбы оживѣли! Но мы ихъ хорошо видѣть не могли.

Въ церкви большія свѣчи на подсвѣчникахъ и паникадила обвиты чернымъ флеромъ. Пантелеймонъ говоритъ, что это для покойника и остаетъ такъ до 40 дня. Часть храма за рѣшеткой (обычно отдѣляемая отъ простого народа) застлана коврами.

Не безъ труда проѣхавъ по дорогѣ, внѣ городскихъ стѣнъ, устланной крупными камнями и довольно выбитой, со спусками и подъемами, мы въѣхали чрезъ древнія ворота опять въ тѣсныя улицы, съ новыми домами—рядомъ съ разрушающимися. Поѣздка внѣ древнихъ стѣнъ очень интересна. Съ одной стороны возвышаются величественныя стѣны, съ башнями—разрушенными и полуразрушенными; съ другой,—за каменной оградой, съ желѣзными рѣшетками, тянутся турецкія могилы, среди зеленѣющаго лѣса и стройныхъ, какъ свѣчи, темныхъ кипарисовъ. Въ промежуткахъ кладбищъ открывается чудный видъ на Босфоръ, а также часто встрѣчаются цвѣтушіе сады и огороды съ кейфующими семьями турокъ, грековъ и евреевъ. Дважды попадался намъ старый еврей, въ лисьей поддевкѣ, прогуливающийся съ семьей по дорогѣ и привѣтствующій насъ по-русски: „здраси“. Дѣти

цыганята и жиденята приставали къ намъ, прося подачки, причемъ жиденята тоже привѣтствовали насъ: „здраси“. Это „здраси“ случалось слышать и въ городѣ отъ взрослыхъ и дѣтей, но непременно отъ евреевъ.

Въ одной изъ горныхъ улочекъ Пантелеймонъ показываетъ намъ на мечеть, подъ горой стоящую, говоря, что это была церковь Θεодора Студита и въ ней есть что посмотреть. Мы сошли съ горы, привѣтствуемые дѣтьми; у мечети сидѣло нѣсколько муллъ, изъ которыхъ, при нашемъ приходѣ, всталъ одинъ и, попривѣтствовавши насъ словомъ „здраси“, повелъ въ мечеть. Взошли мы въ большую паперть христіанскаго храма и остановились въ восхищеніи: со стѣны глядѣлъ на насъ чудный ликъ Спасителя (въ ростъ человѣка) изъ мозаики; съ другой стѣны—Владычица въ молитвенномъ видѣ. Къ сожалѣнію много, въ особенности нижняя половина изображенія, и болѣе у Богородицы, неискусно поправлена. Вверху и на стѣнахъ изображенія изъ священной исторіи — тоже мозаичныя и прекрасно сохранившіяся; глазъ не можетъ оторваться отъ этихъ святыхъ изображеній, художественно исполненныхъ, напоминающихъ наше строгиновское письмо, съ длинными фигурами. Не однажды въ изображеніяхъ встрѣчается двуперстное сложеніе и только у Спасителя, о которомъ я говорилъ во-первыхъ, перстосложеніе именословное. Епископъ Мелетій говорилъ, что это позднѣйшая работа, болѣе приближающаяся къ живописи.

Мы же съ о. Діонисіемъ говорили, что одного времени, а разница происходитъ отъ исполненія мелкаго и крупнаго изображенія. Последнее болѣе тонко сработано, съ оттѣнками, и поэтому кажется подходящимъ къ живописи. Подобное встрѣчается и въ иконописи.

Въ придѣлѣ, справа, тоже частью сохранились фрески, но не особо художественно исполненныя. У одного святителя, подобенъ Николѣ, перстосложеніе двуперстное. Въ куполѣ много изображеній, но подробно осмотрѣть было трудно безъ бинокля, да и сомнѣніе являлось—не поновлены ли эти фрески. Ужъ очень краски рѣзкія.

Отсюда мы проѣхали къ мѣсту бывшей Влахернской церкви: мѣсто это находится во дворѣ частнаго владѣльца. Проходимъ дворомъ мимо сада, съ цвѣтущими деревьями и клумбами цвѣтовъ, гдѣ сидитъ духовное лицо (по одѣянію и кlobуку они не отличаются отъ простыхъ монаховъ, такъ намъ казалось) и вѣроятно—владѣлецъ. Въ глубинѣ двора стоитъ церковь небольшая, въ которой и указываютъ мѣсто гдѣ стоялъ св. Андрей юродивый съ Епифаніемъ и видѣлъ Покровъ Божіей Матери. Имѣется здѣсь источникъ, но вода мнѣ показалась невкусной и довольно холодной. (Вечеромъ и ночью у меня зубы „ныли“ отъ холодной ли воды или отъ другого чего). Въ церкви царскія двери были сняты и закрыты полузадернутой завѣсой, поднимающейся какъ сторы на окнѣ, что и продѣлалъ служитель церкви. Въ церкви, у западныхъ дверей, имѣется особое, загороженное мѣсто, гдѣ на столбикахъ положена каменная, бѣлаго мрамора, плита, на которой, по преданію, стоялъ св. Андрей юродивый, и на ней сосудъ съ водою.

Послѣ послѣдняго осмотра мы, довольно утомившіеся, да и лошади устали, отказались посѣтить патриархію въ Фанарѣ, хотя это было и на пути нашего возвращенія. Доѣхавъ до площади у моста въ Стамбулѣ, гдѣ взяли извозчика, мы разочли его. Проездили мы 5 часовъ 10 минутъ, заплатили 4 руб. 80 коп. Черезъ „новый мостъ 1912 года“,—такъ называется онъ въ снимкахъ,—мы прошли въ свое подворье. Попивъ чаю и поужинавъ, записали по обычаю, что видѣли; написали открытки роднымъ и знакомымъ въ Россію.

Проезжая по городу, мы невольно обращали наше вниманіе на любовь турокъ къ животнымъ. Лошади, ослики и буйволы, запряженные въ повозки, украшены бусами на шеѣ, иногда ряда въ два.

А также и на хомутахъ—на крупѣ—украшенія. Большею частью бирюза (поддѣлка, конечно).

23-го, въ воскресенье, мы, въ сопровожденіи Иполита—дяди Пантелеймона (онъ остался для встрѣчи паломниковъ изъ Одессы—на парох. „Одесса“) прошли по мосту къ пристани и сѣли на пароходикъ, перевозящій въ кварталъ „Фанаръ“. Масса каюковъ, спующихъ по Золотому рогу; лѣсъ мачтъ судовъ, мелкихъ пароходовъ разныхъ націй; далѣе, военный флотъ—броненосцы, миноносцы, но не крупные. Высадившись въ Фанарѣ, прошли сажень сто и поднялись къ зданію патриархіи, въ которую вели трое неширокихъ воротъ. Одни, среднія, задѣланы и на нихъ написанъ четвероконечный крестъ; это ворота, на которыхъ былъ повѣшенъ турками патриархъ Григорій, заподозрѣнный ими въ измѣнѣ. На другой сторонѣ помѣщенъ его портретъ. Налѣво ворота ведутъ въ патриаршую церковь св. Георгія. Когда мы вошли, народу было порядочно, до рѣшетки. Насъ кавасы, стоящіе у входа за рѣшеткою, попросили пройти за рѣшетку, чѣмъ мы и воспользовались; прошли и стали налѣво, у стасидій, почти напротивъ патриарха Германа, воздавъ его святѣйшеству поясной поклонъ. Патриархъ возсѣдалъ на кафедрѣ, приписываемой св. Іоанну Златоусту, облаченный въ соборную мантию обычнаго, какъ и у насъ цвѣта и формы, но источники наши въ нѣсколько иначе и на нихъ во многихъ мѣстахъ висятъ шнуры желтые и черные, длиною вершковъ шести. На шеѣ патриарха надѣта была одна панагія, осыпанная брилліантами, а на головѣ черный, обычной на востокъ формы, клобукъ. Справа, на возвышеніи для стасидій, предъ патриархомъ стоялъ съ жезломъ монахъ или священнослужитель (по одѣянію и головному убору нельзя опредѣлить это). Служилъ одинъ священникъ и діаконы—тенора. На клиросахъ, устроенныхъ ближе къ алтарю на полукругломъ возвышеніи въ три приступка и обращенныхъ другъ къ другу, стояли пѣвцы: по два главныхъ—въ черныхъ шапочкахъ, и человекъ до 15 молодыхъ людей и мальчиковъ (послѣднихъ большинство), въ особыхъ черныхъ одѣяніяхъ въ видѣ рясы съ широкими рукавами. Но молодые люди—въ пиджакахъ и сюртукахъ. Продолжалась утренняя. Чтенія никакого не было: все пѣли. Пѣніе хоровое—унисонное, недурно; взрослые и начальники хоровъ нѣсколько

нотъ еще пускаютъ въ носъ, но мальчики съ хорошими голосами поютъ чисто.

Всего болѣе за заутреней понравилось намъ „Величить душа моя Господа“ и „Честнѣйшую херувимъ“; запѣвалъ самъ патріархъ; пѣли не спѣша, съ увлеченіемъ и твердо всѣми усвоенное. Пѣніе напоминаетъ старообрядческое, но болѣе однообразное—безъ низкихъ и высокихъ нотъ. Иногда главный пѣвецъ забираетъ и высоко, но прочіе тянутъ одну ноту, изрѣдка присоединяясь и произнося текстъ; это очень красиво.

Ектеніи діаконовъ говорить высокимъ теноромъ и для непривычнаго уха—негармонично. Пѣвцы отпѣваютъ, кажется, не на всѣ прошенія, „Кирие елейсонъ“—тихо, чуть не въ октаву діакону. Басовъ среди пѣвцовъ нѣтъ. Ни палочкой, ни рукой маханія нѣтъ.

Послѣ нашего прихода взошли за рѣшетку человѣкъ 8, какъ оказалось, митрополитовъ, послѣ легкаго наклоненія головы къ патріарху занявшихъ по лѣвую его руку стасидіи.

Среди службы два манаха (а можетъ-быть и священники въ черныхъ рясахъ и клобукахъ) вынесли двое складней—въ двѣ иконы, и одинъ положили на аналой. Предъ этимъ служитель въ черной шапочкѣ и мантии вынесъ свѣщу толстую—фунтовъ въ пять, на подсвѣчникѣ,—безъ донышка, и поставилъ противъ патріарха, держа за край. Тогда патріархъ сошелъ съ мѣста и, сотворивъ поклонъ предъ народомъ, покрестился и поцѣловалъ на складняхъ икону на правой сторонѣ, потомъ также на лѣвой, также опять направо и налево. Затѣмъ три поклона предъ аналоемъ и, благословивъ народъ, сталъ на свое мѣсто. То же совершили, поочереды, по одному и всѣ митрополиты. Только послѣ кланаясь, легкимъ наклоненіемъ головы, патріарху. Пѣвцы пѣли какъ бы величаніе, а мальчики канонархали, каждый на своемъ клиросѣ, обращаясь къ пѣвцамъ и стоя на 2-й ступени. Патріархъ на поклоны къ нему не отвѣчалъ—ни благословеніемъ, ни наклоненіемъ головы. А когда говорилъ „миръ всѣмъ“, бралъ въ лѣвую руку жезлъ и благословлялъ, дѣлая въ воздухѣ какъ бы подобіе креста—всѣми перстами, не сложенными даже и въ именованное сложеніе, но будто всею ладонью съ согнутыми нѣсколько пальцами. Крестное знаменіе на себѣ совершаютъ какъ будто триперстно, дѣлая малый крестъ на груди. Земныхъ поклоновъ не было. Только мальчики—канонархисты, исполнивъ свое дѣло, вышли на средину и, сотворивъ три поясные поклона, поклонились въ землю патріарху очень чинно.

Незамѣтно для насъ, не знающихъ языка, началась литургія. Чтенія никакого. Пѣли антифоны (вѣроятно) съ канонархистомъ мальчикомъ—очень хорошо. Выходъ съ Евангеліемъ совершался такъ: изъ сѣверной двери шли прямо по лѣвому (женскому) отдѣленію на средину церкви, въ предхожденіи двухъ мальчиковъ (перепоясанныхъ лентами—какъ иподиаконы) съ двумя діаконами (по-нашему) свѣщами. Патріархъ и митрополиты сошли на нижнія приступки, патріархъ приложился къ Евангелію и по воз-

гласъ діакона зацѣль: „Прїидите поклонимся“ и сталъ на свое мѣсто, упираясь жезломъ. Послѣ входа долго пѣли что-то: поминая патріарха—обращаясь къ нему лицомъ. „Агіосъ о Θεосъ“—пѣли рѣдко, дѣлая удареніе на А. Зацѣввалъ самъ патріархъ. Апостолъ читалъ мальчикъ въ рясѣ, на первой ступени лѣваго клироса, обратясь на народъ. Погласица—неважная, съ повышеніемъ и пониженіемъ даже на одномъ словѣ. Діаконъ—кадилъ по-трижды, не дѣлая креста. По кажденіи, завивъ въ жгутъ свои косы и заложивъ ихъ за воротъ, взялъ Евангеліе и чрезъ минуту голосъ его раздавался позади насъ, сверху. Оказалось, что онъ взоселъ на каеэдру, съ лѣвой стороны устроенную, на которую ведетъ витая лѣстница, и оттуда пропѣлъ Евангеліе теноромъ, безъ особаго склада. Тотчасъ же за этимъ, безъ ектеніи, зацѣли—„Иже херувимы“. Пѣлъ лѣвый клиросъ на своемъ мѣстѣ. Мотивъ, напоминающій нашъ: спокойный, безъ выкриковъ. Мальчики и взрослые, какъ я и раньше уже говорилъ, иногда только выговариваютъ текстъ, а болѣе тянутъ одну ноту. Выходъ большой совершался, какъ и малый, боковой частью на средину, но съ тремя возглашеніями. Патріархъ и митрополиты сошли на нижнюю ступень и сняли клобуки.

„Вѣрую“ и „Отче нашъ“ читалъ патріархъ, взявши въ руку лѣвую жезлъ, а правой придерживаясь за каеэдру.

По „Достойно“ діаконъ съ амвона, лицомъ къ народу и къ патріарху, возглашалъ кенанду, поминая патріарха Германа константинопольскаго и другихъ патріарховъ—по имени и по каеэдрѣ. Заамвонную молитву священникъ читалъ съ амвона, обратясь къ иконѣ Спасителя. При пѣніи псалма или иныхъ стиховъ, патріархъ самъ раздавалъ дору, для чего сошелъ съ каеэдры, ставъ къ ней спиной, т-е. правой стороной къ иконостасу. Напротивъ его стали три каваса въ фескахъ, которые рукою приглашали и насъ подойти. Но мы отвѣтили поклономъ. Первые подошли митрополиты и, принявъ кусочекъ доры, цѣловали руку патріарха, и скушавъ, шли изъ церкви. Народъ, не исключая и женщинъ (которыхъ впрочемъ было мало), проходили мимо кавасовъ и, принявъ дору и поцѣловавъ руку патріарха, подходили къ иконостасу и нѣкоторые прикладывались къ мѣстнымъ иконамъ. Раздавалъ патріархъ дору правой рукой, въ лѣвой же держалъ крестъ, давая цѣловать его—не ограждая. Подходящіе прежде цѣловали крестъ и лѣвую руку, а затѣмъ изъ правой его руки принимали дору и цѣловали правую руку. По окончаніи сего патріархъ, взявши жезлъ, пошелъ изъ церкви; подолъ мантии его несъ жезлоносецъ, поднимая его довольно высоко.

Еще до раздачи доры нашъ проводникъ Ипполитъ переговорилъ съ ектлесіархомъ, который спросилъ патріарха: когда онъ можетъ принять насъ. При этомъ мы послали свои визитныя карточки. Ектлесіархъ, переговоривъ съ патріархомъ, отвѣтилъ Ипполиту, что патріархъ приметъ насъ завтра въ десять часовъ. Мы этимъ были очень обрадованы, что такъ легко намъ придется получить аудіенцію у вселенскаго патріарха. По уходѣ

всѣхъ изъ церкви мы приложились къ нѣкоторымъ иконамъ и къ мощамъ: св. великомученицы Евфиміи, лежащей въ ковчегѣ костыми—совершенно открыто. Ковчегъ со стеклами, закрывается и запирается внутреннимъ замкомъ. Видомъ ковчегъ—какъ небольшой гробъ. Рядомъ за этимъ ковчегомъ, тоже въ ковчегѣхъ, части мощей царицы Теофаніи и мученицы Соломоніи, матери Маккавеевъ. Въ правомъ углу иконостаса показываютъ икону Предтечи, нѣкогда брошенную въ костеръ, но не сгорѣвшую, а только снизу опаленную, со скипѣвшими красками. Затѣмъ часть столба, къ которому привязанъ былъ при бичеваніи Спаситель. Весьма заинтересовала насъ каеэдра, по преданію принадлежавшая св. Іоанну Златоусту. Каеэдра эта чернаго дерева съ рѣзбою и украшеніями изъ слоновой кости.

Возвратились мы въ хорошемъ расположеніи духа, считая за успѣхъ, что видѣли и что завтра будемъ приняты патриархомъ и переговоримъ объ интересующихъ насъ предметахъ: крещеніи, чинопріемѣ и о митрополитѣ Амвросіи и о лицахъ, имъ рукоположенныхъ. Почему съ нетерпѣніемъ ожидали завтрашняго дня.

Пообѣдавъ и отдохнувъ, проѣхались взадъ и впередъ на трамваѣ, идущемъ по улицѣ, лежащей параллельно Босфору: мимо дворца Абдуль-Гамида и казармъ. Особенность турецкихъ трамваевъ—это передвигающаяся портьера, отдѣляющая переднее одно, два или три сидѣнья (смотря по количеству) для турчанокъ, гдѣ мужчинамъ сидѣть воспрещено. Кондукторы очень вѣжливые и предупредительные. Въ вагонахъ курить не воспрещается. По улицѣ особо интереснаго не встрѣтили; погода была сырая и нерѣдко шелъ дождь. Проѣхались мы до мѣстности Артакое мимо дворца Долма-Бахче, за высокой каменной стѣной.

Въ понедѣльникъ, 24-го марта, напившись чаю, мы въ сопровожденіи Пантелеймона направились уже извѣстнымъ намъ путемъ въ Фанаръ въ патриархію, куда и прибыли къ 10-ти часамъ, какъ было назначено. Въ прихожей облачились въ мантии и камилавки. По докладѣ кому слѣдуетъ насъ провели сначала въ общую пріемную, гдѣ сидѣли мужчины и женщины, а потомъ пригласили въ кабинетъ секретаря или членовъ синода. Иконъ въ комнатѣ не было. Столъ письменный, чернаго дерева, стоялъ ближе къ стѣнѣ, но не у стѣны. Сюда вошелъ, какъ намъ объяснилъ кавасъ, митрополитъ; кивнувъ намъ головой, сѣлъ писать. Написавши, ушелъ. Вошелъ другой митрополитъ—старикъ, къ которому молодой человѣкъ принесъ нѣсколько бумагъ, которыя тотъ, просматривая, подписывалъ. Наконецъ ушелъ и этотъ. Намъ подали по маленькой чашечкѣ кофе и въ это время вошелъ личный секретарь патриарха; при его входѣ кавасъ предложилъ намъ встать. Поздоровавшись съ нами за руку, секретарь на чистомъ русскомъ языкѣ спросилъ насъ о цѣли прихода. Мы объяснили, что ѣдемъ на богомолье въ Іерусалимъ и сочли своимъ долгомъ повидать его святѣйшество и поклониться ему. Объяснили—кто мы. Секретарь заявилъ, что сейчасъ патриархъ занятъ—экстренное засѣданіе синода. Мы стали просить: нельзя ли

хоть нѣсколько минутъ удѣлить намъ, хотя бы послѣ засѣданія; мы готовы ждать. Секретарь ушелъ и чрезъ нѣсколько минутъ вышелъ и сказалъ, что засѣданіе продлится не менѣе какъ до 12 часовъ; но что онъ до 2-хъ часовъ дастъ намъ зтагъ на подворье, когда можетъ принять насъ патріархъ. Мы сказали, что въ два часа мы намѣрены посѣтить музей, поэтому онъ и общалъ сказать—не поздиѣ 2 часовъ.

Огорченные этой неудачей, мы ушли изъ патріархіи и возвратились пароходикомъ и чрезъ „новый мостъ 12 года“ домой, обсуждая: дѣйствительно ли патріархъ занять экстреннымъ засѣданіемъ синода, о которомъ, однако, вчера, назначая аудіенцію въ 10 часовъ, не зналъ? Являлась мысль, что это не безъ вліянія русскаго посла, котораго мы обошли, вопреки указанію путеводителей—„подать письменное прошеніе о желаніи представиться патріарху и на другой день притти за отвѣтомъ“. Или причиною послужило то обстоятельство, что ожидали выслушать отъ насъ вопросы щекотливаго свойства, на которые отвѣтить прямо, не задѣвая интересовъ Русской церкви, сочли очень неудобнымъ.

Могло быть и дѣйствительно экстренное засѣданіе синода, и потомъ канунъ праздника Благовѣщенія. Но такъ или иначе наше настроеніе было испорчено... Послѣ этого мы проѣхали въ Перу—взадъ и впередъ по европейскимъ улицамъ, съ богатыми магазинами. Купили газетъ русскихъ отъ 21-го и возвратились въ подворье. Въ 2 ч. 10 м. не дождавшись отвѣта (хотя епископъ Мелетій настаивалъ еще дожидаться отвѣта), мы съ студентомъ Алексѣемъ Степановичемъ Башкировымъ (урожд. Казанской губерніи, отецъ его былъ учителемъ въ селѣ Нижнемъ-Услонѣ) проѣхали чрезъ туннель въ Перу и прошли въ музей Археологическій при Императорскомъ русскомъ посольствѣ, подъ завѣдываніемъ Θεодора Ивановича Успенскаго (однофамильца А. И. Успенскаго). Познакомились съ нимъ и онъ показалъ намъ снимки съ мозаикъ и фресокъ церкви, именуемой „Хора“, которую называли намъ проводникъ и мулла—бывшимъ монастыремъ Θεодора Студита. Большой альбомъ, хорошо исполненный. Нѣкоторые снимки—въ нѣсколько красокъ. Хорошъ снимокъ Спасителя съ двуперстнымъ сложеніемъ. Но есть и съ именованнымъ. По изслѣдованію Θ. И. (есть цѣлая книга) мозаики относятся къ XIV вѣку. На вопросъ епископа Мелетія: всѣ ли мозаики одного времени? Θ. И. отвѣтилъ:—„Нѣтъ, разница до 100 и болѣе лѣтъ“.

Затѣмъ г. Успенскій показалъ намъ снимки съ древней (XI—XII вѣка) рукописной Библии, съ множествомъ иллюстрацій. Рукопись эта, по его объясненію, вторая—изъ такого рода Библий. Мы, конечно, болѣе обращали вниманіе на перстосложеніе, которое оказалось частію именованное, но есть и съ двуперстіемъ. Хороши бытовые сцены изъ жизни евреевъ и разныхъ народностей. Показывалъ Θ. И. и давалъ поясненія еще нѣсколькимъ снимкамъ съ новооткрытыхъ фресковъ въ Солуни, въ церкви Димитрія Солунскаго. Вообще, по словамъ Θ. И., археологическихъ древностей и христіанскихъ—

очень много, которые ждутъ работниковъ. Они не рекламируя и безъ шуму, дѣлаютъ все возможное; къ сожалѣнію, имъ въ очень и очень ограниченномъ размѣрѣ отпускаются на это средства. Приглашенный имъ секретарь и помощникъ—Борисъ Панченко передалъ намъ (по секрету), что въ окрестностяхъ Константинополя есть мозаичная икона Богородицы, цѣнимая въ 12 тысячъ. Заговоривъ объ иконахъ, мы попросили показать намъ ихъ собраніе иконъ. Оказалось, что собраніе хранится въ зданіи посольства. О. И. поручилъ Борису Амфіановичу завтра въ 9 часовъ показать намъ. Поблагодаривъ О. И. мы вышли и пошли до туннеля, спустились на элеваторъ въ Галату и, сѣвъ на трамвай, проѣхали къ Айя-Софіи, чтобы еще разъ осмотрѣть ее болѣе подробно, при объясненіи Алексѣя Степановича. Когда мы пришли,—совершался „намазъ“,—вечернее богослуженіе магометанъ, и поэтому пришлось повременить. Въ это время мы осмотрѣли двери и облицовку стѣнъ. Надъ главнымъ входомъ есть три круглыхъ изображенія и боковыя, кажется, архангелы, просвѣчивающіе сквозь известку. Вошедши въ храмъ, мы увидѣли въ разныхъ мѣстахъ преподаваніе корана учеными муллами, повидимому читающими лекціи своимъ молодымъ (но есть слушатели и посторонніе) одновѣрцамъ, сидящимъ по-восточному на коврахъ. Обошли весь храмъ, удивляясь его обширности. Всѣ христіанскія изображенія—мозаичныя и фресковыя—заштукатурены, и только въ одномъ мѣстѣ на сводѣ, гдѣ обычно помѣщаются евангелисты, просвѣчиваютъ крылья херувима, но лицо закрыто звѣздой. Отсюда мы прошли мимо Оттоманскаго музея и бывшей церкви св. Ирины, гдѣ нынѣ арсеналъ. На площади, ближе къ зданію военныхъ учрежденій, стоитъ старое дерево—платанъ, около котораго собираются турки и рѣшаютъ важныя дѣла. Здѣсь была рѣшена участь султана и поворотъ къ новому режиму.

Прошлись по базару, но не попали на главный, а по другимъ улицамъ. Грязи много, толкотня и крикъ людей, осликовъ, навьюченныхъ разными предметами. Часть базара находится подъ деревянной крышей, мѣстами обрушившейся; вонь и грязь. Не безъ труда мы выбрались съ базара къ мосту и прошли домой.

Возвратившись въ подворье, мы услышали отъ о. Елисея, что изъ патріархіи принесена записка настоятелю, въ которой сказано, что патріархъ не можетъ насъ принять—ни сегодня ни завтра. Мы пожелали видѣть эту записку; но оказалось—настоятель служилъ всенощное въ посольствѣ. Часовъ въ 8 намъ показали ее. Въ ней значилось: „Глубокоуважаемый о. Алексѣй! Передайте пожалуйста вашимъ старообрядческимъ гостямъ, что Его Святѣйшеству, къ сожалѣнію, сегодня и завтра не будетъ возможно принять ихъ. Вашъ Хр. 24 марта 1914 года“.

Какъ видите, патріархія обошлась безъ упоминанія нашихъ іерархическихъ наименованій, что подтверждаетъ нашу догадку—о вмѣшательствѣ русскаго посла...

25-го марта, вторникъ, праздникъ Благовѣщенія. Часовъ въ 7 мы отправили съ о. Діонисіемъ и Сампсономъ Ивановичемъ и монахомъ нашъ багажъ на пароходъ. По возвращеніи ихъ, напившись чаю, пошли съ Алексѣемъ Степановичемъ въ Русское посольство. Здѣсь встрѣтилъ насъ Борисъ Амфіановичъ и провелъ въ помѣщеніе музея, помѣщающагося въ зданіи посольства на четвертомъ или пятомъ этажѣ.

Собраніе иконъ небольшое и мало интересное. Есть икона Спасителя 1½ аршина—съ двуперстнымъ сложеніемъ—и святителей Аванасія и Василія. Есть икона русскаго письма—пророкъ Ілія. Нѣсколько рукописей богослужебныхъ—сербскаго письма и особо цѣнная рукопись греческая—бесѣды Іоанна Златоустаго на Маттея; есть на французскомъ языкѣ—толкованіе законовъ, и пѣвчія—греческія. Немало скульптурныхъ бюстовъ и головъ и надгробныхъ памятниковъ; много христіанскихъ древнихъ свѣтильниковъ глиняныхъ съ ручкой и другихъ предметовъ, собранныхъ при раскопкахъ, произведенныхъ обществомъ. На наше желаніе приобрѣсти альбомъ снимковъ съ мозаикъ и фресокъ „Хоры“, Борисъ Амфіановичъ посоветовалъ намъ прислать на обмѣнъ снимки съ иконъ Рогожскаго кладбища. Поблагодаривъ его, мы вышли на дворъ. Дворъ представляетъ собою крѣпость, которую дѣйствительно и охраняли русскія войска во время переворота въ Константинополѣ и сигналами сносились съ военными судами.

Спустившись на элеваторѣ, мы сѣли на трамвай и проѣхали къ Оттоманскому музею. Зданіе музея богатое и обширное. Здѣсь множество скульптуры въ поллиникахъ и единственный въ свѣтѣ саркофагъ Александра Македонскаго, открытый въ Сидонѣ. Чудныя — по исполненію и по тонкости работы — фигуры воиновъ. — какъ живыя, съ соответствующими моменту выраженіями лица. Саркофагъ имѣетъ форму языческаго храма съ крышей. Хорошъ саркофагъ „плакальщицъ“. Есть мумія — скелетъ — въ стеклянномъ ящикѣ; мумія — въ томъ видѣ, какъ она была завернута въ полотно и обвязана. Богатое собраніе султана Магомета: фаянса, сервизовъ, вазъ, столовъ и проч. Христіанскихъ древностей немного. Попадались скульптура въ видѣ плитъ надгробныхъ, или карнизовъ на храмахъ съ изображеніемъ Спасителя и святыхъ. Перстосложеніе есть и то и другое. Но кресты исключительно четвероконечные, съ широкими концами. Зашли и въ музей магометанскихъ древностей, бѣгло осмотрѣвъ его.

Потомъ вышли на площадь янычаръ—къ платану и здѣсь Алексѣй Степановичъ снялъ насъ на фонтанъ Софіи и Ирины, и второй разъ съ инпродрома—тоже на фонтанъ Софіи.

Возвратившись на трамвай домой, мы пообедали съ рыбою, очень хорошо приготовленной. Расплатились за содержаніе и простившись съ оо., пошли на пристань съ монахомъ. Въ лодкѣ насъ опять снялъ Алексѣй Степановичъ и мы подѣхали къ „Одессѣ“ и заняли каюту. Противъ каюты на „Екатеринѣ“ эта показалась намъ очень неказистой: 4 койки и сѣсть негдѣ...

Около 4-хъ часовъ мы простились съ Константинополемъ и прошли мимо Стамбула съ одной стороны и мимо Скутари—съ другой. Погода благоприятствовала. Чрезъ часъ мы прошли мимо Санъ-Стефано и въ бинокль видѣли церковь-памятникъ надъ русскими воинами, павшими въ войну 1877 года. „Принцезы острова“ видѣли издали, и но они не произвели на насъ никакого впечатлѣнія. Съ красотою Босфора, говорятъ, ни одно мѣсто во всемъ свѣтѣ не можетъ сравниться.

26-го утромъ стояли на рейдѣ въ Дарданеллахъ; проливъ прошли ночью. Въ 3 часа стали у Митилены; островъ того же именования принадлежитъ грекамъ и ихъ флагъ развѣвается на крѣпости; ихъ войска прошли по набережной съ музыкой; стоитъ ихъ же военный крейсеръ. Г. Митилена издали производить прекрасное впечатлѣніе—раскинувшись амфитеатромъ на склонѣ горъ среди зелени и кедровъ. Цвѣтутъ розы, какъ передавали съѣзжавшіе на лодкахъ; но грязноватъ. Имѣется бухта. Епископъ Мелетій, восхищенный видомъ Митилены, высказался, что если бы ему подлежала ссылка, то онъ избралъ бы эту мѣстность.

На пароходѣ мы познакомились съ сестрой милосердія—Маріей, которая 5 лѣтъ прослужила въ больницѣ въ Константинополѣ. Ѣдетъ въ Іерусалимъ, а потомъ въ Баръ-Градъ, гдѣ священникъ—ея родственникъ.

Она познакомила насъ съ болгаркой Екатериной Максимовной, служившей лѣтъ 20 сестрой милосердія и вышедшей замужъ за русскаго капитана, оставшагося въ Болгаріи послѣ Турецкой войны. Живутъ въ Софіи. Она въ 5-й разъ Ѣдетъ въ Іерусалимъ. Много рассказывала она про послѣднюю Балканскую войну, гдѣ участвовала въ качествѣ сестры милосердія. Первую войну, совмѣстную съ другими, она называетъ „благословенною“—все удавалось имъ. А послѣднюю—съ сербами и греками—„проклятою“. Въ послѣдней погибли ея сродники; народъ былъ противъ войны этой. Секретно она передавала епископу Мелетію, что у нихъ образовалось „Общество пособія паломникамъ“ и есть намѣреніе устроить подворье въ Іерусалимѣ. „Съ Богомъ“—можно сказать.

Капитанъ парохода—Димитрій Петровичъ Зарайковскій—въ первый же день предлагалъ намъ съ епископомъ Мелетіемъ, если гдѣсно въ каютѣ, перейти въ первый классъ. Старшій механикъ—Михаилъ Дмитріевичъ Вавиловъ. Изъ Митилены мы вышли часовъ въ 12 ночи; спали уже. Вечеромъ просидѣли наверху до 10 часовъ воспѣвая разныя цѣснощѣнія; была лунная ночь, тихо, воздухъ морской, чистый—не хотѣлось уходить.

27-го четвергъ, въ 6 часовъ утра пришедъ въ Смирну. Масса лодокъ, и лодочники, какъ мухи, облѣпили пароходъ и босые полѣзли на него, цѣпляясь за веревки и по сходнямъ (трапу) побѣжали по пароходу, предлагая свои лодки, чтобы свезти на берегъ. Рѣшили и мы поѣхать посмотреть городъ св. Поликарпа и закупить провизіи. Нѣкій юркій г-нъ, хорошо говорящій по-русски, назвавшись грекомъ Семеномъ Петровичемъ, взялся свезти насъ на берегъ и обратно по 20 коп. съ человѣка и поводить

по городу и лавкамъ—по 10 коп. Мы пошли одѣваться. Въ это время обратился съ предложеніемъ другой, назвавшійся грекомъ—Николаемъ Ивановичемъ. Мы отвѣтили, что уже договорились и назвали—съ кѣмъ. Н. И. говоритъ: „это жидъ, а не грекъ“. И вотъ они сдѣшались браниться: „Зачѣмъ ты, кричить Николай Ивановичъ, говоришь неправду, что ты грекъ?“—А скажи, развѣ я не Семенъ Петровичъ?—„Ты продаешь свою вѣру“.—А ты продаешь Крестъ!—Мы все-таки поѣхали съ Семеномъ Петровичемъ—онъ лучше говорить по-русски. Съѣхали на берегъ, прошли свободно чрезъ таможену. Набережная очень хорошая: вымощена камнемъ, по всему берегу ходить конка—въ одну лошадь. Много въ бухтѣ судовъ, а на рейдѣ—3 дредноута австрійскихъ. Городъ принадлежит туркамъ. По берегу много кофеенъ, съ открытыми террасами и даже со столиками прямо на тротуарѣ. Прошли чрезъ такую кофейню на улицу французскую, гдѣ расположены европейскіе магазины. Чисто, но улица узкая. Зашли въ греческую церковь св. Фотиніи. Служили часы; одинъ монахъ или священникъ читалъ, вѣроятно „славу“—„произносилъ“: „киріе елейсонъ“—много разъ; но слышалось: „кирисойнъ, кирисойнъ“.

Заглянули въ алтарь; священникъ въ патрахили предъ престоломъ, за которымъ стоялъ крестъ, говорилъ молитву, съ земными поклонами вѣроятно: „Господи, Владыко животу“, царскія двери были открыты. Древнихъ иконъ нѣтъ, всѣ живописныя. Зашли по пути въ французскую церковь. Совершалось причащеніе женскаго пола. Онѣ стояли на колѣняхъ у рѣшетки; ксендзъ въ облаченіи (не похоже на наше), съ потиромъ въ рукѣ подходилъ къ рѣшеткѣ и, начиная съ правой стороны, бралъ изъ потира облатку и, сотворивъ ею на каждой четвероконечный крестъ, влагалъ въ уста. Принимающая держала предъ собою вродѣ небольшой клеенки. Принявъ, закрывала обѣими руками лицо. Затѣмъ вставала и, сложивъ молитвенно руки ладонями, уходила. Клеенка передавалась другой, рядомъ стоящей, и т. д. Прощедши весь рядъ справа налѣво, ксендзъ бралъ у послѣдней дощечку, шелъ направо и начиналъ снова также причащать рядъ стоявшихъ на колѣняхъ. По причащеніи женщинъ ксендзъ сталъ около престола и предъ нимъ въ рядъ встали на колѣни мужчины. Началось причащеніе ихъ въ томъ же порядкѣ, какъ женщинъ. Пѣнія никакого при этомъ не было. Только ксендзъ, подавая облатку и дѣлая четвероконечный крестъ, тихо произносилъ что-то.

Церковь богато отдѣлана: хорошая стѣнопись, живописная. Отсюда мы прошли въ греческую церковь Козьмы и Даміана. Древности нѣтъ, и церковь хотя почище Константинопольскихъ, но небогата. Приложились къ частицамъ мощей. Большая часть—лбна Козьмы или Даміана—не успѣлъ прочесть, и нога отъ колѣна со ступней мученика Георгія. При выходѣ изъ церкви намъ объявили, что насъ просятъ епископъ Амвросій зайти къ нему. Мы сначала усомнились, но когда пришелъ кавасъ и повторилъ, что дѣйствительно насъ именно приглашаетъ епископъ Амвросій, хорошо говорящій по-русски, мы пошли.

Помѣщеніе, занимаемое имъ, находится рядомъ съ церковью, при греческой семинаріи. Довольно хорошо обставлено. Взошедши, мы поклонились осмиконечному кресту и, поздоровавшись по-русски, отрекомендовались. Онъ въ свою очередь сказалъ, что онъ викарный епископъ Амвросій при митрополитѣ Смирнскомъ. Учился въ Кіевской академіи и знакомъ со старообрядчествомъ. Мы спросили его: какъ онъ смотритъ на нашу іерархію, ведущую преемство отъ митрополита Амвросія Боснійскаго? Онъ сказалъ, что на это отвѣтить кратко невозможно—вопросъ трудный.—„Но ваше мнѣніе?“—Это будетъ частное, мое.—„Но какъ вы насъ признаете?“—Митрополитъ Амвросій, сказалъ онъ, не имѣлъ права безъ особаго каждый разъ дозволенія патріарха служить и рукополагать. Но онъ самовольно ушелъ и рукополагалъ,—за что и запрещенъ. Мы возразили, что профессоръ Субботинъ доказываетъ, что м-тъ Амвросій не былъ запрещенъ.—Когда же и за что онъ запрещенъ?—За самовольный уходъ и рукоположеніе,—отвѣтилъ епископъ Амвросій.

„Но если бы онъ возвратился, сказали мы, приняли бы его и рукоположенныхъ имъ?“—Да, если бы раскаялся, приняли, признали бы и рукоположенныхъ имъ. Я викарій, если бы безъ дозволенія митрополита Смирнскаго рукоположилъ, я былъ бы за это наказанъ.—„Такъ, но рукоположенные вами были бы признаны рукоположенными?“—Да.

Затѣмъ мы спросили его: „Какъ крестятъ греки, трехпогружательно или обливаютъ?“—Погружаютъ съ головой: во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Но если умираетъ, можетъ отецъ или бабка погрузить, а нѣтъ воды—изъ лампадки масломъ полить или помазать—во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И если остается живъ, священникъ читаетъ всѣ молитвы и помазуетъ масломъ и мвромъ.—„Какъ принимаете вы крещеныхъ поливательно-католиковъ?“—Обязательно крестимъ вновь.—Тутъ прервали нашъ разговоръ, сказавъ, что пришли ѣдущіе на пароходѣ митрополиты. Мы, вручивъ другъ другу карточки, при чемъ епископъ Амвросій по-русски написалъ свое имя и титулъ и поцѣловавшись трижды съ каждымъ во уста простился съ нами.

При выходѣ изъ церкви на площадкѣ двора стоялъ огражденный желѣзной рѣшеткой огромный, въ нѣсколько обхватовъ платанъ, съ пустой серединой, но съ зелеными листьями, похожими на кленъ.

„На этомъ деревѣ, говоритъ Семенъ Петровичъ, пострадали мученики Козьма и Даміанъ“. Мы сорвали нѣсколько листьевъ, а о. Діонисій отрѣзалъ часть коры. Посѣтили церковь святаго Іоанна Богослова. Храмовая икона и др. будто Ушаковского письма, но греческаго. На фронтонѣ надъ входной боковой дверью греческая надпись упоминаетъ св. Поликарпа Смирнскаго. Но мощей его здѣсь нѣтъ. Говорятъ, церковь его за-городомъ, куда мы не имѣли времени пойти. Здѣсь намъ предлагали осмотрѣть древнее евангеліе съ драгоценными камнями, за которое будто русскіе даютъ 200 тысячъ. Но оно хранится гдѣ-то подъ замкомъ. Чтобы видѣть его, надо кого-то просить и уплатить около 10 рублей. Мы, конечно, отказались отъ такого удовольствія.

Семенъ Петровичъ повелъ насъ по магазинамъ. Во французскомъ магазинѣ за лайковыя перчатки запросили 4 рубля. Епископъ Мелетій взялъ нитяныя за 60 коп. Завелъ насъ С. П. въ лавку и навязалъ 2 фунта ладану, цѣною по 1 руб. 20 коп. за фунтъ приблизительно. Водилъ въ другую и предлагалъ взять розоваго масла. Но мы отказались—видимый обманъ: длинный толстостѣнный флаконъ содержалъ въ себѣ не болѣе золотника, а выдавали за 3—4 золотника цѣною за 3 руб. Въ зеленой лавкѣ взяли маслицъ маринованныхъ и персиковъ, заплативъ втридорога. Проводилъ С. П. Самсона Ивановича къ русскому консулу, къ которому было письмо его друга. Пока они ходили, мы сидѣли у кофейни на тротуарѣ, смотря на проходящихъ и ѣдущихъ. Большинство было европейцевъ. Извозчики въ парныхъ экипажахъ, хорошіе, лошадки чистенькія. Проходили и ослики, нагруженные съ обѣихъ сторонъ, женщинъ мало. Въ старомъ городѣ, по магометанскимъ улицамъ, всѣ окна закрыты ставнями или занавѣсами; пустынно. Сады огорожены каменными стѣнами.

Базаръ турецкій таковъ же, какъ и въ Константинополѣ. Купивъ откритоку и хлѣба, мы возвратились на другой лодкѣ на „Одессу“. Семенъ Петровичъ, попросивъ заплатить ему 40 коп. и лодочнику 80 к., простился, сказавъ: „будете помнить Семена Петровича“. Когда сошелъ съ лодки Семенъ Петровичъ, къ намъ въ лодку сѣлъ еврей съ узломъ товара. Но при выѣздѣ изъ бухты, турецкій стражъ увидѣлъ его и приказалъ возвратиться, что лодочникъ и исполнилъ, и тотъ неохотно слѣзъ. Въ 12 часовъ вышли изъ Смирны мимо маяковъ, поставленныхъ надъ потонувшими отъ минъ пароходами въ послѣднюю войну. На одномъ американскомъ пароходѣ погибло, говорятъ, до 400 человекъ.

Около 5 часовъ вечера стали на рейдѣ г. Хиуса (и острова того же имени), принадлежащаго итальянцамъ.

Имѣется бухта. Городъ весь въ садахъ—очень красивъ, находясь подъ горой. Волненіе было очень сильно, но лодочники, несмотря на это, прѣзжали и съ пустыми лодками и съ провизіей: лукъ, салатъ, апельсины и что-то въ родѣ мелкихъ грушъ. Но ихъ на пароходъ не пустили. И они, принявъ почту и одного или двоихъ пассажировъ, ушли, борясь съ волнами. Черезъ часъ ушли и мы. Волненіе продолжалось до вечера. Съ 8 часовъ вечера мы просидѣли наверху до 11 час.—при лунѣ и тихомъ морѣ. Пропѣли: „Прежде шести дней Пасхи“, ирмосы цвѣтной недѣли и величаніе.

29-го, суббота Лазаря: утромъ—вѣтеръ и небольшое волненіе. Съ 10 часовъ и до часу на правой сторонѣ, какъ бы въ туманѣ, видѣлись берега о. Кипра, гдѣ епископствовалъ Лазаръ, нынѣ празднуемый. Послѣ завтрака мы попросили Екатерину Максимовну познакомить насъ съ ѣдущими митрополитами. Она вскорѣ и устроила это, представивъ насъ имъ. Причемъ мы обмѣнялись визитными карточками и рукопожатіемъ. Оказалось, что старшій (на видъ глубокой старикъ, но онъ себѣ считаетъ 68 лѣтъ) митрополитъ Деркосскій—Калинникъ, членъ Константинопольскаго Синода; 2-й—митро-

полить Варискій—Никодимъ. Митрополить Калинникъ занялся съ нами разговоромъ чрезъ Екатерину Максимовну, хотя онъ и знаетъ сербскій языкъ, на которомъ и объяснялся съ нею и съ нами, вставляя по-сербски нѣкоторыя слова. На нашъ вопросъ, когда онъ изучилъ сербскій языкъ, онъ отвѣтилъ, что онъ 6 лѣтъ служилъ митрополитомъ въ Старой Сербіи и изучилъ этотъ языкъ: читалъ, писалъ и говорилъ на немъ проповѣди.

Это послѣднее обстоятельство еще болѣе увѣрило насъ, что и митрополить Амвросій, служа въ Босніи митрополитомъ не менѣе 5 лѣтъ, могъ изучить славянскій языкъ, на которомъ говорила его паства.

При дальнѣйшемъ разговорѣ мы болѣе подробно объяснили митрополиту Калиннику (на его вопросы): о мѣстѣ нашего служенія, о старѣйшемъ архіепископѣ Московскомъ, о соборахъ ежегодныхъ и епархіальныхъ, и что теперь, слава Богу, свободнѣе стало съ 1905 года. Митрополить спросилъ: что побудило насъ впервые поѣхать въ Іерусалимъ? Мы отвѣтили, что ранѣе намъ не выдавались паспорта съ именованіемъ священнаго званія, а теперь выдаютъ. Причемъ я показалъ ему свой паспортъ. Онъ спросилъ: сколько въ Россіи старообрядцевъ? Мы отвѣтили: миллионъ 10 нашихъ, принимающихъ бѣлокриницкое священство, и безпоповцевъ около этого. Митрополить сказалъ, что и по ихъ свѣдѣніямъ всего до 25 миллионъ, и спросилъ: кого больше—безпоповцевъ или нашихъ? Мы отвѣтили, что нашихъ; безпоповцы, пояснили мы, признаютъ, что послѣ Никона благодать священства и таинства взяты на небо. Но книги и всѣ обычаи они держатъ до-Никоновскіе. Митрополить спросилъ: какъ у васъ совершается литургія, такъ ли, какъ въ русской церкви и въ греческой или иначе? Мы отвѣтили, что какъ въ русской, за немногими отличіями; мы такъ служимъ, какъ служили до Никона, и крестимъ въ три погруженія; безпоповцевъ принимаемъ, совершая всѣ молитвы и помазуя масломъ и муромъ, но не повторяя погруженія. Знаетъ митрополить Калинникъ исторію митрополита Амвросія хорошо, какъ самъ заявилъ. Какъ-то при случаѣ я показалъ, какъ мы крестимся. Онъ сложилъ троеперстіе и сказалъ: „это древнѣе“. Я возразилъ, что когда Россія принимала крещеніе, греки крестились двуперстно. „Такъ, сказалъ Калинникъ, показывая именованное перстосложеніе, благословлять должно, а такъ, показывая троеперстіе—креститься“.

Екатерина Максимовна вмѣшалась и говорить, что изъ такихъ мелочей не слѣдуетъ дѣлаться: Христосъ одинъ, однажды распятъ жидами, мы распинаемъ Его много разъ и теперь. Поддакнулъ и митрополить: „Единъ Христосъ, едино крещеніе“. Конечно, мы это подтвердили, но замѣтили, что за эти „мелочи“ нашихъ предковъ мучили, рубили головы, жгли на кострахъ.

Не желая спорить теперь, мы перешли на другой разговоръ. Калинникъ имѣетъ отъ роду 68 лѣтъ; 20 лѣтъ уже митрополитомъ, нѣсколько лѣтъ былъ синкелломъ Великія Церкви.

Другой митрополить Никодимъ не вступалъ въ разговоръ.

Вечеромъ съ 5 часовъ до 12 ночи стояли въ Мерсинѣ, далеко отъ берега. Опять нападеніе лодочниковъ и висячая надъ водой гирлянда ихъ: трапъ не спустили еще, они ползли по веревкѣ. Ихъ спугнули, они кинулись назадъ, но лодки отошли и трое повисли.

30-го марта воскресенье—„Недѣля Цвѣтная“. Въ 7 часовъ встали на рейдъ Александретты. Это село арабское небольшое, но красивое издали: расположено подъ горами не ниже Жигулей; на нѣкоторыхъ еще виднѣется снѣгъ. Снѣгъ подъ такой широтой (36°) насъ очень удивилъ. Съ парохода виднѣются, за береговыми горами,—еще горы; сплошь покрытыя снѣгомъ—вродѣ Кавказскихъ снѣговыхъ горъ. Но эти снѣга „не вѣчные“, ибо виднѣются среди снѣговъ кусты растений. Митрополиты, наши спутники, поѣхали въ село—„мала церкви“, сказалъ старшій. Нобелевскій уполномоченный, разѣзжающій по разнымъ странамъ по ихъ дѣлу, предложилъ и намъ поѣхать въ Александретту. Мы поѣхали. Прошли въ греческую церковь. Служилъ нѣкто въ митрѣ съ крестомъ, говорятъ, мѣстный митрополитъ съ двумя священниками. Народу порядочно. Церковь каменная—небогатая, въ особенности иконостасомъ. Дѣти многіе стояли съ пальмовыми вѣтвми и съ цвѣтами, съ зажженными свѣчами. Пѣли „Херувимскую“, неважно, тихо, и только мальчики тянули одну ноту украшая пѣніе. Мальчики (человѣкъ 6) были въ бѣлыхъ стихаряхъ, съ крестами на нихъ, но безъ позумента на груди и спинѣ. Они держали кресты предносные и рипиды. Выходъ дѣлали такъ: впереди шли дѣти съ вѣтвми, затѣмъ мальчики съ рипидами и крестами, трикиріями и дикиріями. Трикиріи металлическіе обычнаго типа, но свѣщи въ срединѣ соединены и перевязаны лентой съ цвѣтами, такъ что вверху свѣщи расходятся. Одинъ священникъ несъ дискось въ рукахъ, а не на головѣ, др. потиръ. Прошли изъ сѣверныхъ дверей боковымъ отдѣломъ и чрезъ средину церкви, трижды останавливаясь. Митрополитъ, принимая дискось и потиръ, долго поминалъ всѣхъ патріарховъ. вмѣсто трикирій говорилъ съ крестомъ что-то. Говоря „Миръ всѣмъ“—благословлялъ обѣими руками, не слагая перстовъ—такъ казалось намъ.

„Заамвонную“ молитву священникъ читалъ съ амвона, которые у нихъ очень немного, не болѣе аршина, выступаютъ отъ солен; солея шириной четверти двѣ. Полъ, солея и амвонъ изъ бѣлаго мрамора. По отпустѣ народъ началъ выходить, пошелъ и митрополитъ Варнскій. Пошли и мы. Уходя—заглянули въ растворенныя царскія двери. Предъ престоломъ стоялъ митрополитъ и разблачался. Увидѣвши насъ, вышелъ на амвонъ и, поздоровавшись за руку, что-то говорилъ, какъ бы приглашая къ себѣ. У дверей западныхъ, съ правой стороны, стоялъ священникъ и раздавалъ выходящему народу вѣточки, въ родѣ лавровыхъ. Подалъ и намъ по двѣ. Съ лѣвой же стороны мальчикъ держалъ блюдо съ дорой и выходящіе брали сами. Дѣти, какъ и у насъ, хлѣба старались взять 2—3 кусочка, державшій—шумѣлъ на нихъ.

По выходѣ изъ церкви, на улицѣ, догналъ насъ человекъ и сталъ объяснять жестаи итти съ нимъ. Мы поняли, что митрополитъ приглашаетъ къ себѣ. Пошли. Идемъ—кварталь, другой, заворачиваемъ въ другую улицу. На стѣнѣ написано: „Готель, ресторанъ“. Мы усомнились и говоримъ человеку: „намъ надо на пароходъ“. И уѣхали. Закусивъ—легли отдохнуть. Вдругъ официантъ приносить карточку, гдѣ значилось: „Рафаэль, архіепископъ Алепискій и Александреттскій“.

Принесшій объяснилъ, что митрополитъ проситъ насъ обѣдать. Я только что перемѣнилъ бѣлье и уже опять вспотѣлъ, поэтому отказался (о чемъ послѣ пришлось пожалѣть). Епископъ Мелетій съ своими спутниками поѣхали и возвратились вмѣстѣ съ тремя митрополитами. Рафаэль съ своимъ священникомъ пріѣхалъ провожать. Мои спутники возвратились въ восхищеніи отъ гостепріимства Рафаэля.

Обѣдъ у него былъ рыбный, очень хорошій, винъ нѣсколько сортовъ; виноградное—выдающееся по вкусу. Говорили оба митрополита тосты за гостей и за соединеніе всѣхъ подъ единымъ пастыремъ Христомъ. Отвѣчали и наши всѣ—въ томъ же духѣ и съ благодарностію за гостепріимство, пожелали митрополиту быть патріархомъ. Пѣли за столомъ; спѣли и наши: „Исполняйте“ и „Тонъ деспотинъ“, имъ хлопали въ ладоши. До пристани шли 3 митрополита въ рядѣ, въ предшествіи каваса. По пріѣздѣ на пароходъ мы представились митрополиту Рафаэлю, епископъ Мелетій надѣлъ камилавку и мантию, что сдѣлалъ и я. Митрополитъ Рафаэль подарилъ епископу Мелетію и о. Діонисію фотографическія карточки, мнѣ прислалъ визитную (я ему ранѣе посылалъ съ надписью, что благодарю за приглашеніе, быть не могу).

Побесѣдовали при посредствѣ митрополита Калинника по-сербски.

Митрополитъ Рафаэль 2 года здѣсь, очень любимъ народомъ арабскимъ и самъ арабъ.

Священниковъ у него 7, два діакона—учатся въ Алеппо.

Прощаясь, расцѣловался съ нами по трижды.

Вышли мы изъ Александретты въ 3 часа дня. По выходѣ изъ залива пошли прямо на югъ. Берега очень гористые, а за ними еще выше—снѣговыя горы Ливанскія (Большой Ливанъ).

31-го, утромъ, часовъ въ 6 встали на рейдѣ—Триполи, который нѣсколько оправдалъ свое названіе: виднѣются какъ бы отдѣльно два города: слѣва, за садами, на полуостровѣ (будто), новый, хорошія каменные зданія и ж. д., идущая на Алеппо и Дамаскъ. Второй, справа—старѣе, на полугорѣ. Очень красивы горы зеленѣющія, надъ ними облака—сначала темныя, потомъ бѣлыя и сверхъ нихъ горы Ливанскія, покрытыя снѣгомъ. Кажется онѣ очень близко, но въ дѣйствительности, говорятъ, верстъ 80.

Въ Триполи очень много было груза; овецъ погрузили болѣе 2 тысячъ. Погрузка ихъ производится варварски: захлестываютъ каждой овцѣ переднюю ногу и кучею—въ 6—8—поднимаютъ краномъ бьющихся въ воздухъ животныхъ. При мнѣ одна какъ-то сорвалась, упала въ дощаникъ

и стала биться. Тотчасъ подбѣжалъ арабъ и, перерѣзавъ ей горло, бросилъ въ люкъ... Изъ Триполли вышли въ 3 часа, волненіе было не особо большое, но тѣмъ не менѣе—качка замѣтная. Вѣроятно вслѣдствіе нѣскольکو бокового вѣтра и сильного хода парохода. Въ 6 часовъ вошли въ гавань въ Бейрутъ.

Очень хорошъ былъ закатъ солнца въ морѣ. Съ одной стороны огненный шаръ, спускающійся въ воды, и облака окрашенные въ разные цвѣта, начиная съ золотого; съ другой горы, вдали бѣлоголовый Ливанъ, ближе—горы, покрытыя мрачными тучами, чрезъ которыя вырисовывается г. Бейрутъ, широкъ раскинувшійся по горѣ, съ стоящими въ гавани пароходами. Тихо входитъ нашъ пароходъ въ ворота гавани; справа стоитъ красавецъ французскій пароходъ, расцвѣченный массой огня, и пассажиры—пускаютъ бенгальскіе огни, салютуя нашему ли пароходу, или знакомымъ въ городѣ, который въ свою очередь блестялъ множествомъ огней. Но вотъ нашъ пароходъ дѣлаетъ въ гавани полуоборотъ, и масса лодочниковъ, цѣлой флотиліей, двигается около него, выжидая момента остановки, издавая гортанные звуки. Слышится даже русская, исковерканная рѣчь: „капитанъ, кричить одинъ, трави трапъ“! Другой пронзительно свиститъ; 3-й бьетъ въ ладоши, какъ въ дощечки. „Вотъ онъ я сама“,—выкрикиваетъ четвертый. Наконецъ начинаютъ спускать трапъ. Что тутъ произошло, нужно видѣть самому, или въ кинематографѣ. Моментально на лодкахъ, сбившихся въ кучу, зацѣпившихся за веревку, протянутую по борту парохода и другъ за дружку, люди смѣшались въ какую-то кашу: перебѣгая, прыгая съ лодки въ лодку, стремясь скорѣе достигнуть до трапа и вбѣжать на пароходъ, чтобы первому захватить пассажировъ. Пока кипѣла эта куча на лодкахъ, одинъ смѣльчакъ хватается за веревку и, какъ кошка цѣпляясь за выступы и боковыя трубы парохода, вскакиваетъ и, перепрыгнувъ чрезъ перила, бѣжитъ по верхней палубѣ (1-го класса) парохода. Но и находившіеся въ въ лодкахъ уже добрались до трапа и какъ на приступъ бѣгомъ бросились вверхъ, оглашая воздухъ гортанными звуками. И при такой толкотнѣ—ни одинъ не упалъ, не сорвался въ воду. Въ моментъ вся палуба наполнилась ревущей босоногой толпой, съ предложеніемъ—„туда и обратно“. Подобнаго мы еще не видали. Но въ Яфѣ, говорятъ, творится еще болѣе безобразное и насъ капитанъ предупреждаетъ—не сходить тамъ до тѣхъ поръ, пока не отхлынетъ эта орда. Приняли къ свѣдѣнію.

1-го апрѣля, вторникъ.

Въ 8 часовъ мы съѣхали на берегъ Бейрута, чрезъ таможенію прошли узкими улицами, съ торговыми помѣщеніями, до трамвая и, прошедши направо—до пересѣченія другой линіей, сѣли на трамвай и проѣхались до конца, мимо Американскаго консульства. Улицы порядочныя, выстланныя плитками, но не широки. Дома есть очень огромные и многэтажные, въ арабскомъ стилѣ; есть и съ плоскими крышами. Чудная, невиданная для насъ растительность. На каждомъ почти дворѣ—сады: виднѣются пальмы

разныхъ породъ; со стѣнъ свѣшиваются цвѣтушіе розовые кусты и др. цвѣты; лимонныя деревья съ лимонами, кактусы—вмѣсто загороди—величиной въ ростъ человѣка и чуть не съ лопату—листьями.

На обратномъ пути проѣхали до площади Константинопольской и отсюда прошли базаромъ съ разными фруктами: бананы, редиска, лимоны, огурцы, шептала, демьянки; но деруть за все безбожно!—Въ 11 час. вышли изъ гавани и отправились далѣе. Въ Бейрутѣ сѣли къ намъ два францисканскихъ монаха, веревками перепоясанные, съ бородами—во всю грудь, въ легкихъ скуфейкахъ. Вѣтеръ! Около 6 часовъ вечера стали на рейдъ Кайфы. Волненіе очень сильное. Но лодочники даже на ходу еще стали бросаться къ пароходу. Едва спустили трапъ, какъ они кинулись на него, прыгая съ лодки на лодку и на трапъ. При сильномъ волненіи лодки бросало и къ трапу и отъ трапа и вдругъ двое арабовъ, одинъ въ европейскомъ костюмѣ, другой—лодочникъ, неудачно прыгнувъ на трапъ одной ногой, а другой стоя на лодкѣ, которую волна вдругъ отбросила, сорвались и скрылись подъ водой; шляпа по-европейски одѣтаго закружилась между лодокъ... Но чрезъ секунду—двѣ на поверхности появилась голова одного; его схватываютъ и не безъ труда (ибо лодку бросало изъ стороны въ сторону и мы боялись, что онъ будетъ стиснутъ лодкой) вытащили. Лодочникъ же самъ схватился за бортъ и держался пока не вытащили 1-го, затѣмъ вытащили и его. 1-й блѣдный, весь мокрый, безъ шляпы сидѣлъ въ лодкѣ и отплевывался... Придя въ себя—съ чувствомъ пожалъ руку его вытащившаго.

Очень тяжелая была картина, съ нѣкоторыми женщинами сдѣлалась истерика... Полилъ дождь, налетѣлъ шквалъ и еще болѣе закрутилъ лодки. Шумъ вѣтра, молнія, громъ, крикъ лодочниковъ, страшно было видѣть и слышать... Такъ встрѣтилъ насъ грозный пророкъ Ілія, спасавшійся на горѣ Кармильской, подъ которой расположена Кайфа. Ночью снялись и пошли далѣе. Качало!

2-го апрѣля, среда. Рано проснулись мы. Была довольно чувствительная качка; удары волнъ въ корму парохода не давали долго спать. Да и время было: пароходъ стоялъ уже съ 5 часовъ утра въ Яфѣ, древней Іоніи, конца нашего морского пути. Одѣвшись, выходимъ наверхъ. Вѣтрево и довольно прохладно. По морю сердито ходитъ крупная зыбь... Не безъ тревоги смотрѣли мы на лодки, принимающія пассажировъ: подбрасываетъ ихъ не меньше, кажется, вчерашняго. Но нѣтъ вчерашней суеты: капитанъ распорядился спустить три трапа и лодки разбились на три флотиліи. Пріѣхали кавасы Палестинскаго Общества и даже 1-й драгоманъ и пригласили насъ переѣхать въ ихъ лодкѣ. Оказывается, изъ Одессы М. И. Осиповъ предупредилъ управляющаго здѣсь о нашемъ пріѣздѣ и вотъ они съ предупредительностію отнеслись къ намъ. Пока сносили багажъ, мы смотрѣли, какъ садятся бѣдные паломники 3-го класса съ правой стороны, гдѣ волненіе болѣе сильное. Человѣкъ 5—6 уже въ лодкѣ и багажъ, но еще все идутъ и идутъ другіе. Лодочники ловко подхватываютъ кидаемый ба-

тажъ и улавливая моментъ, когда волна поднимаетъ лодку къ трапу (нижняя площадка при этомъ иногда погружается въ воду), они моментально подхватываютъ паломника или поломницу и сажаютъ въ лодку. Изъ послѣднихъ нѣкоторые вскрикиваютъ и плачутъ. Но одна изъ бойкихъ едва не сорвалась,—безъ поддержки лодочника шагнувши въ лодку. Наконецъ нашъ багажъ въ лодкѣ, но мы просимъ подвести ее къ трапу съ лѣвой стороны, гдѣ волненіе, сравнительно, менѣе. Кавасъ и драгоманъ распорядились перевести, и мы идемъ на лѣвую сторону. Вглядываемся на берегъ, въ 5—10 саженьяхъ отъ котораго кипитъ вода, разбиваясь о гряду камней, и лодки стараются пройти въ узкія ворота въ этой грядѣ. Прощаемся съ любезнымъ командиромъ Дмитріемъ Петровичемъ и сходимъ по трапу въ лодку: 1-й о. Діонисій, за нимъ я, предварительно бросивъ зонть въ лодку, схожу благополучно. Также сходятъ епископъ Мелетій и Самсонъ Ивановичъ. Садятся и др. Только одинъ, прозванный нами Зенинымъ—по вѣшнему сходству,—какъ-то неловко падаетъ въ лодку, зашибивъ ногу.

Садится нервный г-нъ, принимавшій вчера рюмку брому—чтобы успокоиться отъ видѣннаго потопленія, двѣ барышни, съ испуганными глазами и молодой человѣкъ съ красными глазами, который чрезъ минуту склоняется за бортъ... Закачало... Наконецъ сѣли всѣ, крестимся и наша лодка, подпрыгивая и ныряя въ широкія волны, медленно подвигается къ опаснымъ рифамъ. При чемъ едва не столкнулись съ встрѣчной пустой, изъ-за чего происходитъ перебранка между лодочниками. Но вотъ и ворота, т. е. свободное отъ камней надъ водой мѣсто: выждавъ удобную секунду, лодочники сразу проносятся въ нихъ. „Алле“,—„все“, съ радостію произноситъ хозяинъ лодки, и черезъ минуту мы на пристани, усыпанной народомъ, смотрящимъ на переправу. Съ минутной задержкой, благодаря матросу отъ драгомана, проходимъ таможеню (багажъ не смотрѣли), нанимаемъ коляску и ѣдемъ на вокзалъ—версты двѣ. Суета, недоразумѣнія на вокзалѣ изъ-за багажа и билетовъ; наконецъ мы въ вагонѣ. Приходятъ кавасъ и драгоманъ, а потомъ управляющій Р. П. и Т.—Мы благодаримъ ихъ за вниманіе и въ 8 час. 5. м. поѣздъ уноситъ насъ по землѣ Саранстѣй, въ Палестину. Г. Яффа небольшой полуевропейскій, судя по домамъ, городъ, окаймленный чудными садами. Кактусы мѣстами чуть не въ сажень вышины, съ полуаршинными ладонями-листьями служатъ загородью и едва ли какой скотъ рѣшится проникнуть за эту ограду. Въ садахъ—лимонныя рощи, есть и сейчасъ съ висющими плодами, виноградники, рощи масличныхъ деревьевъ, поля засѣянные ячменемъ и пшеницей,—уже выколосившейся, помидоры и др. овощи на много верстъ мелькаютъ мимо насъ,—поѣздъ идетъ очень хорошо. Встрѣчаются восточныя женщины съ ношей на головахъ; шаловливыя, полуголыя дѣти взапуски бѣгущія за поѣздомъ, махающія руками и кричащія что-то. Проѣзжаютъ на осликахъ арабы въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ, едва не касаясь земли ногами. Первая остановка въ Лиддѣ,—родина Георгія побѣдоносца. На платформѣ у станціи масса пуб-

лики—разнаряженныхъ жидовъ съ пейсами (у нихъ Пасха), иностранцевъ-туристовъ и мѣстныхъ босоногихъ торговцевъ фруктами и цвѣтами.

Еще остановка въ Рамле,—по преданію родина Іосифа и Никодима,—потомъ еще двѣ остановки. Послѣднія уже въ горахъ Іудейскихъ. Замѣчательны эти горы, среди которыхъ идетъ ж. д. Сплошь почти состоятъ онѣ изъ камня, спускаясь террасами. На этихъ террасахъ, или площадкахъ каждый кусочекъ земли распаханъ и засѣянъ хлѣбомъ или засаженъ масличными деревьями. Если же гдѣ попадаются долинки, то онѣ раздѣланы такъ хорошо и красиво, что украсили бы скверъ любой столицы. Засѣяны онѣ помидорами и другими злаками, и фруктовыми деревьями,—какъ и около Яффы. Поѣздъ мѣстами идетъ между высѣченными ущельями, стоящими стѣной; нерѣдко огромные камни висятъ надъ самой дорогой, того гляди—сорвутся. Ближе къ Іерусалиму горы какъ бы отходятъ отъ полотна дороги и становятся ниже. Появляются на горахъ то постройки, то развалины бывшихъ монастырей. Изъ нынѣ существующихъ называютъ: монастырь во имя пророка Іліи—справа, а ближе къ городу—праведнаго Симеона Богопріимца. Возбужденіе между тѣмъ растетъ: ѣдущіе встаютъ съ мѣстъ и каждому хочется скорѣе увидѣть Іерусалимъ—цѣль нашего путешествія. Мы съ епископомъ Мелетіемъ проектировали даже при видѣ св. града спѣть: “На Сіонъ гору взыде, и благовѣствуетъ Іерусалиму”... Но вотъ появляются красные европейскіе домики, больше и больше... А вотъ и вокзалъ!.. Ожиданіе не оправдалось; возбужденіе упало при такомъ обыденномъ видѣ... Не этого хотѣлось... Хотѣлось сразу увидѣть древнія стѣны и башни Іерусалима, храмъ Воскресенія и пр...

Но вмѣсто этого—домики евреевъ и загородныя дачки. Не пѣть же этому ірмосъ...

Поѣздъ остановился. Выходимъ изъ вагона и ждемъ полученія багажа, и каваса—по обѣщанію драгомана и консула Яффскаго... Но кавасъ черногорецъ прошелъ къ дочери консула изъ Бейрута и къ др. лицамъ... Стоимъ. Вдругъ является г-нъ и направляется прямо къ намъ, рекомендуясь 1-мъ драгоманомъ консула русскаго—Яковомъ Николаевичемъ. Отдавъ распоряженіе кавасу о багажѣ, самъ поѣхалъ съ нами и привезъ насъ въ Александровское подворье, въ которомъ мы заняли № 5, прося поставить еще 2 кровати. Пока убирали №, Прасковья Ѳеодоровна—смотрительница,—проводила насъ въ пріемную. Здѣсь висятъ портреты: Императр. Маріи Ѳеодоровны, наслѣдника Николая Александровича, нынѣ—Царя и Сергѣя Александровича. На столѣ книга „Бояре Романовы“, въ память 300-лѣтія.

По уборѣ комнаты и привозѣ багажа (съ нимъ ѣздили въ Руск. постройки и въ миссію, но тамъ свободныхъ мѣстъ нѣтъ; въ миссію помѣститься можно только духовнымъ) заняли свой №. Вскорѣ пришелъ Николай Романовичъ Селезневъ (служившій ранѣе въ Спб. при Сергѣѣ Александровичѣ) помощникъ управляющаго Палестинскимъ Обществомъ, узнать: какъ мы устроились. Поблагодаривъ его, мы по его предложенію сошли осмотрѣть

при подворьѣ „Судныя врата“, открытыя при раскопкахъ, произведенныхъ „Палестинскимъ Обществомъ“, на приобрѣтенномъ имъ въ 1859 году мѣстѣ.

По Божію промыслу мѣсто это, находящееся близъ храма Воскресенія—на востокъ, оказалось священнымъ по бывшимъ на немъ событіямъ. Въ 1883 г. по почину Великаго Князя Сергѣя Александровича приступили къ расчисткѣ мусора, лежавшаго слоемъ слишкомъ въ 5 сажень, для постройки дома. При раскопкахъ нашли высокій, вымощенный мраморными плитами помостъ, съ остатками стѣнъ, и слѣды бывшихъ здѣсь воротъ,—сильно потертый ногами порогъ въ 3 аршина 10 вершковъ длины. Ворота эти были ближайшими къ Голгофѣ и чрезъ эти ворота и шелъ Спаситель. Обрѣтенный помостъ былъ признанъ за тотъ „линостратонъ“, на которомъ Пилатъ, указывая на Спасителя народу, произнесъ: „се Человѣкъ“ и умылъ руки. Стоящій же народъ кричалъ: „распи, распи Его“. Вотъ это-то освященное мѣсто и показывалъ намъ и давалъ объясненіе Николай Романовичъ.

Первой здѣсь намъ представилась Византійская арка позднѣйшаго (послѣ Христа) времени. Осмотрѣли и съ вѣрою поклонились порогу (помѣщенному подъ стекломъ), по коему входилъ Спаситель на „линостратонъ“. Надъ порогомъ возвышается живописное распятіе и по сторонамъ—во весь ростъ Богородица и Богословъ. Здѣсь читается инокинями „неугасимая“ псалтырь за усопшихъ благодѣателей „Палестинскаго Общества“. Здѣсь же стѣна преторія Пилата и устроена широкая лѣстница, ведущая къ перегородкѣ, за которой церковь во имя Александра Невскаго, сооруженная въ память Императора Александра 2-го, при содѣйствіи дѣтей его—Вел. Князей Сергѣя и Павла. Мѣсто церкви и есть мѣсто (древняго) „линостратона“.

Кромѣ сего здѣсь же поставлены древнія колонны, вросшія въ землю, остатки сооруженій временъ константиновскихъ. Рядомъ съ церковью комната-музей, гдѣ хранятся въ стеклянномъ шкафѣ разные предметы: подсвѣчники, свѣтильники и пр., найденные при раскопкахъ. А по стѣнамъ остатки колоннъ и капителей древнихъ сооружений, тоже найденныя при раскопкахъ.

Въ храмѣ Александра Невскаго встрѣтились съ управляющимъ Палестинскими подворьями Павломъ Ив. Ряжескимъ и внесли ему сумму, данную на обѣды бѣдныхъ.

Эти первые, священные по воспоминаніямъ предметы настроили наши чувства къ умственному созерцанію тѣхъ событій, какія происходили здѣсь. Здѣсь нашъ Спаситель связанный предсталъ на судъ Пилата, какъ поетъ церковь: „Судія судимъ бываетъ“... „Распи, распи его“, кричала на этомъ мѣстѣ неистовствующая толпа народа на слова Пилата, выведшаго Ісуса—окровавленнаго, въ терновымъ вѣнцѣ на головѣ: „Се Человѣкъ“... Осмотрѣвъ все это мы пошли въ самый храмъ Воскресенія, къ которому вела калиточка съ нашей улицы (не болѣе какъ въ ста шагахъ отъ подворья) пробитая въ стѣнѣ. Этой калиточкой мы вышли на дворъ,

или площадку квадратную, предъ храмомъ Воскресенія, кругомъ обнесенную стѣнами: мечети, пристроенъ къ храму и жилыхъ помѣщеній. Наружный видъ храма Воскресенія открытъ только одной стороною—сѣвѣрной.

Храмовая стѣна очень высокая, но простой архитектуры, мало напоминающей наши храмы, тѣмъ болѣе, что отсюда не видишь ни купола ни даже креста. Входъ въ храмъ какъ бы въ половину двери (но довольно широкой); др. половина задѣлана. Переступаемъ порогъ и чрезъ нѣсколько шаговъ 1-е священное мѣсто—„камень мѣропомазанія“, на которомъ Іосифъ съ Никодимомъ, по снятіи съ креста, бездыханное тѣло Ісуса Христа помазали мѣромъ и плащаницами обвили его. Съ глубокимъ чувствомъ смиренія поклонились мы и облобызали камень, мысленно переносясь къ моменту здѣсь совершившемуся 19 вѣковъ назадъ... Далѣе ведетъ насъ іеромонахъ Маркосъ и объясняетъ на ломаномъ русскомъ языкѣ. (Ему насъ сдалъ Николай Ивановичъ). Поклонились мы и другимъ священнымъ мѣстамъ. Наконецъ мы у „Святая святыхъ“—у часовни Гроба Господня. Съ страхомъ вошли мы въ пещеру Гроба Господня, наклонившись до пояса: дверка всего въ 1 аршинъ 13 вершковъ вышиной. Самая пещера—помѣщеніе, обложенное бѣлыми мраморными плитами, въ которомъ съ трудомъ помѣщаются 4 человека. Здѣсь сидитъ монахъ продавая и ставя свѣщи на мраморную плиту. Со слезами умиленія на глазахъ припали мы къ плитѣ, покрывающей мѣсто „идѣже лежало Тѣло Ісусово“. Здѣсь—погребенное, запечатанное и стрегомое войнами пребыло оно и въ третій день неизреченно воскресло. На этомъ гробѣ видѣли Магдалина Марія съ другими мѣроносицами „два ангела сѣдящихъ, единаго у главы и единаго у ногу“, глаголящихъ: „нѣсть здѣ, но воста“. Помолившись и поставивъ по свѣщѣ и съ собой взявъ нѣсколько на память—„отъ Гроба Господня“, мы вышли и пошли къ другимъ священнымъ мѣстамъ, которыя сейчасъ перечислять не буду, да и не могу по порядку вспомнить, а пишу о болѣе выдающихся. По лѣстницѣ, по ступенямъ каменнымъ, выбитымъ ногами миллионовъ поклонниковъ, мы взшли на Голгофу, гдѣ совершилось страшное дѣло: народъ израильскій, о которомъ Богъ изрекъ: „первенецъ Мой израиль“,—распялъ Своего Царя и Спасителя на крестѣ! И вотъ предъ нами престолъ (открытый) и подъ нимъ углубленіе, обложенное серебромъ, гдѣ водруженъ былъ сей Крестъ, сдѣлавшійся отселѣ побѣднымъ знаменіемъ христіанъ. Что здѣсь именно,—хотя м. б. на нѣсколько вершковъ вправо или влѣво,—былъ водруженъ крестъ, показываетъ подлинная Голгофская скала, разсѣдшаяся при распятіи,—это по правую сторону отъ престола, прикрытая металлической пластинкой, отодвигающейся для осмотра расщелины. Продолженіе этой расщелины находится подъ верхнею Голгофскою площадкою, подъ придѣломъ Воздвиженія Креста, гдѣ находится придѣлъ Іоанна Крестителя, носящій также названіе придѣла праотца Адама. Ибо преданіе говоритъ, что на этомъ мѣстѣ была погребена глава праотца Адама, и что кровь и вода,

истекшія изъ ребра распятаго Господа, проникли сквозь трещину сію и омыли отъ грѣха главу нашего родоначальника.

Надъ престоломъ, мѣстѣ водруженія Креста, поставленъ осмиконечный крестъ съ изображеніемъ распятаго Спасителя, съ предстоящими—Богоматерію и Богословомъ. На титлѣ драгоценными камнями изображены начальными буквами: „Ісусъ, Назарянинъ, царь іудейскій“—на греческомъ, римскомъ и еврейскомъ языкахъ. Приложившись къ мѣсту водруженія Креста, (для чего нужно подлѣзть подъ престолъ) и къ мѣсту разсѣдшейся скалы, мы сошли въ нижній, какъ бы третій-этажъ—въ вышесказанный придѣлъ Крестителя. Посѣтили древнѣйшій изъ всѣхъ сооружений храма Воскресенія—подземный храмъ царицы Елены съ двумя престолами, посвященными одинъ царицѣ Еленѣ и др. благоразумному разбойнику. Сошли отсюда въ пещеру, гдѣ былъ по преданію обрѣтенъ Крестъ Христовъ. Пещера эта вся высѣчена въ скалѣ. Не больше сажени отъ этой скалы отдѣляютъ престолъ обрѣтенія Креста отъ дома гдѣ мы проживаемъ.

Поднявшись отсюда мы вошли въ храмъ Воскресенія, среди котораго стоитъ невысокая—въ аршинъ—колонка—„пупъ земли“, какъ называется ее простой народъ, предъ которымъ на низкомъ подвѣчникѣ поставлено множество свѣщей. Народъ прикладывается къ „пупу“; но я усумнился почестъ эту „святыню“. Провели насъ въ олтарь, а затѣмъ въ контору, помѣщающуюся рядомъ. Познакомились съ святогробскимъ настоятелемъ—архимандритомъ Евфиміемъ и съ греческимъ консуломъ. О. Евфимій говоритъ, что намъ у него, въ монастырѣ, приготовили кровати рядомъ съ митрополитомъ „Деркосъ Калиникосъ“ и постели стоятъ свободны. Вообще оказываютъ большую внимательность и любезность. Прислали намъ билеты на мѣста для смотрѣнія завтра „чина омовенія ногъ“.

3-го апрѣля, Великій Четвергъ. Въ 7 часовъ утра прошли въ храмъ (при подворьѣ) Александра Невского. Служилъ іеромонахъ съ діакономъ. Пѣли на лѣвомъ клиросѣ 5 инокинь, въ „тріо“, при чемъ управляющая хоромъ правой рукой, какъ бы благословляя, показывала тактъ. Въ общемъ пѣли порядочно. Молящихся было до полсотни нашихъ мужичковъ и бабъ. Мы встали противъ царскихъ дверей за воздвигнутымъ посрединѣ церкви престоломъ. Въ верху по стѣнамъ церкви помѣщена вся исторія крестныхъ страданій Спасителя въ картинахъ высокаго письма русскихъ художниковъ. Иконостасъ не высокій въ два ряда; царскія двери по восточному обычаю очень низкія. На ектеніяхъ поминаютъ русскаго Императора и Семью Его, и по запискамъ имена паломниковъ о здравіи и за упокой. Часовъ въ девять за нами пришелъ кавасъ и мы пошли смотрѣть „Чинъ омовенія ногъ“, съ терассы зданій архимандрита Евфимія. Здѣсь устроены мѣста для публики. Былъ драгоманъ Яковъ Николаевичъ, иностранные консулы; здѣсь же встрѣтили Владимира Александровича Птицына съ женой (проѣздомъ изъ Египта); были и другія лица, всѣ съ билетами. Наискосокъ отъ насъ въ широкомъ окнѣ монастыря смотрѣли на церемонію Княгиня Ирина Але-

ксандровна (дочь Ксеніи Александровны) съ мужемъ Княземъ Юсуповымъ. Среди площадки, предъ храмомъ Воскресенія, устроень былъ помость въ ростъ человѣка, съ перилами и съ ступеньками.

Площадка была полна народу, который съ трудомъ сдерживали турецкіе солдаты, въ два ряда стоящіе съ ружьями. Всѣ крыши, карнизы храмовъ и зданій и купола—были унизаны народомъ. Одинъ мальчишка ухитрился забраться даже на крестъ армянской церкви. Вся эта масса народа гудѣла какъ потревоженный улей пчелиный. Но болѣе всѣхъ обращали на себя арабы (преимущественно молодежь), которые, расположившись на крышахъ, наискосокъ отъ насъ, лицомъ къ храму, составивъ какъ бы два ряда, сильно хлопали въ ладоши, какъ будто ударили въ деревянные и въ тактъ пѣли: „Илмасихъ атана би дамо штарана нихна иляонъ фараха уляхуъ хазана“ (т.-е. „Христосъ пришелъ и искупилъ насъ Своею Кровію, въ сей день мы радуемся, а Евреи сѣтуютъ“) и: „Уала динъ илла илмасихъ“ („нѣтъ истинной вѣры, кромѣ христіанской“).

Дирижировалъ одинъ арабъ палкой; два мальчишка били въ барабаны, похожіе на горшки, съ натянутой на нихъ кожей. А одинъ съ саблями въ рукахъ размахивалъ ими, продѣлывая удивительные фокусы; сабли въ его рукахъ вертілись—какъ мельницы. Прокричавъ минутъ 5 первый ликъ умолкалъ, начиналъ второй, но безъ барабановъ и фехтованья. Тѣмъ и другимъ вторили и арабы стоящіе на др. мѣстахъ и даже мальчишка на крестѣ. Часовъ въ 11 появились монахи съ выноснымъ крестомъ и рипидами. Архидіаконъ съ Евангеліемъ по ступенькамъ взобрался на устроенный на срединѣ стѣны висячій амвонъ, на которомъ укрѣплено было дерево масляное. Колокола затрезвонили, приговаривая, какъ мнѣ казалось: „ни ко лай сам сонъ... Вторили сему и арабы на крышахъ, выбивая тактъ и припѣвая. Наконецъ вышли изъ боковой двери сначала монахи и духовенство безъ облаченія. Прошелъ на помость нашъ спутникъ Деркосъ-Калиникосъ, затѣмъ митрополиты, архимандриты и священники—12 человѣкъ въ облаченіяхъ, и патріархъ Даміанъ, въ полномъ облаченіи и въ митрѣ (служащіе съ нимъ митрополиты и епископы митрѣ не надѣваютъ, а только накрываютъ клобуки трепомъ—или по нашему кафтыремъ). По прочтеніи молитвъ и пѣнія патріархъ и сослужащіе съ ними вошли на помость. Патріархъ сѣлъ на кресло, поставленное во главѣ,—среди табуретокъ, покрытыхъ подушечками, на которые сѣли по 6 человѣкъ на сторону, имѣвшіе обозначать 12 апостоловъ. Началось заунывное пѣніе 3-хъ монаховъ съ канонархомъ. Затѣмъ чтеніе архидіакономъ Клеопою на вышесказанномъ амвонѣ Евангелія—своеобразнымъ мотивомъ, съ завываніями. Голосъ—свѣтлый баритонъ, не особо сильный. Примѣняясь къ читаемому Евангелію патріархъ всталъ и начали его разоблачать,—оставивъ въ одномъ стихарѣ бѣломъ; затѣмъ онъ былъ опоясанъ широкимъ полотенцемъ; потомъ самъ налилъ изъ большого вызолоченнаго кувшина воду въ позолоченный продолговатый тазъ и сталъ умывать ноги, начавъ съ лѣвой отъ себя сто-

роны съ краю. Омывъ одну сторону, перешелъ на другую—начавъ тоже скраю. Какъ происходило самое омытіе ногъ, нельзя было разсмотрѣть за спинами сѣдящихъ. Фотографы съ 3-хъ сторонъ сняли этотъ чинъ въ разные моменты. Дошедши до Петра, который всталъ, патріархъ велъ съ нимъ извѣстный діалогъ—по Евангелію и затѣмъ омылъ ноги (собственно одну—правую). Послѣ этого патріархъ облачился, а участвующие обулись, и чинъ продолжался своимъ порядкомъ, нѣсколько отличнымъ отъ нашего. При чтеніи Евангелія участвующие въ чинѣ, какъ замѣтно, изображавшіе опредѣленныхъ апостоловъ, вставали съ своихъ мѣстъ, приближались къ патріарху и произносили изложенное по Евангелію, и затѣмъ поклонившись—садились на мѣста. Изображавшій Іуду, первый всталъ и, приблизившись къ патріарху, преклонивъ колѣно, положилъ голову свою на колѣно патріарху. Послѣдній, прочитавши надъ нимъ молитву, благословилъ его и тотъ, поцѣловавъ руку, сѣлъ. По прочтеніи Евангелія архиѿіаконъ отломилъ вѣтку отъ масличнаго дерева, запряталъ ее въ пазуху и слѣзъ съ амвона. Дерево же подняли на веревкѣ на верхъ стѣны и вѣроятно разломали для паломниковъ. Мы видѣли только какъ паломники бросились было къ дереву, но кавасы отстранили ихъ и дерево было унесено куда-то.

По окончаніи чина патріархъ пошелъ съ возвышенія, окропляя богомольцевъ цвѣтами. Снова затрезвонили колокола и захлопали и заплѣли арабы еще съ большимъ воодушевленіемъ. Колокола будто измѣнили рѣчь свою, уже вызванивали: ни ко лай сам сонъ, а повторивъ такъ нѣсколько разъ, переходили на обратное: сам сонъ ни ко лай 3-жды, и потомъ ни ко лай 2, сам сонъ ни ко лай, сам сонъ 2, нѣсколько разъ перебирая и учащая темпъ.

Обѣдъ намъ приготовила Прасковья Ѳедоровна—картофельный супъ съ кореньями.

Вечеромъ въ 5 съ половиной часовъ мы пошли въ храмъ Воскресенія за 12-ть Евангелій. Кавасъ провелъ насъ въ олтарь, гдѣ насъ архимандритъ Каллистъ, изъ свиты патріарха Даміана, поставилъ у царскихъ дверей съ лѣвой стороны и всю утреню стоялъ съ нами, объясняя по-русски пѣваемое. Онъ обучался нѣсколько годовъ въ московской духовной академіи и объяснялся довольно хорошо по-русски. Екса псалмы читалъ самъ патріархъ, стоя на кафедрѣ своей, въ храмѣ, за правымъ клиросомъ, въ мантии соборной и кlobукъ съ крестомъ. 1-е Евангеліе читалъ самъ патріархъ тамъ же, гдѣ стоялъ. Антифоны пѣли съ канонархомъ, псалты, а мальчики иногда только выговаривали слова, а болѣе тянули одну ноту. Переменная гласовъ замѣтна и для насъ. Сѣдальны также пѣли. Ектеніи не всегда говорили, а прямо „и о сподобитися“. 2-е Евангеліе по-славянски читалъ нашъ новый знакомый—о. Каллистъ—изъ царскихъ дверей—къ народу. Такъ и другіе читали, кромѣ послѣдняго, 11-го, которое читалъ на амвонѣ—вверху—архиѿіаконъ Клеона; 3-е по-арабски, 4-е по-румынски, читали митрополиты; 5-е по-турецки—іеромонахъ, 6-е по-гречески—митро-

полить Деркосъ-Калининокъ, 7-е по-арабски—митрополить Бейрутскій Герасимъ, 8-е греческій митрополить Варнскій Никодимъ, 9—11 греческіе іеромонахи, 12-е у грековъ въ это время не читается.

Пѣли вообще недурно. Въ особенности хорошо: „Се уже омакается трость осужденія“. По окончаніи утрени патріарха проводили на Голгофу, пригласивъ и насъ слѣдовать за митрополитами. Здѣсь патріархъ 1-й поклонившись три-жды, приложился къ мѣсту водруженія креста подъ престоломъ, а за митрополитами и мы поклонились Животворящему Кресту и приложились къ мѣсту, идѣже водруженъ былъ. Здѣсь были и Княгиня Ирина съ мужемъ—приложились и прошли мимо насъ.

Окончилась утрени около 9 часовъ вечера.

4-го, пятница. Въ 9 часовъ мы пошли за царскіе часы, которые служили на Голгофѣ. Стояли у лѣваго клироса, гдѣ подстелили намъ коврикъ. Читалъ одинъ монахъ часы и славу; пѣли по два—по три монаха, съ припѣвами на два лика, иногда помогая и др. лику, вѣроятно въ мѣстахъ болѣе чувствительныхъ. „Днесъ виситъ на древѣ“ прочелъ монахъ—пѣвецъ съ хорошимъ басомъ. Съ глубокимъ чувствомъ умиленія и со слезами на глазахъ поклонялись мы на словахъ: „поклоняемся страstemъ Твоимъ, Христе“, ибо это произносилось на мѣстѣ—гдѣ совершилось самое страданіе нашего Спасителя... Повторили этотъ стихъ и оба лика чередуясь—по стихамъ. Спѣли очень хорошо. Послѣ сего профессоръ Афинскаго Университета ставши на табуретку, съ правой стороны (около престола) прочелъ горячую рѣчь на тему, что распятый на Голгофѣ Ісусъ Христосъ собралъ всѣхъ христіанъ поклониться сему св. мѣсту; перечислилъ множество странъ и городовъ и народностей. Мы поблагодарили его рукопожатіемъ и вручили свои карточки прося рѣчь его дать намъ на рускомъ языкѣ.

Здѣсь о. Каллистъ нашелъ насъ и объявилъ, что его блаженство, патріархъ Даміанъ, сейчасъ можетъ принять насъ. И мы, предводимые Каллистомъ, прослѣдовали въ патріархію. Встрѣтилъ насъ и принялъ верхнюю одежду черный (негръ) слуга; ввели насъ въ пріемную патріарха, гдѣ встрѣтилъ насъ самъ патріархъ, и привѣтствовалъ насъ цѣлованіемъ. На слова епископа Мелетія, что мы старообрядческіе епископы, отвѣтилъ, что очень радъ видѣть насъ,—архіереевъ старообрядческихъ, впервые заявившихся въ Іерусалимъ. Мы объяснили, что благодаря дарованной Государемъ Николаемъ Александровичемъ религіозной свободы мы получили возможность предпринять это путешествіе. И надѣмся, что за нами пойдутъ и др. Патріархъ спросилъ: много ли въ Россіи старообрядцевъ? Мы отвѣтили, что нашихъ—пріемлющихъ священство, до 10 милліоновъ, а всѣхъ—съ безпоповцами до 20 милліоновъ и что безпоповцы, благодаря свободѣ, стали колебаться въ своихъ убѣжденіяхъ. Въ это время подали угощеніе на подносѣ, стаканы съ холодной водой и двѣ вазы съ вареньемъ и ложечки. Я взялъ было прежде стаканъ съ водой, но патріархъ сказалъ: „вы не знаете здѣшнихъ обычаевъ; это дѣлается такъ:“ при этомъ взялъ ложечку варенья въ ротъ и поло-

жилъ ее въ вазочку въ др. отдѣленіе, потомъ взялъ стаканъ съ водой и сталъ прихлебывать. Мы повторили тоже. Затѣмъ подали по маленькой рюмочкѣ вина краснаго, но довольно крѣпкаго. Принявъ и патріархъ и чокнувшись пожелалъ намъ здоровья и вынулъ полрюмочки. Послѣ сего подали намъ по чашечкѣ кофе—безъ сахара.

Между этого разговоръ продолжался; я поинтересовался: почему патріархъ знаетъ русскій языкъ и свободно на немъ объясняется?—„Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, я мало знаю, вотъ епископъ (Іорданскій) Мелетій знаетъ болѣе“.

Тотъ объяснилъ, что жилъ въ Россіи годовъ 14. Патріархъ спросилъ: „нравится ли намъ Іерусалимъ?“ Мы отвѣтили, что кромѣ храма Воскресенія еще нигдѣ не были.—„Какъ понравился намъ чинъ омовенія ногъ“, спросилъ онъ.—Мы сказали, что очень хорошо, но непріятное впечатлѣніе на насъ произвелъ шумъ и хлопаніе въ ладоши арабовъ.

Патріархъ говоритъ, что обычай этотъ древній и трудно уничтожить его. Я высказалъ, что вѣроятно его блаженство очень утомился? Да, тяжело управлять патріархіей, гдѣ много разныхъ національностей и разнорѣцевъ. Еъ особенности евреи берутъ засилье и раскупаютъ земли въ Іерусалимѣ. На вопросъ о числѣ жителей онъ объяснилъ, что всего 110 тысячъ: Грековъ до 20 тысячъ, Евреевъ до 70 и др. до 20 т.

Поблагодаривъ его блаженство за привѣтъ, мы распростились съ нимъ, при чемъ онъ опять расцѣловался со всѣми нами и на наше пожеланіе осмотрѣть и поклониться святынямъ въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ, указалъ на о. Каллиста, сказавъ, что о. Каллистъ все покажетъ вамъ. Уходя мы замѣтили икону надъ выходной дверью и поклонились три-жды Нерукотворенному образу. Вышли, простившись съ епископомъ Мелетіемъ цѣлованіемъ, а Каллистъ цѣловалъ намъ руку.

Въ 2 часа въ храмъ Воскресенія началась вечерня: служилъ іеромонахъ и два діакона. Патріархъ стоялъ на своемъ мѣстѣ въ соборной мантии. 2 діакона, во время пѣнія „Господи воззвахъ“ (пѣли очень рѣдко, для okazденія) надѣли на себя, кромѣ стихарей и орарей протодіаконскихъ, еще въ родѣ короткихъ патрахилей—во всю ширину груди, спускающіяся спереди ниже пояса, а сзади на четверть, бархатныя, отороченныя газомъ, съ вышитыми херувимами, взявъ въ лѣвыя руки на эту „патрахиль“ малыя церквички, съ тремя главами, вызолоченныя. Это бываетъ только въ этотъ день. Кадили они вмѣстѣ всю церковь, Голгофу и Гробъ Господень. Со свѣщами предъ ними не ходили. На выходѣ съ Евангеліемъ еще облачился въ патрахили и ризы нѣсколько іеромонаховъ и діаконовъ,—всѣ въ черныя ризы.

„Свѣте тихій“ пѣли древнимъ напѣвомъ, очень рѣдко, одно духовенство—половину на сходѣ, а вторую половину вшедши въ олтарь. Мотивъ очень хорошій, напоминающій—путевое, старообрядческое. Евангеліе читалъ въ олтарѣ, въ царскихъ дверяхъ—къ народу іеромонахъ или архимандритъ.

По входѣ разоблачились всѣ, кромѣ одного служащаго и 2-хъ діаконовъ. Кончилась вечерня въ 4 часа.

Въ 8 часовъ вечера начали утреню на „боготѣлесное погребеніе“. Екса-псалмы читалъ патріархъ стоя на своемъ мѣстѣ. Каѳизму и канонъ пѣли на оба лика пѣвчіе, съ канонархомъ мальчикомъ, сказывавшимъ вполголоса. Послѣ славословія, къ крестному ходу съ плащаницею облачился (въ оltарѣ) патріархъ и 4 митрополита и съ маленькими Евангеліями въ окладѣ взшли на Голгофу; облачилось много и духовенства. Плащаница вышитая, древняя (безъ рамки) была возложена на престолъ на Голгофѣ; на ней насыпаны были цвѣты. Послѣ чтенія Евангелія о. Леонидъ, съ русскаго подворья, сказалъ съ высоко устроенной кафедры на сторонѣ слово о распятіи, при чемъ часто указывалъ на крестъ съ изображеніемъ распятаго Господа, стараясь подѣйствовать на слушателей видомъ распятаго, окровавленнаго и посинѣвшаго Господа. Послѣ сего четыре митрополита взяли плащаницу за углы и возложивъ на плечи понесли за духовенствомъ предъ патріархомъ, который пригласилъ насъ слѣдовать за нимъ. На патріархѣ было темное бархатное облаченіе, вышитое серебромъ. На омофорѣ изображены: распятіе и снятіе со креста, на палицѣ положеніе во гробъ. Всѣ держали свѣщи зажженные, дали и намъ длинныя фунта въ два вѣсомъ. Когда спустились съ Голгофы на средину церкви, начальство—консулъ и др. лица насъ оттерли отъ патріарха. При пѣніи „агіосъ оеосъ“ и др. пѣнопѣній обошли кувуклію (противъ солнца). Впереди шли кавасы въ фескахъ и съ оружіемъ (кривая, огромная сабля въ ножнахъ чрезъ плечо), постукивая тяжелыми булавами въ каменный полъ, очищая дорогу крестной процессіи. Народъ наполнялъ не только всю церковь, но и всѣ хоры, ниши и лѣстницы. Въ нѣкоторыхъ нишахъ, особенно противъ армянскихъ и сиріанскихъ оltарей сидѣли и лежали на подушкахъ мужчины и женщины съ дѣтьми, а нѣкоторые и спали, расположившись какъ дома. Для прохода процессіи по обѣ стороны стояли турецкіе солдаты въ фескахъ и съ ружьями.

Когда процессія спускалась внизъ какой-то молодой человекъ—грекъ, или крещеный жидъ—поддерживалъ меня на лѣстницѣ, что увидалъ іеромонахъ и съ гнѣвомъ оттолкнулъ его: вѣроятно зналъ—кто и съ какимъ намѣреніемъ поддерживалъ меня. По спускѣ съ Голгофы и по обхожденіи кувукліи плащаницу возложили на „камень миропомазанія“, а потомъ послѣ пѣнія внесли и возложили на гробъ, какъ бы погребли его. Вообще весь этотъ чинъ очень трогателенъ: онъ наглядно показывалъ восхожденіе Христа на Голгофу, на крестъ, снятіе со креста, помазаніе и погребеніе. Религіозное чувство нарушалось только небрежнымъ несеніемъ плащаницы и турецкими солдатами въ фескахъ и съ ружьями, да еще пѣніемъ съ боковъ и сзади кувукліи католиковъ, армянъ и коптовъ.

По внесеніи въ кувуклію и возложеніи плащаницы на Гробъ Господень насъ было оттерли отъ патріарха, какъ я уже говорилъ. Но іеромонахъ, съ помощію каваса, провелъ насъ и поставилъ съ лѣвой стороны у

двери кувукліи. У самой двери справа стояли: консулъ съ женой, или съ дочерью и др. начальствующія лица, а мы напротивъ—съ лѣвой. Предъ концомъ чина намъ сказали, что если мы желаемъ приложиться къ гробу и плащаницѣ, то чтобы шли за митрополитами, что мы и исполнили. Съ глубокимъ чувствомъ умиленія, со смиреніемъ проникнули мы въ пещеру погребенія—и со слезами молясь о своихъ согрѣшеніяхъ, мысленно поминая родныхъ и близкихъ, цѣловали живоносный Гробъ Господень и плащаницу. Взяли съ послѣдней цвѣтовъ на освященіе и вышли изъ кувукліи, благодаря Господа, сподобившаго насъ грѣшныхъ видѣть это торжественно-скорбное шествіе, поклониться и цѣловать живоносный гробъ Его. Послѣ насъ пошли прикладываться духовенство и начальствующіе. Кончилась утренняя около часа ночи.

5-го Апрѣля, Суббота Великая.

Въ 11 часовъ дня прошли въ олтарь, въ который провели насъ кавасы. Здѣсь масса уже духовенства, нѣкоторые сидѣли на нашемъ обычномъ мѣстѣ,—около царскихъ дверей; но іеромонахъ (имени его, къ сожалѣнію, не узнали), который всегда ставилъ насъ на лучшее мѣсто, приказалъ освободить для насъ мѣсто. Одинъ старый архимандритъ воспротивился было, ссылаясь, что онъ изъ Константинопольской патріархіи. Но нашъ іеромонахъ строго и настойчиво требовалъ дать намъ мѣсто, повторяя: „епископъ, епископъ;“ и архимандритъ покорился. И хотя послѣ мы просили его сѣсть рядомъ съ ними, такъ и не сѣлъ. Русскіе священники при этомъ злобно посматривали на насъ. Окруживъ престолъ, они сидѣли на его возвышеніи, о нѣкоторые стоя—опираясь на него. Набилось и мірянъ много, такъ что іеромонахъ-еклессіархъ вынужденъ былъ гнать ихъ, а съ ними и русскихъ священниковъ, ропщущихъ: „стало быть мы недостойны“...

Въ 12 часовъ вошелъ въ олтарь патріархъ безъ облаченія; приложившись къ Евангелію и престолу и отвѣтивъ кивкомъ головы (не благословляя, что не видѣли и ранѣ), сѣлъ на правой сторонѣ, сосредоточенно поникнувъ головой. Минуты предстояли для него трудныя: быть можетъ совѣсть говорила противъ этой церемоніи (а иные называютъ комедіей) „святаго огня“, который въ дѣйствительности не сходить; а съ другой стороны—ожиданіе св. огня многими тысячами народа и вѣками установившійся обрядъ требовалъ его совершенія.

Начался трезвонъ, по обычаю; но ранѣ только въ деревянное било, теперь же съ присовокупленіемъ и желѣзнаго. Мотивъ тотъ же почти. Чрезъ нѣсколько времени темпъ учащался все болѣе и болѣе... Ожиданіе, подъ этотъ своеобразный трезвонъ, начинало надоедать. Оказалось—ждали прихода армянскаго патріарха (викарія). По его приходѣ патріархъ Даміанъ расцѣловался съ нимъ и посидѣвъ съ минуту пошелъ въ ризницу наверхъ облачаться. Въ это время стали выдавать хоругви и очень небрежно! Выдавали чрезъ царскія двери (затворенныя—у грековъ они очень низкія), какіе-то „молодцы“, въ родѣ лодочниковъ,—въ однихъ рубахахъ, съ крикомъ. Какъ-то зацѣпили за шнурокъ завѣсы и „молодецъ“, ничто же сумня-

ся, влѣзъ на двери и отцѣпивъ сталъ подавать слѣдующія, стоя на дверяхъ одной ногой.

Наконецъ патріархъ облачившись вышелъ изъ олтаря съ митрополитами и др. духовенствомъ; при пѣніи „Воскресеніе Твое Христе Спасе,“ обошли трижды кувуклію и остановились предъ дверьми часовни Воскресенія. Народу было биткомъ: въ церкви, на хорахъ, на карнизахъ и у каждаго человѣка пучки (большою частію по 33) свѣщей. Намъ дали отъ патріарха пучки въ 13 свѣщей, въ палецъ толщиною. Поставили насъ на возвышеніе у престола (согнавъ поповъ), лицомъ противъ кувукліи. Но мы съ епископомъ Мелетіемъ хотя и видѣли кувуклію (т.-е. часовню Воскресенія), но за дальностію подробностей видѣть не могли. Наши же товарищи пробрались ближе къ дверямъ кувукліи и видѣли болѣе подробно. По ихъ словамъ прежде еще выхода патріарха изъ олтаря турецкія власти, съ участіемъ армянскаго и другого духовенства, осмотрѣли гробъ и вышедши заперли двери и запечатали перекрещенные два шнурка, вдѣтые въ кольца. Послѣ троократнаго обхожденія патріархъ предъ дверьми кувукліи разоблачившись остался въ одномъ подризникѣ. Начальство сняло печать и патріархъ вошелъ внутрь съ книжкой въ рукахъ. Огня нигдѣ не было. Намѣстникъ патріарха армянскаго также пытался войти внутрь, но турецкія власти не пустили его, чѣмъ вызвали протестующіе возгласы армянскаго духовенства*).

*) Также происходило и въ XVII вѣкѣ.

Въ 1651 году 29 октября въ Путивль пріѣхалъ Колосія города монастыря св. Николы чудотворца митрополитъ Михаилъ, 21 ноября митрополитъ съ спутниками прибылъ въ Москву, гдѣ былъ милостиво принятъ государемъ.

Въ 1654 году митрополитъ Михаилъ былъ отпущенъ въ Іерусалимъ на поклоненіе св. мѣстамъ, вслѣдствіе даннаго имъ обѣта. Въ сентябрѣ 1657 года онъ возвратился назадъ и далъ 11 декабря въ Посольскомъ приказѣ слѣдующее показаніе о своемъ путешествіи. *О явленіи святаго огня* митрополитъ Михаилъ разсказалъ слѣдующее: въ Великую субботу передъ вечернею, какъ пришло время итти въ самый Гробъ Господень, намѣстникъ патріаршій и онъ, митрополитъ, ходили олоко палатки трижды съ незажженными свѣщами. Намѣстникъ одинъ вошелъ внутрь гроба и хотя давалъ митрополиту почестъ немалую турчину, чтобы ему взойти въ Гробъ съ намѣстникомъ, но тотъ заказалъ турчанамъ, чтобы причъ его не впускать во Гробъ ни митрополита, ни кого-либо иныхъ, и далъ за то почестъ туркамъ большую. Намѣстникъ, взойдя внутрь Гроба одинъ, затворилъ за собою двери, былъ тамъ съ полчаса и вынесъ съ собою свѣчи зажженные, говоря, что онѣ засвѣтились отъ Гроба Господня дѣйствіемъ св. Духа и раздавалъ свѣщи сіи митрополиту, армянскому патріарху и прочимъ людямъ. Я попробовалъ, замѣчаетъ митрополитъ, испытать огонь сей и онъ такъ же опаляетъ, какъ и всякій вещественный огонь; а какимъ образомъ у патріаршаго намѣстника возжегся огонь у Гроба Господня, не вѣдаетъ, потому что, прибавляетъ митрополитъ, меня туда не пустили, и уже только по выходѣ намѣстника входилъ онъ съ другими на поклоненіе. (И. Каптеревъ: „Пріѣздъ въ Москву за милостыней сербскихъ іерарховъ“, „Приб. къ твор. свв. Оо.“. Ч. 48, стр. 482-484).

Арабы, по обычаю, кричали и хлопали въ ладоши какъ до крестнаго хода, такъ и до входа патріарха въ кувуклію. Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ и вдругъ надъ кувукліей взвился пукъ зажженныхъ свѣщей и еще чрезъ мгновеніе въ олтарь вбѣжалъ „молодецъ“ съ пукомъ горящихъ свѣщей. Всѣ кинулись зажигать отъ его огня, — началась чуть не свалка. Пока мы успѣли зажечь свои свѣщи, въ церкви запылали повсюду уже пучки свѣщей; патріархъ чуть не бѣгомъ влекомый молодцами прошелъ въ олтарь и скрылся въ ризницѣ. Какъ выходилъ онъ изъ кувукліи мы не видѣли; но о. Діонисій говоритъ, что вышедши изъ дверей онъ осѣнилъ народъ обѣими руками, въ коихъ держалъ по пуку зажженныхъ свѣщей и тотчасъ побѣжалъ. Варнскаго же митрополита Никодима молодецъ вынесъ буквально на своей спинѣ. Шумъ народа, крикъ арабовъ, масса огня и дыма! Многіе гасили свои пучки свѣщъ бумагой и ватой и опять зажигали до 3-хъ разъ. Этимъ церемонія и закончилась. Патріархъ разоблачившись тотчасъ же ушелъ къ себѣ.

Чрезъ полчаса началась вечерня и литургія. Служилъ митрополитъ Оаворскій. „Да молчитъ всяка плоть“ спѣли очень хорошо, тихо и плавно, напоминающее нашъ напѣвъ. Пареміи читали не всѣ. Хорошо спѣли „Свѣте тихій“—однодуховенство: 1-ю половину въ церкви, а 2-ю въ олтарѣ.

Забывъ я сказать какъ вносили хоругви обратно въ олтарь, послѣ крестнаго хода вокругъ кувукліи. Если „молодцы“ не соблюдали никакого приличія при выдачѣ ихъ, то вносили еще безобразнѣе: задѣвали за двери, за рѣзбу, гнули и ломали кресты... И это при ихъ одѣянніи—въ рубашкахъ и штанахъ, шириной съ Черное море...

О св. огонь—какъ онъ получается—мы, конечно, не можемъ сказать, ибо не могли этого видѣть. Отъ нѣкоторыхъ лицъ, —напримѣръ отъ о. Сергія саратовскаго (въ Яфѣ) и о. Іоанна на Тиверіадѣ, слышали вообще осужденіе грековъ за этотъ огонь, выдаваемый ими за сшедшій съ неба: „зачѣмъ они обманываютъ простой народъ, говорили они, когда въ дѣйствительности онъ, огонь, не съ неба сходить, а патріархъ зажигаетъ отъ неугасимой лампы, скрытой за иконой Воскресенія.“ Подобное я читалъ, кажется, въ „Ист. Вѣсти.“ если не ошибаюсь, путешествіе Селивановой, которой говорилъ какой-то митрополитъ то же самое, но съ поясненіемъ, что огонь дѣйствительно однажды сошелъ въ XI или XII вѣкѣ, и отъ этого-то огня теплится неугасимая лампада, тщательно замаскированная, въ ней и поддерживается огонь. Открыть это народу, —опасаются ухода поголовно всѣхъ арабовъ въ магометанство. Но для насъ, вѣрующихъ, дорого и это, что огонь нашихъ свѣщей въ этотъ моментъ былъ вожденъ отъ лампы, горячей на Гробѣ Господа, Который есть Самъ „Свѣтъ, просвѣщаяй всякаго челоуѣка, грядущаго“ къ Нему съ искреннимъ сердцемъ и теплою вѣрою. Уѣзжая изъ Іерусалима мы въ поѣздѣ видѣли молодого араба со средоточеннымъ лицомъ и серьезнымъ взглядомъ, везшимъ св. огонь въ особо устроенномъ фонарѣ, въ которомъ имѣлись четыре фитиля, изъ которыхъ

поочередь два горѣли, а два заправлялись: съ какимъ тщаніемъ онъ охранялъ этотъ фонарь, не давая ему колыхнуться при движеніи поѣзда и платкомъ закрывая его отъ вѣтра. Сколько будетъ у него радости, если онъ довезетъ его до мѣста назначенія! А тѣ люди, которые послали его за этимъ св. огнемъ, что почувствуютъ при видѣ огня, который воженъ отъ огня на Гробъ Господнемъ; съ какою радостію возжгутъ и они отъ него свои лампы предъ святыми иконами и будутъ тщательно поддерживать его горѣніе! Нельзя отрицать, что не только ихъ лампы, но и сердца ихъ будутъ горѣть любовію къ Спасителю, — насъ ради распятаго, погребеннаго и въ третій день воскресшаго.“

6-го Апрѣля. Свѣтлое Христово Воскресеніе.

Въ 12 часовъ ночи, послѣ звона въ била — деревянное и желѣзное, за благовѣстили въ колокола и началась Утреня. Облачился самъ патріархъ въ дорогой бѣлый саккосъ, возложилъ омофоръ съ вышитыми изображеніями Христова Воскресенія, а также и палицу и митру драгоцѣнную; облачились и митрополиты въ блистающіе саккосы, но безъ митръ, а въ клобукахъ съ креповыми кафтырями (по нашему названію); облачилось и прочее духовенство. Начали канонъ „на боготѣлесное погребеніе“. Пѣли ирмосы и стихи очень медленно по-клиросно, по обычаю. По окончаніи канона зажгли массу лампадъ, всюду развѣшанныхъ; всѣ держали свѣщи въ рукахъ. Народъ заполнилъ всѣ возможные мѣста, стояли даже на лѣстницахъ, на карнизахъ и въ нишахъ. Дали и намъ, какъ и митрополитамъ, большія свѣщи, не менѣе аршина длиной. Патріархъ, сказавъ намъ: „идите за мной“, вышелъ изъ царскихъ дверей со всѣмъ духовенствомъ — въ церковь. Мы последовали за патріархомъ. Но среди церкви насъ, какъ и за плащаницей, оттерли: консулъ съ Великой Княгиней и ея мужемъ и другія начальствующие лица, ловко развернулись и последовали за патріархомъ, охраняемые кавасами, а за ними уже и мы пошли, тѣснимые народомъ. Патріархъ запѣлъ: „Воскресеніе Твое Христе Спасе;“ за нимъ запѣли всѣ — духовенство и пѣвцы и пошли вокругъ часовни Воскресенія Христова (кувуклія — тожъ), между рядами турецкихъ солдатъ съ ружьями. Минуты эти трудно забыть! Съ чувствомъ радости и благодаренія къ Воскресшему слѣдовали мы въ этой процессіи среди многихъ тысячъ молящагося народа, среди массы свѣта отъ лампадъ и свѣщей. Послѣ троекратнаго (противъ солнца — конечно) обхожденія, патріархъ съ митрополитами, держащими маленькія, въ позолоченныхъ окладахъ, Евангелія, сталъ у дверей кувукліи и, послѣ кажденія, запѣлъ съ духовенствомъ: „Христосъ анести экъ некронъ“ т.-е. „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ“. При этомъ чувствовалось такое воодушевленіе, что трудно передать словами. „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ“, — эти слова впервые возгласилъ ангелъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, возвѣщая мѣроносицамъ радостную вѣсть. Здѣсь совершилось это великое и отъ вѣковъ неслыханное чудо: по-зорно распятый на крестѣ и погребенный мертвецъ Своею божественною силою со славою воскресъ изъ мертвыхъ. При пѣніи „Христосъ анести“ хо-

ругви, держимыя по сторонамъ, вертѣли кругомъ—въ знакъ радости. Пѣли и по-русски, пѣвцы и русскіе паломники. Къ канону патріарху поставили кресло противъ кувукліи, ближе ко входу въ большой храмъ, и для митрополитовъ также. Патріархъ, ставши у кресла, пригласилъ насъ чрезъ іеромонаха, стать рядомъ съ его кресломъ; здѣсь мы простояли всю утреню и литургію. Канонъ пѣли пѣвчіе по клиросамъ. Напѣвъ—нельзя сказать, чтобы былъ радостный, скорѣе унывный. 9-ю пѣснь пѣли съ канонархомъ: патріархъ пѣлъ одинъ, потомъ его намѣстникъ—архіепископъ Мелетій, прочіе стихи—другіе митрополиты, по единому. Кадили также по очереди всѣ митрополиты, а 4 діакона ходили съ трикиріями. Крестъ держали безъ сулка и цвѣтовъ, съ одной свѣщей,—но сзади креста, а не предъ крестомъ. Свѣтили пѣвцы спѣли очень хорошо. Какъ-то незамѣтно для насъ началась и литургія. Антифоны пѣли хорошо. На пѣніи „Осиися, т.-е. Елицы, во Христа“, выходилъ патріархъ съ крестомъ и трикиріемъ, и 1-й разъ говорилъ—по гречески, а 2-й—по-русски: „Господи, Господи, призри съ небесе“, а не какъ въ господствующей церкви: „призри съ небесе“. Пѣвцы тихо припѣвали: „киріе елейсонъ“ и „Господи помилуй.“ Апостолъ и Евангеліе читали на 3-хъ языкахъ: греческомъ, славянскомъ и арабскомъ,—не важно.

„Херувимскую“ спѣли очень хорошо: псалтъ тихо началъ, а мальчики, по обычаю, тянули одну ноту, изрѣдка выговаривая слова. Одѣты мальчики были въ бѣлыя рубахи, а поверхъ—безрукавки атласныя, темно-голубаго цвѣта,—какъ есть хохлушки... Псалтъ-теноръ—„заливался“, забирая иногда очень высоко. Долго тянулась Херувимская пѣснь, ибо по обычаю грековъ въ это время архіереи проскомисаютъ одинъ по одному. Проскомидія совершалась—какъ и въ Субботу—на камнѣ Гроба Господня. Выходъ, какъ и съ Евангеліемъ, совершался вокругъ часовни Воскресенія, среди солдатъ и въ предшествіи кавасовъ, постукивающихъ своими булавами въ церковный каменный помостъ. Поминали по-гречески и по-русски „всѣхъ васъ“. Патріархъ поминалъ нашего Государя, Государыню и Наслѣдника. Были и причастники. Мы въ это время по предложенію іеромонаха, прошли въ главный олтарь, куда вскорѣ взшелъ и патріархъ, гдѣ мы и христовались съ нимъ и съ митрополитами и другимъ духовенствомъ. Но русскіе чуждались насъ, а мы не заискивали. Вообще и здѣсь—на мѣстѣ, гдѣ Господь Своею крестною смертію примирилъ земная съ небесными, русское духовенство не оставляло своей вражды къ намъ, тѣмъ болѣе, что видѣли такое любезное отношеніе къ намъ патріарха и другихъ высшихъ духовныхъ лицъ греческихъ. Одинъ только іеромонахъ Сергій изъ Саратова (Ермогенецъ) иногда заговаривалъ съ нами.

Провожали патріарха все духовенство, но безъ пѣнія. Прошли и мы за нимъ изъ храма на площадку, а потомъ повернули къ себѣ въ подворье. Разговѣлись въ №. Пришелъ къ намъ владимирскій мужичекъ—Иванъ Ми-

хайловичъ, принесъ крашенныхъ яицъ и куличъ. Я надѣлъ патрахиль и спѣли „Пасху“, затѣмъ разговѣлись чѣмъ Богъ послалъ.

Иванъ Михайловичъ приходилъ къ намъ дня за два до этого съ безпоповцемъ, казакомъ донскимъ. Приѣхалъ онъ еще до Рождества Христова и остановился въ Русскомъ подворьѣ. Какъ старообрядцу ему много пришлось перенести укоризнъ и притѣсненій отъ „православныхъ“: доходило до того, что съ нимъ не хотѣли вмѣстѣ ѣсть, считая его еретикомъ. Вотъ что приходится переносить старообрядцамъ отъ своихъ же собратій, даже на чужой сторонѣ, которая должна бы объединять своихъ братій-русскихъ. Но здѣсь вражда! И гдѣ же?—У гроба Господня... На это обстоятельство должно быть обращено вниманіе кого слѣдуетъ, и чтобы были приняты возможныя мѣры къ устраненію такихъ ненормальныхъ явленій: желательно, чтобы для старообрядцевъ было устроено особое помѣщеніе на подворьѣ или около него. Тогда и старообрядцы охотнѣе поѣдутъ въ св. Градъ на поклоненіе св. мѣстамъ, зная, что они здѣсь найдутъ свой единовѣрный пріютъ и любовное отношеніе.

Вечерня въ 1-й день Пасхи.

Въ 12 часовъ дня начался крестный ходъ изъ патріархіи. Участвовало много духовенства. Мы ждали въ олтарѣ. По входѣ духовенства въ олтарь осыпали цвѣтами и насъ по ихъ обычаю. Вечерню началъ самъ патріархъ съ митрополитами и архимандритами. На Великій выходъ облачилось все духовенство. „Свѣте тихій“ пѣло все духовенство—древнимъ, тягучимъ, но пріятнымъ распѣвомъ: 1-ю половину — спѣли въ церкви, а 2-ю—въ олтарѣ. Послѣ прокимна началось чтеніе Евангелій въ 10-ти мѣстахъ, на языкахъ: греческомъ, славянскомъ, арабскомъ, латинскомъ, турецкомъ, древне-эллиническомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и румынскомъ. Во-первыхъ читалъ самъ патріархъ на греческомъ—стоя на горнемъ мѣстѣ; на русскомъ читалъ архимандритъ Леонидъ съ Русскаго подворья. Очень интересно—по мотиву и по голосу (баритонъ) прочтено было, Евангеліе на румынскомъ, кажется, языкѣ. Читалъ артистъ своего дѣла: такія чудныя выдѣлывалъ онъ рулады, съ такимъ мастерствомъ, съ переливами переходилъ онъ съ высокихъ нотъ на низкія и наоборотъ, такъ что и греческое духовенство, поглядывая другъ на друга, улыбалось красотѣ голоса и мастерскому чтенію. Читалъ молодой діаконъ (а по другимъ—священникъ румынъ, лѣтъ 50-ти, доподлинно мы такъ и не узнали, ибо читалъ внѣ олтаря). Даже сейчасъ (записываю 1-го мая) звенить въ ушахъ этотъ голосъ съ удивительнымъ мотивомъ.

Послѣ Евангелій читающіе по два приходили въ олтарь и прощались у патріарха, который, кстати сказать, не благословлялъ ихъ рукою, какъ у насъ дѣлается.

Евангеліе читалось на три отдѣла, такъ что патріархъ, по прочтеніи 1-го отдѣленія, сходилъ зачѣмъ-то наверхъ, въ ризницу (не поправить

ли голосъ, который хрипѣлъ у него немного?). По сугубой ектеніи, ска-
зываемой архидіакономъ, пѣвцы тихонько отпѣвали: „киріе елейсонъ“, а
на русское—„Господи, помилуй“—въ тріо, что практикуется и въ другихъ
случаяхъ. Замѣтно вліяніе въ этомъ и на греческое пѣніе; въ общемъ же
пѣніе—унисонное; изрѣдка только пѣвцы дозволяютъ себѣ эту вольность и
въ греческомъ пѣніи. По отпустѣ патріархъ со всѣмъ духовенствомъ вышелъ
на средину церкви и началось общее христосованье, начиная съ патріарха
и митрополитовъ. Приглашали и насъ (русскіе), но мы какъ уже христсо-
вавшіеся послѣ литургіи—не пошли, а ушли въ № и пообѣдали всухо-
мятку, безъ хлеба.

Была у насъ Екатерина Максимовна (Болгарка); приходила прощаться,
завтра уѣзжаетъ въ Софію. Не помню, говорилъ ли я о ней ранѣе? А эта
особа заслуживаетъ, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ. Екатерина
Максимовна (по ея, конечно, словамъ) была сестрой милосердія въ Освобо-
дительную войну 1877 г., вышла за русскаго капитана, послѣ войны остав-
шагося въ Болгаріи на жительство. Она продѣлала три войны,—прошлогод-
нюю, совмѣстную съ др. державами, которую она называетъ „благословен-
ной“, ибо во всемъ болгары тогда имѣли успѣхъ. Но „братоубійственную“
войну она называетъ „дьявольскою“ и позорною, наказаніемъ Божиимъ.
Она женщина очень энергичная: 4 лошади убили подъ ней; два Георгіев-
скихъ креста имѣетъ она за храбрость. Обладая даромъ слова и языками
(кромѣ болгарскаго): французскимъ, сербскимъ, греческимъ и турецкимъ,
она воодушевляла воиновъ своею самоотверженностію и они любили ее на-
зывая „бабушкой“. „За мной дѣтки“, крикну я бывало, рассказывала намъ
Екатерина Максимовна: „умирать—не миновать; такъ умремъ за родину, съ
нами Богъ! И Богъ намъ помогалъ. А когда настала эта „проклятая“ война
съ своими братьями,—ни въ чемъ намъ удачи не было! Много полегло на-
роду... Въ Іерусалимъ она ѣдетъ въ 3-й разъ, и ѣдетъ съ паломниками
въ 3-мъ классѣ, поучая ихъ словомъ Божиимъ и наставляя какъ держать
себя въ св. мѣстахъ. Ограждала ихъ отъ эксплуатаціи монаховъ и разныхъ
проходимцевъ. Знакомство она имѣетъ большое: всѣхъ знаетъ видныхъ
лицъ какъ гражданскихъ, такъ и духовныхъ въ Іерусалимѣ и въ другихъ
св. мѣстахъ: Съ удовольствіемъ мы бесѣдовали съ ней, слушая ее свое-
образные рассказы на смѣшанномъ русско-болгарскомъ языкѣ. Связала насъ
съ ней и идея—основать мѣсто въ Іерусалимѣ для своихъ обновѣрцевъ.
Она также (секретно) имѣетъ таковое порученіе отъ своихъ соотечествен-
никовъ. Но турки, ихъ исконные враги, и греки, боящіеся конкуренціи,
мѣшаютъ имъ. Для осуществленія ихъ предпріятія учреждено ими О-во
помощи паломникамъ. Екатерина Максимовна познакомила насъ съ болга-
риномъ, живущимъ съ дѣтства въ Іерусалимѣ. Онъ общалъ намъ свое
содѣйствіе.

7-го апрѣля, понедѣльникъ.

По совѣту смотрительницы Прасковьи Θεодоровны мы взяли провод-

ника Абрама Назарей и пошли осматривать св. мѣста въ Іерусалимѣ. Вышли мы съ подворья въ 8 часовъ утра и прошли по „страстному пути“. Тотчасъ за стѣной нашего дома Абрамъ показалъ намъ такъ-называемыя „Общія врата“, ведшія въ Іерусалимъ, и остатки древней стѣны, въ частномъ владѣніи, наподобіе кузницы. Недалеко отсюда остатки древней небольшой церкви со сводомъ и съ колоннами съ капителями, засыпанными отъ времени: осталось ихъ выше земли не болѣе аршина. Здѣсь—въ родѣ конюшни: стоялъ осликъ, пожевывая сѣно, сваленное въ углу. Тяжелое впечатлѣніе! Церковь, гдѣ приносилась безкровная жертва Господу, нынѣ стойло скотское... Не нашлось у современныхъ христіанъ средствъ выкупить это мѣсто и возстановить церковь для прославленія Господа.

Прошли мимо „Преторіи“ (Пилатовой?), гдѣ нынѣ казармы; зашли въ подземелье, приписываемое латинами дѣвицѣ Вероникѣ, гдѣ Спаситель, по ихъ преданію, неся крестъ, упалъ, и блаженная Вероника отерла полотенцемъ окровавленный ликъ Его. Здѣсь католическіе монахи раздаютъ паломникамъ листочки, изображеніе „Нерукотвореннаго образа“, изобразившагося на полотенцѣ Вероники, и продаютъ вѣнцы терновые разныхъ величинъ. Здѣсь имѣется статуя Спасителя, упавшаго на колѣни, подъ тяжестью деревяннаго креста.

Въ „Преторіи“ показываютъ подземную темницу, гдѣ былъ заключенъ Спаситель, и камень съ двумя мѣстами, гдѣ ноги Его были забиты.

Еще ниже (куда я не спускался) показывали темницу, гдѣ мучили христіанъ; руки ихъ крестообразно растягивали по стѣнѣ и заключали въ замки, охватывающіе кисти руки. Такъ и умирали заключенные; много костей и сейчасъ находится въ этомъ подземельѣ, что наводитъ на сомнѣніе о принадлежности сихъ костей христіанскимъ мученикамъ. Христіане не оставили бы ихъ въ такомъ пренебреженіи.

Далѣе прошли въ католическую церковь Іоакима и Анны, на мѣстѣ ихъ дома. Въ подземельи показываютъ мѣсто рожденія Богородицы. Противъ этой церкви находится „овчая купель“: она устроена въ видѣ цистерны съ водой, къ которой спускъ по каменной лѣстницѣ—довольно крутой, огражденный легкими перилами. Здѣсь, у купели, монахи торгуютъ жетонами съ изображеніемъ Спасителя, исцѣляющаго разслабленнаго, и открытки съ такимъ же изображеніемъ. Мы купили по нѣсколько штукъ жетоновъ, ибо работа очень искусная. Показывалъ намъ Абрамъ и мѣсто дома Никодима и темницы апостола Петра, въ бывшей башнѣ Антонія, изъ коей извелъ его ангелъ. Возвращаясь въ подворье для обѣда, Ибрагимъ (арабское имя Авраама) какъ бы подъ секретомъ указалъ мѣсто дѣйствительной (по его словамъ) „овчей купели“; это почти засыпанный мусоромъ оврагъ, обнесенный деревяннымъ заборомъ,—здѣсь мѣсто свалки мусора. При выходѣ отсюда на улицу два араба захлопнули передъ нами ворота, требуя платы по „паричкѣ“. Пришлось уплатить, чтобы выйти со двора.

Послѣ обѣда мы, въ сопровожденіи нашихъ сожителей на подворьѣ: Василя Дмитріевича съ женой Маріей Ивановной и художникомъ Иваномъ Николаевичемъ, вышли съ Абрамомъ черезъ Дамасскія ворота и зашли во дворъ, гдѣ показываютъ гробницы царей. Спускъ по широкой, высѣченной въ скалѣ, лѣстницѣ. По сторонамъ высѣчены водоемы, въ которые стекаетъ по желобамъ, вырубленнымъ въ ступеняхъ лѣстницы и по бокамъ стѣнъ, дождевая вода. Налѣво широкія ворота, съ карнизомъ, ведутъ къ мѣсту гробницъ. Здѣсь сохранилась часть колоннъ съ капителями и карнизами. Самые гроба высѣчены въ скалѣ, въ видѣ коридора, и въ нихъ ниши. Входъ въ коридоръ закрывается большимъ, въ видѣ жернова, камнемъ. Проходили туда чуть не ползкомъ со свѣчами. Видѣли, по выходѣ отсюда, Соломоновы каменоломни подъ стѣной Іерусалима. Мы не пошли въ нихъ. Абрамъ говоритъ, что онѣ тянутся нѣсколько верстъ подъ городомъ, и будто какіе-то иностранцы вошли туда и не возвратились. Прошли мимо воротъ Иродовыхъ, нынѣ заложенныхъ. Подходили къ мѣсту пещеры пророка Іереміи, гдѣ онъ плакалъ о разрушеніи Іерусалима, но на стукъ Абрама въ калитку никто не отозвался. Всѣ эти мѣста охраняются мусульманами и безъ „бакшиша“ (подарка) въ нихъ не пройти. Абрамъ хорошо объясняется и по-турецки. Далѣе вышли къ долинѣ Іосафатовой и къ потоку Кедронскому. Это простая, по нашему, балка—среди горъ, по которой во время дождей течетъ вода, а въ другое время она сухая. Долина Іосафатова, между горъ высокихъ, довольно красива—съ воздѣланными огородами и масличными садами. Сойдя по спуску (взвозу) мы подошли къ мѣсту побіенія архидіакона Стефана камнями. Это плоская скала, ничѣмъ не огороженная. Неподалеку отъ нея построено настоятелемъ Гроба Господня, о. Евѣиміемъ, подобіе часовни, съ садикомъ при ней. Перешли каменный мостъ чрезъ потокъ и стали подниматься къ саду Геосиманскому. Церковь Успенія Богородицы на мѣстѣ ея погребенія, слѣва, въ углубленіи, была заперта, и поэтому мы прошли прямо въ садъ Геосиманскій.

Мѣсто, гдѣ по преданію молился Спаситель о чашѣ, принадлежитъ католикамъ и обнесено желѣзной рѣшеткой, съ узкимъ проходомъ между оградой и рѣшеткой кругомъ. Внутри ограды сохраняются очень тщательно 8 маслинъ, по увѣренію католиковъ—современныхъ Спасителю и бывшихъ свидѣтелями Его моленія о чашѣ. Маслины эти дѣйствительно очень древни, въ нѣсколько обхватовъ толщины. Мы просили монаха сорвать намъ хоть нѣсколько листковъ, но онъ отказалъ, а собралъ нѣсколько опавшихъ листковъ и далъ намъ чрезъ рѣшетку. Греки, съ своей стороны, рядомъ съ этимъ садомъ показываютъ скалу, гдѣ спали три апостола во время моленія Господа, и мѣсто самаго моленія, огороженное, въ видѣ буквы П, каменной стѣной. Вообще о св. мѣстахъ нужно замѣтить, что между разными религіями идетъ сильная конкуренція, и каждая старается приурочить извѣстное Евангельское событіе къ мѣсту ей принадлежащему. Въ этомъ отношеніи, какъ намъ пришлось убѣдиться послѣ осмотра всѣхъ мѣстъ, католики дѣйствуютъ очень

искусно. У нихъ приставленные монахи, или учителя, на вашъ вопросъ или недоразумѣніе сейчасъ представляютъ вамъ доказательства и сошлются на свидѣтельства письменныя. А если этого нѣтъ, то на древнее преданіе, существующее съ такихъ-то временъ. При этомъ назовутъ авторитетныхъ лицъ, вѣрившихъ въ это преданіе. Не было случая, чтобы монахъ отозвался незнаніемъ или удовольствовался отвѣтомъ: „такъ говорить“,—какъ въ большинствѣ отвѣчаютъ греки и нашъ проводникъ Абрамъ: „Богъ знаетъ,—такъ говорить, такъ сказали“.

Поднимаясь отсюда на гору Елеонскую мы спѣли: „На гору ученикомъ идущимъ, за земное вознесеніе“, мысленно переносясь къ тѣмъ временамъ, когда „воплотившійся насъ ради“—Исусъ Христосъ съ своими учениками не однажды шествовалъ на эту св. гору поучая ихъ. И вотъ Господь сподобилъ и насъ—нашими грѣшными ногами идти по этому пути, воспѣвая Его „еже отъ мертвыхъ воскресеніе и еже на небеса вознесеніе“... Сладкія минуты переживали мы, взобравшись въ русскій садъ, почти на вершинѣ горы Елеонской, откуда предъ нашими глазами предсталъ—какъ на лондонѣ—св. градъ, многострадальный Іерусалимъ, со своими древними стѣнами и башнями. Чувство это омрачали только минареты и мечети, въ особенности мечеть Омара—прямо предъ глазами! Такъ что предсказаніе Спасителя, что „св. градъ будетъ попираемъ языки, дондеже скончаются времена языкъ“, наглядно подтверждается. И Богъ вѣсть, когда именно—„skonchatsya vremena yazyk“? Съ этой горы Всевѣдецъ Господь, прозрѣвая будущая, плакалъ о семь градѣ (Лук. 19, 41; 21, 24. Марк. 13. 3).

На мѣстѣ, приобрѣтенномъ русской миссіей, есть пещера съ подземнымъ коридоромъ и нишами, именуемыми „гробами пророковъ“,—конечно, „гроба“ эти пусты.

Наконецъ мы на самой вершинѣ горы—горы Вознесенія. На мѣстѣ Вознесенія въ древности была церковь, построенная царицей Еленой, какъ и большинство первыхъ церквей. Но теперь здѣсь владѣніе турокъ, обнесенное каменною стѣною. За нѣсколько „паричекъ“ намъ отперли дверь и мы вошли во дворъ. Здѣсь, посрединѣ, стояло круглое зданіе, ранѣе бывшее часовней. Среди этого зданія имѣется камень съ явно обозначеннымъ отпечаткомъ ступни ноги, какъ бы вдавленной. Это и есть, по преданію, камень—съ котораго вознесся Спаситель на небо, оставивъ слѣдъ стопы Своей... Съ вѣрою и благоговѣніемъ приложились мы къ мѣсту—„идѣже стоястѣ нозѣ Его“ и съ чувствомъ умиленія пропѣли стихъ: „Возшедь на небеса, отнюдуже и сниде, да не оставиши насъ сирыхъ, Господи“... Спѣли: „величаніе“, ирмосъ—„Спасителю Богу“ и „задостойникъ“.

Кругомъ этого зданія устроено нѣсколько открытых престоловъ разныхъ религій, на которыхъ въ день Вознесенія служатся литургіи.

Отсюда мы прошли на русскія постройки—въ женскій монастырь съ церковію Вознесенія и очень высокой и красивой колокольней (30 сажень), воздвигнутыми трудами архимандрита Антонина. Поднялись на колокольню.

я только на 1-й этаж,—откуда открывается чудный видъ на Иерусалимъ и его окрестности—на Иорданъ и часть Мертваго моря. Спустившись съ колокольни прошли въ музей, гдѣ собраны о. Антониномъ найденные при раскопкахъ остатки древней церкви—мозаическій полъ, съ изображеніемъ рыбъ и птицъ, колоннъ, капителей, маленькихъ тробиковъ съ костями (по обычаю грековъ кости погребенныхъ чрезъ 3 года вынимаются и по омовеніи слагаются въ особыя хранилища) и другихъ христіанскихъ древностей свѣтильниковъ, подсвѣчниковъ и пр. Зашли въ часовню „обрѣтенія главы Предотечи“ и въ келью настоятельницы. Она была за всенощной и мы съ ней не могли видѣться. Послушницы ея угостили насъ, по восточному обычаю, водой съ вареньемъ и показали оставшіяся по смерти русской инокини старыя иконы и книга: тріодъ цвѣтная и трефолой—патріаршія; др. переводныя. Не дождавшись игуменъ, мы пошли въ „малую Галилею“ иначе называемую „гора Галилейскихъ мужей“, съ новыми постройками келій, церкви и часовни. Сюда приурочиваютъ 1-е явленіе Христа Апостоламъ и яденіе имъ рыбы. Въ храмъ мы нашли двѣ древнія иконы въ алтарѣ—Срѣтенія Господня, а на стѣнѣ, вправо отъ входа,—Воскресенія Христова, большое по размѣрамъ, очень хорошее по сохранности и по рисунку. Надъ входомъ въ церкви—древняя Богородичная икона. Здѣсь молодая русская дѣвушка, изъ Челябинска, живетъ 3-й мѣсяцъ для объясненія паломникамъ что есть въ храмѣ, какъ она сказала намъ. По словамъ же Абрама, это—„герондиса“... Спустившись съ горы, мы посѣтили Геесиманію, подземную церковь Успенія. Церковь древняя, построенная на мѣстѣ погребенія Богородицы. Въ нее ведетъ каменная, широкая лѣстница, въ 48 ступеней. Къ сожалѣнію вслѣдствіе наступившей темноты, ибо солнце уже закатилось, мы не могли въ подробности осмотрѣть ее. Приложились къ мѣсту, идѣже лежало пречистое тѣло Богородицы. Мѣсто это имѣетъ видъ кувукліи Гроба Господня, но выше. Здѣсь на камнѣ, покрывающемъ ложе Богородицы, служатся литургія, и плита служить престоломъ. Гробъ Богоматери находится во владѣніи грековъ и армянъ,—имѣющихъ здѣсь свои престолы. Выше, къ выходу, показываютъ мѣсто погребенія праотцевъ Іокима и Анны, а съ другой стороны—первомученика Стефана и Іосифа Обручника. Поклонившись этимъ священнымъ мѣстамъ, мы вышли изъ храма и, перешедши мостъ, близъ мѣста убійства первомученика Стефана поднялись на противоположную гору и воротами, именуемыми „Геесиманскими“, возвратились въ городъ и въ подворье въ 7 съ половиной вечера, порядочно усталые.

8-го апрѣля, вторникъ СВѢТЛОЙ НЕДѢЛИ.

Въ 8 часовъ мы пошли въ Омарову мечеть, на мѣстѣ храма Соломонова—на горѣ Моріа. Прошли, такъ-называемыми, красными воротами, гдѣ апостолы Петръ и Іоаннъ исцѣлили хромого. Ворота въ собственномъ смыслѣ не существуетъ. Это длинный проходъ, среди ряда построекъ, съ крышей въ видѣ арки, ведущій на огромную площадь, среди которой и стоитъ величественная, но мрачная мечеть Омара. Большая часть площади вокругъ

храма выстлана плитами. Заплативши неизбежный „бакшишъ“ и снявъ га-лоши, мы вошли въ мечеть. Мулла, говорившій немного по-русски, водилъ насъ и давалъ объясненіе. Полъ мечети весь устланъ коврами. Отдѣлка стѣнъ очень богатая, въ арабскомъ стилѣ; золотая мозаика, мраморныя колонны. Говорятъ, будто нѣкоторыя изъ храма Соломона. Въ срединѣ за вызолоченной рѣшеткой природная скала—гора Моріа, на которой Авраамъ приносилъ въ жертву Исаака и былъ удержанъ ангеломъ. Въ пещерѣ, подъ храмомъ, показываютъ мѣсто убіенія „пророка Захаріа, убіеннаго между церковью и олтаремъ“. Въ мечети хранятся: щитъ Магомета, коранъ и другія священные для мусульманъ вещи. Но ихъ „гяурамъ“—не показываютъ. Мечеть снаружи и внутри обложена кефалью и мраморомъ синеватаго цвѣта, съ изреченіями, въ разныхъ мѣстахъ, изъ корана. По выходѣ изъ мечети показываютъ судилище Царя Давыда, а неподалеку, но нѣсколько ниже Омаровой мечети, другая мечеть—Эль-Акса, это бывшій храмъ Введенія во храмъ Богородицы. По дорогѣ къ ней стоитъ фонтанъ, въ который проведена вода изъ „прудовъ Соломона“, верстъ за 17. При входѣ въ мечеть мы увидѣли рядъ большихъ мраморныхъ, разныхъ цвѣтовъ, колоннъ, напоминающихъ „Айя Софію“. На мѣстѣ олтаря стоитъ мусульманская кафедра. Мулла говоритъ, что здѣсь ангелъ являлся Маріи; показываютъ и др. мѣста, приурочивая ихъ къ христіанскимъ Евангельскимъ событіямъ. Въ одной нишѣ показываютъ отпечатокъ стопы Спасителя по преданію перенесенной съ горы Елеонской, а въ другой—стопы Богородицы.

Подъ мечетью огромное помѣщеніе, съ рядами сводовъ и большихъ каменныхъ колоннъ (говорятъ до 1000), которое называютъ „Соломоновыми конюшнями“. Въ одномъ мѣстѣ имѣются каменные ясли, между малыми четырьмя колоннами. Вышедши отсюда прошли къ стѣнамъ и осмотрѣли „золотыя ворота“ (заложеныя), чрезъ которыя Ісусъ Христосъ совершилъ торжественный входъ въ Іерусалимъ „на жребяти осли“, при возгласахъ множества народа: „Осанна Сыну Давыдову“!

Отсюда мы прошли къ „стѣнѣ плача іудеевъ“, по узкимъ грязнымъ улочкамъ. Часть стѣны этой дѣйствительно древняя, изъ огромныхъ камней, между которыми масса набитыхъ гвоздей. Объясненіе этого намъ не пришлось слышать. Здѣсь застали мы немногихъ евреевъ и евреекъ, плачевно причитывающихъ что-то, прислонившись головой къ стѣнѣ. Въ особенности одна еврейка убивалась: она со слезами вопила во всю уличку. Быть-можетъ она выплакивала, причитывая, свое личное горе,—такъ неподдѣльно было горе ея.. Мужчины же, большею частію пожилые, мурлыкали подъ носъ себѣ, держа въ рукахъ молитвенники.

Раздавъ мелочь нищимъ евреямъ, назойливо просящимъ „паричку“, мы поднялись на Сіонъ гору, при пѣніи ирмоса „на Сіонъ гору взыде“, мимо огромныхъ многоэтажныхъ зданій, построенныхъ Ротшильдомъ для своихъ одновѣрцевъ. Поднявшись на гору, мы съ остатка древней стѣны осмотрѣли Кедронскую, или иначе Іосафатову долину, памятникъ Авессалома на еврей-

скомъ кладбищѣ, гробъ Захаріи—отца Предотечи, Силоамскую купель,—жилище прокаженныхъ, и проч.

Прошли на мѣсто Сіонской горницы: нынѣ здѣсь зданія и мечеть „Наби-Даутъ“ (гробъ Давыда). Въ одномъ изъ этихъ зданій показываютъ горницу, гдѣ Спаситель совершилъ послѣднюю вечерю, умылъ ноги ученикамъ и установилъ таинство Евхаристіи. Здѣсь явился Онъ ученикамъ по воскресеніи и вторично для увѣренія апостола Ѳомы. Въ 1-й комнатѣ съ двумя колоннами, поддерживающими сводъ, говорятъ, была „Тайная вечеря“, а во 2-й сошествіе Св. Духа на апостоловъ. Въ особой загородкѣ находится гробъ Царя Давыда, по увѣренію мусульманъ.

Недалеко отъ д. Тайной вечера показываютъ развалины дома Іоанна Богослова. Почти рядомъ занято протестантами большое мѣсто и построены огромный храмъ. Рядомъ же съ симъ мѣстомъ, за стѣной помѣщается греческое кладбище. Здѣсь Абрамъ показалъ мѣсто, гдѣ по увѣренію грековъ было сошествіе Св. Духа. Здѣсь, въ нишѣ, поставлено нѣсколько иконъ и на „Духовъ день“ бываетъ богослуженіе. Мы, помолившись здѣсь, пропѣли „Царю Небесный“ и Преславная днесь“. Сорвали нѣсколько вѣточекъ душистаго растенія (ливанъ) и цвѣтковъ.

На кладбищѣ есть памятники и на могилахъ русскихъ людей, умершихъ въ Іерусалимѣ. Въ одной ямѣ видѣли сваленные человѣческія кости и черепа... Такъ небрежно ведется здѣсь погребеніе,—вѣроятно бѣдныхъ людей.

Заходили мы въ Армянскій монастырь, построенный по преданію въ память апостола Іакова, сына Зеведеева, на мѣстѣ его убіенія. Приложившись, подъ престоломъ, къ мѣсту убіенія апостола мы осмотрѣли храмъ. Есть изразцовыя, древнія изображенія съ двуперстнымъ сложеніемъ, а новыя съ именованнымъ. Зашли и въ Сиріанскій монастырь, гдѣ показываютъ икону Богородицы, приписываемую Евангелисту Лукѣ. Потомъ прошли въ Сіонскій монастырь, во имя Св. Троицы, построенный архимандритомъ Герасимомъ. Здѣсь на мѣстѣ, приобрѣтенномъ русской миссіей, производятся раскопки. Нашли остатки церкви, построенной будто бы ранѣе церкви, сооруженной царицей Еленой. Но никакихъ ясныхъ доказательствъ этому не видится. Дѣйствительно, раскопки производятся; есть пещеры, но грунтъ не камень. Быть-можетъ далѣе что найдутъ и болѣе опредѣленное. Были, по случаю дождя, въ приѣмной архимандрита, гдѣ насъ угостили по-восточному—водой съ вареньемъ и кофе. Отсюда мы прошли мимо башни Царя Давыда, видѣли внизу, у моста, прудъ Вирсавіи, въ которомъ Давыдъ видѣлъ Вирсавію купающуюся и взялъ ее себѣ въ жены.

По возвращеніи въ подворье и по обѣдѣ посѣтилъ насъ архимандритъ Каллисть и говорилъ, что патріархъ ждалъ насъ на первый день съ поздравленіемъ и былъ намѣренъ отдать намъ визитъ. Мы извинились незнаніемъ ихъ обычаевъ и что считаемъ себя недостойными посѣщенія патріарха.

Каллисть объяснилъ, что патріарха пріѣзжаютъ поздравлять съ праздникомъ всѣ начальствующіе, какъ-то: патріархъ армянскій, сирійскій и

другихъ религій представители и гражданскія начальствующія лица.—Мы отозвались, что не приучены къ такимъ официальностямъ въ Россіи. Разсказали ему—какъ русская церковь относится къ нашей іерархіи: признаетъ за дѣйствительныя крещеніе и бракъ, у насъ совершенныя, и не повторяетъ ихъ при присоединеніи, но священства за совершителями сихъ таинствъ не признаетъ и обращающихся вновь хиротонисуетъ.—О. Каллистъ удивился этому и призналъ такое отношеніе неправильнымъ и противнымъ канонамъ Церкви, которая хиротонію новатіанъ и донатистовъ признавала за дѣйствительную и не повторяла. „Разъ признаетъ крещеніе за дѣйствительное, говорилъ онъ, то и совершители онаго должны быть признаваемы за священниковъ“. Оказывается даже онъ, архимандритъ Каллистъ, обучавшійся въ Московской Духовной Академіи, многого не знаетъ о старообрядцахъ и объ отношеніяхъ къ нимъ церкви русской. Не призналъ онъ правильнымъ и дѣйствіе господствующей Церкви,—принимающей поливательно крещенныхъ безъ новаго крещенія, тогда какъ греческая церковь обязательно креститъ въ три погруженія и крещенныхъ поливательно католиковъ перекрещиваетъ. А если это духовное лицо, то послѣ крещенія вновь хиротонисуетъ таковыхъ. Старообрядцевъ онъ уважаетъ, ибо знаетъ ихъ какъ людей держащихся древнихъ преданій и высоконравственныхъ.

9-го апрѣля, среда.

Вслѣдствіе дождя мы не поѣхали въ Виолемъ, какъ предполагали, а только послѣ обѣда сходили на русскія постройки и хотѣли представиться консулу и Павлу Ивановичу и поздравить съ праздникомъ, но намъ сказали, „дома нѣтъ“. Оставили визитныя карточки. Оказывается, русскіе заняли здѣсь очень большое пространство земли, настроили много зданій для паломниковъ и для администраціи и церковь. Мы заходили и въ нее. Хорошая церковь, но все новое...

Въ лавкахъ здѣсь же въ подворьѣ мы накупили открытокъ и жетоновъ. Былъ сильный вѣтеръ. Кавасъ-черногорецъ сказалъ, что въ Яффѣ не приставалъ ни одинъ пароходъ и паломниковъ провезли въ Портъ-Саидъ; ссадятъ на обратномъ пути, если не будетъ сильнаго волненія. Ибо были случаи—въ такой вѣтеръ разбивались лодки о каменную гряду и тонули люди, почему и воспрещено въ сильное волненіе спускать паломниковъ въ Яффѣ. Поэтому, когда устроится желѣзная дорога изъ Кайфы въ Іерусалимъ,—Яффа упадетъ, ибо паломники будутъ сходить въ Кайфѣ.

10-го апрѣля, четвергъ.

Въ 6 часовъ 10 минутъ утра мы выѣхали въ 2-хъ каретахъ, запряженныхъ парой, къ Мамврійскому дубу: насъ пять человекъ, съ проводникомъ Абрамомъ, и наши сожители по подворью: Михаилъ Михайловичъ, Василій Дмитріевичъ съ женой Марьей Ивановной, сестра милосердія-Марья Александровна и Иванъ Николаевичъ. Выѣхали въ Яффскія ворота, мимо башни Царя Давыда и пруда Вирсавіи чрезъ мостъ. Поднялись въ гору, миновали вправо вокзалъ и далѣе влѣво Ильинскій монастырь. Проѣхали мимо

могилы Рахили, въ зданіи съ куполомъ, похожемъ на мечеть. Въ нее не заходили. Гробъ за желѣзной дверью въ другой комнатѣ, куда не пускаютъ. Далѣе виднѣется съ роскошной растительностью селеніе на полугорѣ—Бейтъ-Джала, гдѣ имѣются хорошія постройки „Палестинскаго Общества“. Наша дорога шла по лѣвую сторону долины, богато воздѣланной масличными садами и огородами. Показалъ намъ Абрамъ, съ подводы, „гороховое поле“ съ камушками наподобіе гороха. Съ этимъ связана такая легенда: однажды Ісусъ Христосъ, по другой версіи—Богородица, шелъ по этой дорогѣ и уви-дѣлъ мужичка сѣющего горохъ. На вопросъ Ісуса Христа: что онъ сѣетъ? мужикъ отвѣтилъ съ раздраженіемъ—„камни“!—„Ну и пусть будутъ камни“. Съ этими словами Ісуса горохъ обратился въ камешки, которые теперь и собираютъ арабы и продаютъ паломникамъ. Въ Вилеємѣ и мы купили нѣсколько. Дѣйствительно, камушки эти очень напоминаютъ горохъ. Проѣхали мимо „Соломоновыхъ прудовъ“—но видѣли ихъ издали—съ дороги. Здѣсь имѣются казармы турецкія, за древней каменной стѣной. По дорогѣ попадаются чисто-библейскіе „пастыри съ своими стадами“—то овецъ, то козъ, то верблюдовъ. Попадаются и черныя палатки бедуиновъ, полуголые дѣти которыхъ осаждаютъ путниковъ просьбами „паричекъ“, бѣжа за коляской. Ближе къ Хеврону дѣтвора дѣлается назойливѣе, дерзко требуя „паричекъ“ и „бакшишъ“, угрожая иногда камнями на окрикъ путниковъ. Нашъ Ибрагимъ и возница ограждали насъ отъ нихъ кнутомъ, и тогда нѣкоторые изъ мальчишекъ хватали камни въ руки съ намѣреніемъ пустить намъ въ догонку. Это единственное, кажется, мѣсто съ такими дерзкими дѣтьми. Въ другихъ мѣстахъ, да и въ самомъ городѣ Хевронѣ, дѣти, въ особенности ученики, очень добродушно относятся къ паломникамъ, окружая ихъ и лопоча по-своему, пересмѣиваются съ ними. Извозчики, доведши насъ въ Хевронъ остановились кормить лошадей, такъ какъ до дуба Мамврійскаго дорога не проѣздная и нужно итти пѣшкомъ или верхомъ на лошади или осликѣ. Мы рѣшили пройти. Дорога послѣ дождя мѣстами грязновата, встрѣчались и лужи. Идетъ она между посѣвами и садами; всего до дуба не болѣе версты. Было жарко и я дошелъ порядочно вспотѣвши. Но вотъ и „дубъ Мамврійскій“, обнесенный желѣзной оградой съ желѣзной дверью, запертой на замокъ. Пока ходили за ключемъ къ смотрительницѣ, мы осмотрѣли „дубъ“, которому насчитываютъ не одно тысячелѣтіе. По этому поводу о тысячелѣтіяхъ художникъ Иванъ Николаевичъ сказалъ, что этому можно вѣрить и доказать это научно. Въ Америкѣ, говорилъ онъ, найдено нѣсколько деревьевъ, которымъ по счету слоевъ насчитывается до 3 тысячъ лѣтъ. Мы приняли это къ свѣдѣнію. Дубъ имѣетъ жалкій видъ: два отвѣтвленія его высохли и спилены; три оставшіяся закрѣплены желѣзомъ и лежатъ на козлахъ—подставкахъ изъ рельсовъ. Но тѣмъ не менѣе дубъ интересенъ не по одному священному преданію, по которому извѣстно, что подъ нимъ Авраамъ принялъ Бога въ видѣ трехъ странниковъ, обмылъ имъ ноги и предложилъ трапезу, за что получилъ обѣтованіе о рожденіи сына. Интересенъ онъ и

по своей солидности. Хотя основаніе его обнесено каменной оградой (не это ли причина, что онъ сохнетъ?), которая покрыта листовымъ желѣзомъ, обнимая стволъ, но и выше огражденія толщина его обхвата въ 3 или 4, а на остальныхъ вѣтвяхъ его растутъ еще новые побѣги и густая листва.

Вскорѣ пришла смотрительница, старушка Марія, отперла дверь и мы вошли въ ограду къ самому дубу, гдѣ имѣется возвышеніе въ видѣ престола и здѣсь служатся иногда молебны. Предложила Марія и намъ спѣть молебенъ, говоря, что у нея имѣется все облаченіе и кадило. Мы поблагодарили, отклонивъ ея предложеніе, но попросили хотъ по маленькой вѣточкѣ отдѣлить намъ отъ священнаго дерева. Она приказала работнику и тотъ, влѣзши на дерево, сломилъ сучечекъ, который мы и раздѣлили между собой на память. Дерево это не есть нашъ дубъ широколистный, а другой породы, съ листьями похожими на масличныя, но такъ же какъ и нашъ имѣетъ желуди. Впрочемъ нынѣ нѣтъ ихъ на немъ, а прошлый годъ, говорить Марія, были. Отъ корней дуба, саженьяхъ въ двухъ, въ этой же оградѣ выросли новые дубочки, возрастомъ лѣтъ 20 и даютъ желуди. Отъ нихъ Марія дала намъ по нѣскольку желудей и коры отъ старца-дерева.

Помолившись образу св. Троицы, стоящему при деревѣ, мы пошли на гору. Дубъ находится подъ горой, или у подошвы горы. Кругомъ много разныхъ деревьевъ: маслинъ, смоковницъ, а ближе къ дубу Мамврійскому и дубочки. Вообще вся долина Мамврійская очень плодородна и богата источниками. На горѣ построенъ русской миссіей, коей принадлежитъ и дубъ, каменный домъ-пріютъ для паломниковъ, въ два этажа, гдѣ насъ Марія и угостила чаемъ съ вареньемъ и яйцами. Пока готовился самоваръ, мы прошли съ Маріей къ строящейся церкви, неподалеку отъ дома. Стѣны, полъ и олтари (въ церкви два прѣдела) уже готовы, имѣются и образа живописные. Рабочіе арабы строгаютъ доски мраморныя для престола. Готовится матеріалъ и для колокольни. Мѣсто избрано на самой горѣ, видъ очень красивъ: виднѣется Средиземное море по направленію къ Яфѣ. Перебѣнивъ потное бѣлье, я отдалъ его посушить и уходя забылъ его. Возвратившись въ Хевронъ—хватились и изъ-за этой задержки вышелъ инцидентъ съ о. Діонисіемъ... Наняли араба съѣздить верхомъ съ моей карточкой къ Маріи за бѣльемъ; о. Діонисій хотѣлъ „слетать“ самъ... Лошади скорѣ прѣехали и можно бы ѣхать, но посланный не возвращался. Выискался молодой арабъ сбѣгать и черезъ четверть часа вернулся съ бѣльемъ, за что пришлось уплатить 60 коп. вмѣстѣ съ коннымъ. Пока мы дожидались посланныхъ, арабская дѣтвора окружила насъ и болтала. Когда сѣли на подводы, оказалось, что ребята стащили у Сампсона Ивановича узелокъ съ хлѣбомъ и другой съ провизіей, кто стащилъ, неизвѣстно. Абрамъ нашъ уходилъ поклониться гробамъ патріарховъ—Авраама, Исаака и Іакова.. Его пустили, какъ араба, а не магометанъ не пускаютъ туда. Изъ Хеврона мы поѣхали во градъ Вилеємъ, обратно по той же дорогѣ. Дорога шоссейная, очень хороша. Говорятъ обдѣлана къ прѣзду германскаго императора

Вильгельма, приѣзжавшаго во Иеросалимъ на освященіе храма (противъ Александровскаго подворья) года два-три тому назадъ.

Неподалеку отъ Вилелеема мы свернули съ прежней дороги и проѣхали новыми улицами въ городъ. У католической, кажется, церкви слѣзли и пошли пѣшкомъ, такъ какъ улицы такія же узкія, какъ и въ Иеросалимѣ, на подводѣ не проѣхать.

Дорогой наши спутники любовались на вилелеемскихъ женщинъ, восточныхъ красавицъ черноокихъ, въ своеобразныхъ національных костюмахъ, стройно идущихъ съ источника съ водоносами на плечахъ. Такъ вѣроятно и Рахиль несла съ водой кувшинъ, когда встрѣтилъ ее Іаковъ. Дѣтвора и здѣсь просила „паричку“, но не назойливо, а посмѣиваясь. Улицы тѣсны и грязноваты, хотя и высланы камнемъ. Вскорѣ вышли мы на площадь, на которой находится храмъ Рождества Христова, окруженный большими, зданіями въ видѣ крѣпости. Входимъ чрезъ низенькую дверь въ огромное зданіе съ колоннами—это древняя базилика временъ, говорятъ, Мануила Комнена (1169 г.). Вверху колоннъ на стѣнахъ сохранилась часть мозаики, но разобрать—что именно—трудно. По описаніямъ, здѣсь были изображенія вселенскихъ соборовъ. На колоннахъ также видѣются фрески. Но все это запущено, загрязнено. Въ виду вражды между „православными“ и католиками, которые не довѣряютъ другъ другу, нельзя никому сдѣлать необходимый ремонтъ. Сбоку, справа, имѣется древняя каменная купель, а при входѣ—въ самой базилікѣ—казарма турецкихъ солдатъ. Взошли мы въ греческую церковь (справа) и спустились въ пещеру, мѣсто Рождества Христова, которое отмѣчено большою серебряною звѣздой. Помолились „насъ ради Воплотившемуся“ и Рождшемуся здѣсь Предвѣчному Младенцу,—приложились къ звѣздѣ. Надъ мѣстомъ рожденія Христа виситъ множество лампадъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ показываютъ мѣсто скотскихъ яслей, гдѣ положенъ былъ рожденный Господь. Самыя ясли каменные (вѣроятно, что-нибудь вроде видѣнныхъ нами въ конюшняхъ Соломоновыхъ), увезены за границу (въ Римъ). Здѣсь также нѣсколько лампадъ. Поворачиваемся направо и нашъ взглядъ поражаетъ стоящій турецкій солдатъ съ ружьемъ, съ привинченнымъ къ нему штыкомъ, и это на мѣстѣ, гдѣ родился Спасъ нашъ, чтобы примирить враждующихъ. Къ сожалѣнію, именующіе себя христіанами до такой степени питаютъ другъ къ другу вражду, что были даже кровопролитныя столкновенія, и турецкое правительство вынуждено было поставить солдата со штыкомъ, чтобы охранять христіанъ другъ отъ друга...

Поклонились могилѣ блаженнаго Иеронима и его ученицъ въ особомъ, подземномъ же, какъ и пещера Рождества Христова, помѣщеніи находящимся; осмотрѣли его келью, гдѣ онъ трудился надъ переводомъ Библии на латинскій языкъ. Поднялись наверхъ въ католическую церковь и опять прошли въ греческую, желая осмотрѣть иконы. Но кромѣ Богородичной иконы—надъ входомъ въ пещеру—древнихъ нѣтъ. Купили нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ флакончиковъ съ масломъ и прошли въ базилику, чтобы еще

посмотрѣть мозаику и фрески. Но разсмотрѣть что-либо лучше не пришлось: солнце уже почти закатывалось. Поспѣшили зайти въ лавки, чтобы купить на память о Вилеемѣ карточекъ и перламутра, здѣсь славящагося. Но цѣны, что и въ Иеросалимѣ. Купивъ нѣсколько карточекъ, поспѣшили уйти къ повозкамъ той же дорогой и вскорѣ выѣхали въ Иеросалимъ, воспѣвая Христа рождающагося въ Вилеемѣ. Возвратились въ подворье, когда уже стемнѣло.

11 апрѣля, пятница.

Въ 8 съ половиной часовъ, напившись чаю и закусивъ, прошли къ Яффскимъ воротамъ (къ подворью экипажамъ пріѣхать нельзя, такъ узки улицы, нѣкоторыя изъ нихъ базарныя), наняли карету четырехмѣстную (пятый, проводникъ, помѣстился на козлахъ съ кучеромъ) за 17 рублей на Иорданъ и обратно. Путь нашъ лежалъ по знакомой уже дорогѣ мимо мѣста убіенія первомученика Стефана, чрезъ мостъ потока Кедронскаго и долины Иосафатовой, вправо отъ погребальной пещеры Богоматери до Визаніи, лежащей на южномъ склонѣ горы Елеонской. Зашли въ пещеру, гдѣ погребенъ былъ праведный Лазарь. Она находится теперь среди строеній арабскихъ въ частномъ владѣніи. За нѣсколько „паричекъ“ арабка отперла намъ дверь и мы вошли со свѣчками въ рукахъ въ пещеру, высѣченную въ скалѣ, и спустились по ступенямъ болѣе 20, въ небольшую узкую комнату, служившую нѣкогда церковью, изъ которой еще 3 ступеньки привели къ самому ложу, гдѣ лежало тѣло Лазаря—„обязанное укройми“. Помолвившись праведному Лазарю и взявъ на память нѣсколько камушковъ мы вышли наружу, дивясь и прославляя Господа, словомъ воскресившаго четверодневнаго мертвеца, который, несмотря на то, что былъ обвить плащаницами и обязанъ, скоро вышелъ изъ пещеры, изъ которой мы не безъ труда выбрались на свѣтъ Божій. Визанія нынѣ бѣдная деревушка, населенная арабами, исповѣдующими христіанскую вѣру.

Отсюда мы проѣхали по хорошей шоссейной дорогѣ между громадныхъ горъ, спускаясь все ниже и ниже зигзагами. Горы сначала покрыты растительностію и частію посѣвами хлѣбовъ, а потомъ ближе къ Иорданской пустынѣ и къ Мертвому морю почти голыя, выжженные солнцемъ скалы. По дорогѣ не въ далекомъ разстояніи отъ Вилеема въ долинѣ между высокихъ горъ встрѣтили источникъ, единственный на всемъ пути къ Иордану, носящій названіе „апостольскаго“. Отсюда начинается Іудейская пустыня, куда въ древнее время, въ великую четырехдесятницу, удалялись св. отцы-отшельники. Встрѣчаются еще и теперь пещеры, вырытыя въ горахъ и подъ каменными плитами.

Встрѣчались пасущіеся по склону горъ верблюды, срывающіе скудную, колючую растительность. Изрѣдка встрѣчались аисты, стояшіе на одной ногѣ или шагающіе по зелени долины. На полудорогѣ до Иордана—по пути отъ Иеросалима до Иерихона—имѣется ханъ, или постоянный дворъ, на мѣстѣ гостиницы „добраго самарянина“, о которомъ Ісусъ Христосъ сказалъ

известную притчу. Здѣсь наши возчики остановились на часъ попоить лошадей, а потомъ и покормить (а не по-нашему прежде накормить, а потомъ напоить). Въ каменномъ зданіи „добраго самарянина“ есть и музей съ разными мелкими боздѣлушками, торговля и трактиръ, въ которомъ имѣется и „водка расейская“, о чемъ не замедлил оповѣстить насъ молодой арабъ-торговецъ: „водка, пива“, выкрикивая на ломаномъ русскомъ нарѣчій. Значить, наши мужички-паломники и здѣсь не упускаютъ случая подкрѣпиться „стомаха ради“...

Спутникъ нашъ (насъ ѣхало 10 человекъ на двухъ коляскахъ) Михаилъ Михайлычъ купилъ себѣ платокъ и жгутъ, какіе носятъ на головѣ арабы. Но только бѣлый, а не черный, въ который и нарядился, вызывая смѣхъ всѣхъ насъ и арабовъ. Покормивъ лошадей, мы стали спускаться все ниже и ниже между голыхъ горъ. Іорданъ лежитъ на 563 саж. ниже Іерусалима, и поэтому лѣтомъ въ котловинѣ пустыни Іорданской бываетъ страшная жара, и паломники тогда не ходятъ. Интересную легенду рассказалъ намъ проводникъ Абрамъ Назорей при проѣздѣ одного мѣста въ ложбинѣ этихъ горъ. „Вотъ мѣсто,—указывалъ онъ на камни,—гдѣ стоялъ праведный Лотъ во время несенія воды отъ Іордана, чтобы поливать дерево животворящее, въ Крестномъ монастырѣ“.

Мы заинтересовались и услышали слѣдующую легенду. „Когда праведный Лотъ, по уходѣ изъ Содома, согрѣшилъ съ дочерьми и проспавшись, узналъ какой грѣхъ онъ сотворилъ, то пошелъ къ Аврааму, живущему у дуба Мамврійскаго, каяться. Авраамъ наложилъ на него такую епитемію. Указавъ сухое дерево,—гдѣ нынѣ Крестовый монастырь,—велѣлъ ему ходить на Іорданъ-рѣку почерпнуть воду въ кувшинъ, носить и поливать это дерево до тѣхъ поръ, пока оно не станетъ вновь расти. Если оно зацвѣтетъ отъ его поливки, то, значить, Богъ простилъ ему грѣхъ. При ношеніи воды съ Іордана Лотъ не долженъ никому отказывать напиться изъ его кувшина. Лотъ принялъ эту епитемію и началъ носить воду изъ Іордана (разстояніе отъ Іордана до Крестнаго монастыря не менѣе 30 верстъ). Но діаволъ захотѣлъ помѣшательству этому дѣлу и, преобразившись въ человека, встрѣчалъ Лота, выпивалъ у него всю воду, такъ что Лотъ вынужденъ былъ вновь возвращаться за водой на Іорданъ. Это діаволъ продѣлывалъ три раза и три раза возвращался Лотъ на Іорданъ за водой. Вотъ третья встрѣча и приурочивается къ указанному мѣсту, гдѣ стоялъ Лотъ, когда діаволъ въ третій разъ выпилъ у него всю воду. Но послѣ третьяго раза онъ оставилъ Лота въ покоѣ и тотъ, нося съ Іордана воду и поливая дерево, наконецъ достигъ того, что дерево вновь одѣлось листьями и зацвѣло и Лотъ получилъ прощеніе грѣха. Изъ этого дерева и былъ сдѣланъ впослѣдствіи крестъ, на которомъ распяли Христа“.

Наконецъ мы выбрались изъ горъ въ пустыню Іорданскую и взору нашему предстало Мертвое море, окруженное голыми горами. Но Іордана

еще не видать, онъ во впадинѣ и только зеленѣющій лѣсокъ показываетъ мѣсто его теченія.

Долина Иорданская — пустынная, кое-гдѣ только покрытая кустарниками, почва илистая. По ту сторону Иордана тянутся высокія горы Аммонитскія, среди которыхъ возвышается гора Нево, мѣсто кончины Моисея, откуда онъ видѣлъ и землю обѣтованную.

Солнце сильно жарило и мы заѣхали для отдыха въ монастырь св Герасима — „ему же Левъ послужилъ“, сооруженный на развалинахъ стараго. Монастырь обнесенъ стѣной каменной и имѣетъ видъ маленькой крѣпости. Здѣсь насъ принялъ настоятель игуменъ Серапіонъ, угостилъ обѣдомъ — ухой и жареной рыбой Иорданской и краснымъ виномъ. Слѣпой литераторъ Николай Петровичъ Петре разсказалъ намъ о закрытіи церкви въ Константинопольской патріархіи. Съ турками у грековъ большое недоразумѣніе; опасаются войны. Уговорившись съ извозчиками — прибавить имъ по 2 руб. за коляску — поѣхали къ Мертвому морю, которое было верстахъ въ шести. Провожали насъ со звономъ. Поднимаясь изъ одной глубокой рывины, лошади не взяли сразу, попятились назадъ и опрокинули повозку. Епископъ Мелетій, сидя съ краю, на который валилась повозка, успѣлъ спрыгнуть и поддержать меня, такъ что я хотя и упалъ, но ушибся легко. Только послѣ въ колѣнѣхъ сказалась небольшая ломота, и зонтикъ разорвался. Этимъ и ограничилась эта единственная катастрофа. Пока поднимали повозку, помогать прибѣжали и изъ монастыря игуменъ съ монахами, мы ушли впередъ. Часто встрѣчаются дождевыя вымоины въ песчаной почвѣ и небольшія горки голой земли. Безотрадная пустыня, мѣстами только разнообразящаяся скудною растительностію по ложбинамъ, гдѣ въ дожди протекаетъ вода. Ближе къ морю появилась илистая грязь послѣ недавняго дождя. Подѣхали къ самому берегу моря, гдѣ былъ песокъ и мелкій камень, отшлифованный волнами морскими. На берегу сдѣланъ плетневый шалашъ и навѣсъ, подъ которымъ арабъ торгуетъ сластями и фруктами, предлагая и камушки разноцвѣтные съ моря. Но мы сами набрали нѣсколько и попробовали вкусъ воды. Она крѣпко солено-горькая и на рукахъ оставляетъ какъ бы маслянистое ощущеніе, но очень прозрачная; на днѣ хорошо видны камушки. Было небольшое волненіе и саженьхъ 3—5 качалась на якорѣ большая лодка для желающихъ проѣхать по волнамъ Мертваго моря. Но у насъ времени было очень мало и поэтому, дождавшись, когда о. Діонисій искупается, а дамы обмотаютъ свои ноги, мы сѣли на экипажи и поѣхали къ мѣсту крещенія Господа на Иорданѣ.

О. Діонисій опровергаетъ молву, будто въ Мертвомъ морѣ нельзя потонуть. Онъ, стоя недалеко отъ берега, погружался свободно, хотя и не съ головой.

Никакого не ощущалъ онъ и покалыванія и зуда на тѣлѣ.

По преданію, на мѣстѣ Мертваго моря, называемаго арабами „Лотовымъ“, были города Содомъ и Гоморра и два другихъ (не помню названія ихъ), кото-

рые за беззаконія сожжены небеснымъ огнемъ и провалились. На ихъ мѣстѣ и образовалось Мертвое море. Окрестности его и берега дѣйствительно мертвы: ни растительности, ни птицы (хотя въ Палестинѣ вообще мало птицы), ни какой либо рыбы, ни иного живого существа нѣтъ и въ водахъ его. Рыба, попадающая изъ Иордана, впадающаго въ это море, умираетъ. Недалеко отъ мѣста, гдѣ мы остановились, стоитъ стража, охраняя отъ расхищенія соль отлагающуюся на берегу моря. Море, говорятъ, имѣетъ протяженіе верстъ 70, шириною верстъ 15. Это единственное мѣсто на землѣ: дно моря лежитъ на, 370 сажень ниже уровня Средиземнаго моря.

Отсюда мы ѣхали почти рядомъ съ берегомъ Иордана, покрытымъ камышомъ, лѣсочкомъ (ивнякъ и друг.) и кустарниками. Было грязновато, и лошади наши подвигались медленно. Наконецъ мы на Иорданѣ, на мѣстѣ, гдѣ, по преданію, крестился Ісусъ Христосъ. Здѣсь на берегу огорожено мѣсто плетнемъ, часть покрыта легкой крышей. Здѣсь иногда служатся литургія и молебны. Берегъ Иордана въ этомъ мѣстѣ не высокъ, но обрывистый, въ нѣсколькихъ мѣстахъ прорыты для схода въ воду ступеньки, скрѣпленныя дощечками. Стоять лодки. Нѣкоторые деревья спустились въ воду, или берегъ подмыло и они оказались въ водѣ.

Ширина Иордана—сажень 15—20. Солнце уже начинало „сидѣться“ и мы поспѣшили погрузить свои грѣшныя тѣла въ священныхъ водахъ Иордана. Первый раздѣлся и сошелъ въ воду епископъ Мелетій, за нимъ послѣдовали и мы, въ разныхъ мѣстахъ.

Я сошелъ по ступенькамъ и, ухватившись за дерево, спустившее свои вѣтви къ водѣ, трижды погрузился въ Иорданѣ. Вода, въ особенности сразу, показалась довольно прохладной и я поспѣшилъ выйти; теченіе довольно быстрое, отчего, а можетъ-быть и отъ дождя на дняхъ бывшаго, вода мутновата. Но епископъ Мелетій поплавать и спускался на дно на срединѣ рѣки, но дна не досталъ. Когда всѣ выкупались (женщины купались въ другомъ мѣстѣ—за деревьями) и одѣлись, мы, напившись воды св., пропѣли тропарь и кондакъ Богоявленію, „Гласъ Господень на водахъ“ и „величаніе“. Срѣзавъ на память прутьевъ палочекъ и вѣтокъ, мы поспѣшили уѣхать, потому что солнце уже закатывалось. Жаль было уѣзжать съ священной рѣки, гдѣ безгрѣшный Господь крестился, да освятить воды и омыть наши грѣхи. Повѣяло прохладой, слышалось пѣнье соловья; какъ бы хотѣлось остаться здѣсь подольше и подышать прохладнымъ воздухомъ, мысленно переносясь къ тѣмъ временамъ, когда „гласъ словеси и свѣтильникъ свѣта“—Іоаннъ Предотеча призывалъ къ покаянію и крестилъ людей. Здѣсь онъ увидѣлъ и указалъ народу грядущаго къ нему „агнца Божія“ и трепетною рукою крестилъ Его, слышалъ гласъ Отчій и видѣлъ Духа Св., сходящаго на Крещаемого въ видѣ голубя... Все это пронеслось въ мысляхъ и невольно взоръ нашъ обращался назадъ, чтобы навсегда запечатлѣть мѣсто священной рѣки—гдѣ все это совершилось почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ...

Стало уже темнѣть, когда мы доѣхали до монастыря Іоанна Предотечи, недавно возстановленнаго на развалинахъ древняго, въ которомъ преподобная Марія Египетская причащалась предъ отправленіемъ своимъ въ пустыню на подвигъ. Здѣсь также любовно встрѣтили насъ, накормили и дали покой. Миѣ отвели комнату, гдѣ останавливается патріархъ, и я спокойно заснулъ на кровати „Его Блаженства“, укрывшись подъ пологъ. На востокѣ всѣ кровати съ пологами изъ кисеи, отъ насѣкомыхъ.

12 апрѣля, суббота СВѢТЛОЙ НЕДѢЛИ.

Встали мы въ 5 часовъ утра. Осмотрѣли церковь. Есть древняя икона „Тринностасное Божество“—Спаситель благословляетъ двуперстно; у Бога-Отца же перстосложеніе такъ-называемое „младенческое“, т.-е. большой палецъ примкнуть къ 2-му суставу безымяннаго.

Поблагодаривъ игумена, о. Никифора, мы вышли изъ церкви, чтобы садиться на экипажи, и наткнулись на скандалъ. Арабъ—извозчикъ зашелъ наверхъ, гдѣ кельи, что имъ воспрещается: монахъ безъ церемоніи спровадилъ его и, вѣроятно, столкнулъ съ лѣстницы (послѣ онъ хватался все за бокъ). Когда мы вышли, то увидѣли, что арабъ, схвативъ изъ полѣнницы двѣ здоровыя палки, ринулся наверхъ, чтобъ отомстить монаху. Но другой арабъ, извозчикъ схватилъ его въ охапку и вывелъ за ворота, какъ тотъ ни порывался броситься на монаха. Но монахъ вѣроятно захотѣлъ загладить оскорбленіе и, пошептавшись съ другимъ извозчикомъ, они ушли за уголъ стѣны, куда пригласили и обиженнаго. Черезъ нѣсколько минутъ вышли примиренные. „Бакшишъ“ примирилъ ихъ.

Настоятель объяснилъ намъ, что арабы страшные воры и поэтому ихъ въ кельи не допускаютъ: имъ не утерпѣть, чтобы не стянуть чего-либо.

Простившись съ игуменомъ и другими монахами (ихъ не болѣе 3—5 и мірянъ столько же), мы поѣхали къ Іерихону, извѣстному по исторіи Ветхаго Завѣта: стѣны его пали послѣ семикратнаго обхожденія съ трубнымъ гласомъ. Теперь это небольшая деревушка—Ерихъ, но съ богатой растительностію, благодаря обилію воды, въ видѣ сильныхъ источниковъ: пальмы, олеандры толщиною въ обхватъ и вышиною въ двѣ—три сажени, густо покрытые цвѣтами, спѣлыя бананы. Нашъ спутникъ Иванъ Никол. купилъ тутъ же огромную кисть банановъ и мы съ аппетитомъ кушали ихъ.

Осмотрѣли источникъ пророка Елисея, который исцѣлялъ пророкъ, бросивъ въ него соли.

Двѣ цистерны со стѣнами, выложенными камнемъ, наполнены этой водой, которая сильной струей течетъ въ Іерихонъ, напоая сады его.

Оставивъ здѣсь лошадей, мы пошли къ Сорокадневной горѣ, гдѣ Ісусъ Христосъ постился 40 дней и былъ искушаемъ сатаною. На дорогѣ посмотрѣли на раскопки древняго Іерихона. Ничего еще существеннаго не нашли, кромѣ небольшихъ стѣнъ изъ небольшихъ камней. Прошли мимо хлѣбныхъ полей: ячмень уже начали жать.

Поднявшись на полгоры по неудобной каменистой дорогѣ, мы порядочно вспотѣли, и предстояло подниматься на очень крутую гору—къ монастырю, прильпившемуся къ отвѣсной скалѣ и висящему надъ пропастью—какъ ласточкино гнѣздо. Проводникъ нашъ тоже напугалъ насъ трудностію восхождения и мы, съ епископомъ Мелетіемъ и Иваномъ Николаевичемъ, отказались отъ посѣщенія монастыря и вершины 40-дневной горы, а вошли въ монастырскій садъ, обнесенный каменной стѣной. Наши же спутники пошли выше; не отсталъ отъ нихъ и старикъ Михаилъ Михайловичъ.

Пока они взбирались туда, мы въ бинокль смотрѣли на ихъ восхождение, а болѣе на монастырь, дивясь устройству его. Нѣкоторыя зданія, лѣпясь по горѣ террасами, буквально висѣли надъ пропастью. Виднѣлась церковь съ колокольною, ряды зданій, выше и ниже по утесу горы. На самой вершинѣ горы виднѣлась каменная ограда, за которой (какъ послѣ сказали намъ побывавшіе тамъ наши спутники) заложена церковь. Въ монастырскомъ саду, гдѣ мы остались, протекалъ хорошій источникъ, орошая садъ съ массою банановъ, виноградниковъ и фруктовыхъ деревьевъ. Монахъ-садовникъ угостилъ насъ бананами и свѣжими огурцами. Черезъ нѣсколько времени изъ монастыря сошелъ игуменъ о. Авраамій,—строитель монастыря сего, и принесъ въ корзинкѣ угощенія—пива и краснаго вина. Поздоровался съ нами, поцѣловавъ наши руки, ибо узналъ, что мы епископы, и высказалъ сожалѣніе, что мы не удостоили своимъ посѣщеніемъ его монастырь. Пожалѣли и мы, ибо оказалось, что восходъ туда болѣе легкій, чѣмъ уже пройденный нами: дорожки проложены зигзагами, имѣются и лавочки для отдыха. Угостилъ насъ о. Авраамій брынзой (овечьимъ сыромъ) и огурцами. Онъ грекъ, но говорить и по-русски.

Съ арабами онъ живетъ хорошо, дарить ихъ и угощаетъ, и они за дешевую цѣну отвели ему большой участокъ—подъ садъ и посѣвъ.

Когда сошли съ горы наши спутники и немного отдохнули въ саду, мы спустились къ источнику Елисея пророка и поѣхали по весьма неудобной каменистой дорогѣ въ гору; лошади съ трудомъ тащили повозки, пришлось сойти и идти пѣшкомъ.

Оказалось, что Абрамъ захотѣлъ сократить путь и кстати зайти въ монастырь Георгія Хозевита.

Рѣзко побранили его за эту дорогу Михаилъ Михайловичъ и, въ особенности, Иванъ Николаевичъ. Но дѣлать было нечего. Солнце пекло очень сильно и это восхождение показалось намъ труднѣе чѣмъ на 40-дневную гору. Усталые, мы отказались зайти въ монастырь Георгія Хозевита, прильпившійся гдѣ-то въ ущельѣ, среди горъ, но съ сильнымъ источникомъ, который мы видѣли и переѣзжали въ Іерихонѣ. Взобравшись съ трудомъ на гору мы сѣли на экипажи и проѣхали до гостинницы „добраго самарянина“, гдѣ покормили лошадей и сами закусили и въ 7 съ половиною часовъ вечера благополучно возвратились въ Іерусалимъ.

13 апрѣля, Өмино Воскресенье.

Стояли за литургіей—служившейся въ кувукліи. Служилъ патріарха—архіепископъ Мелетій Іорданскій. Насъ поставили около кресла его, съ правой стороны, ближе къ входнымъ дверямъ Воскресенскаго храма; здѣсь и облачали его. Что пѣли—мы не узнали. По входѣ съ Евангеліемъ—обошли около кувукліи—духовенство и архіепископъ взошли въ часовню (кувуклія) и стали около престола, которымъ служить часть камня, отваленнаго ангеломъ отъ гроба, обложенная мраморомъ; жертвенникомъ же служить Гробъ Господень. На чтеніе апостола и Евангелія архіепископъ (съ сослужащими) вышелъ и сѣлъ на кресло, гдѣ облачался. Апостолъ по-гречески читалъ монахъ или пѣвецъ изъ хора, а по-славянски—простой мужикъ въ пиджакѣ—неважно. Евангеліе по-гречески читалъ діаконъ, а также діаконы читали и по-славянски и по-арабски. Діакона (ихъ служило 4) кадятъ и сказываютъ ектеніи съ трикиріями и дикиріями въ рукахъ.

Нѣкоторыя ектеніи сказывали по-русски и хоръ пѣлъ также, подражая русскимъ, трехголосно. Сами греки обычно поютъ въ унисонъ, но коегдѣ замѣтно вліяніе и русскаго трехголосія.

Во время причастнаго стиха намъ предложили приложиться ко Гробу Господню. Мы вошли и усердно помолились за живыхъ и усопшихъ братій своихъ (я прочелъ записки, имѣющіяся у меня для проскомидій). За представлявшагося Онисима Михайловича Мальцева—положили 15 поклоновъ, по обычаю.

По литургіи архіепископъ Мелетій вошелъ въ большой олтарь храма Воскресенія (мы туда ушли послѣ поклоненія Гробу Господню) и пригласилъ насъ на чашку кофе.

Мы пошли за нимъ въ патріархію: впереди, за кавасами, шли младшее духовенство по обычаю, а во главѣ архіепископъ—въ мантии и панагії, потомъ мы. Въ патріархін, въ пріемномъ залѣ патріарха, все духовенство пило воду холодную съ глико и потомъ кофе.

Затѣмъ духовныя лица получили—одинъ по единому подходу—благословеніе, которое состояло въ томъ, что подходящій кланялся архіепископу, бралъ его руку и цѣловалъ (митрополиты руки не цѣловали) и въ ланиту другъ друга очень чинно, и ушли. Мы хотѣли послѣдовать за ними, но архіепископъ Мелетій задержалъ насъ. Побесѣдовали съ нимъ, рассказавъ—какія посѣтили священныя мѣста, и что всюду насъ хорошо принимали и мы благополучно путешествовали. Архіепископъ Мелетій сказалъ, что Богъ вамъ содѣйствуетъ, потому что вы не подзирать пріѣхали, а молиться. Мнѣ посовѣтовалъ—шутя—малую мантию, закапанную воскомъ во время торжествъ въ храмѣ,—положить на сохраненіе и заповѣдать положить въ ней по смерти.

Простившись—ушелъ. Мы намѣревались тоже уйти, но архимандритъ Каллистъ шепнулъ намъ, чтобы остались; къ намъ выйдетъ „его блаженство“ патріархъ, который не совсѣмъ здоровъ и никого не принимаетъ, но

намъ сдѣлаеть исключеніе. Мы остались. Минуть черезъ пять вышелъ патріархъ, съ лицомъ утомленнымъ. Поздоровался съ нами по обычаю—цѣлованіемъ въ уста. Сѣли—и опять угощеніе: вода съ глико, кофе. На нашъ вопросъ о здоровьи отвѣтилъ, что утомился: поклонники, а тутъ еще интриги житейскія и политическія. Мы спросили дѣйствительно ли въ Константинополѣ закрыты церкви въ патріархіи, какъ намъ сообщилъ слѣпецъ въ монастырѣ преподобнаго Герасима? Патріархъ отвѣтилъ, что въ Θεσσαλίи турки тѣснятъ и выселяютъ грековъ, которые вынуждены бѣжать оттуда. Нѣкоторые заявили жалобу вселенскому патріарху Герману и онъ, въ видѣ протеста за насиліе, закрылъ церкви въ патріархіи и не совершалъ торжественную вечерню на первый день, не было и приѣма. По нашей просьбѣ патріархъ назначилъ намъ время завтра въ 5 часовъ для бесѣды. Простившись съ его блаженствомъ мы ушли. Въ № у насъ былъ архимандритъ Пантелеймонъ, принесъ свое сочиненіе „Описаніе св. мѣстъ Палестины“. Просилъ рекомендовать оное въ Россіи. Передалъ, что русскій консулъ говорилъ патріарху, чтобы не разрѣшалъ намъ облачаться. Значить изъ Россіи и сюда „холодомъ вѣтъ“, хотя мы и не искали дозволенія облачаться. Разказалъ это о. Пантелеймонъ на наши слова, что мы вездѣ встрѣчаемъ любезное отношеніе къ себѣ отъ греческаго духовенства; только русское и здѣсь враждебно относится къ намъ: ни одинъ и не похристосовался съ нами.

О. Пантелеймонъ еще сообщилъ намъ сенсаціонное извѣстіе, будто Константинопольскій патріархъ Константинъ,—предшественникъ нынѣшняго, пострадалъ изъ-за того, что въ Синодѣ высказался за признаніе нашей іерархіи и что старообрядцевъ въ Россіи 25 милліоновъ. За это, по настоянію Русскаго правительства, былъ смѣщенъ. Объ этомъ, будто, даже писалось въ ихъ, греческихъ, журналахъ и газетахъ.—Если это правда, то очень некрасивая для русскаго Синода исторія... Вотъ какъ боятся нашей іерархіи.

Въ 4 часа мы пошли съ Екатериной Максимовной на крестины къ ея земляку Стефану Захаровичу въ домъ. Крестили его дочь новорожденную.

Крещеніе происходило въ залѣ, гдѣ не было ни одной иконы. Постелили бѣлое полотно на полъ и поставили купель, подобно нашей. Влили 3 кувшина воды холодной и одинъ горячей. Поставили 3 свѣщи въ спичечницу, на столѣикъ. Священникъ-грекъ мірской (единственный на весь Іерусалимъ) пришелъ съ сынишкой, который несъ потребникъ, а самъ—узелъ съ облаченіемъ. Надѣлъ епитрахиль безъ поручей и засучивъ рукава рясы смѣшалъ воду рукой. Осѣнивъ рукой крестообразно (сначала безъ перстосложенія, а заканчивая крестъ сложилъ именовсловно, какъ и проч. дѣлали: патріархъ, митрополиты и архимандриты благословляя на „миръ всѣмъ“ народъ) началъ читать молитвы. Восприемникъ былъ братъ Степана Захарыча, который и держалъ младенца на одѣялѣ на рукахъ, въ коихъ было по большой свѣщѣ съ лентами. Дали и намъ по свѣщѣ и другимъ зрителямъ—взрослымъ и дѣтямъ, коихъ набралось полноъ домъ. Послѣ

молитвъ и отрицанія на западъ и обращенія на востокъ, кумъ читалъ „Вѣрую“, но путался, и поэтому послѣдніе два раза символъ прочла за него Екатерина Максимовна. Потомъ еще подлили воды. Священникъ облачился въ фелонь,—безъ обшивки позументомъ и безъ пуговицъ. Покадилъ кругомъ купели и народъ,—насъ особо каждого.

Свѣщами не осѣнялъ воду; нѣкоторыя прошенія ектеніи говорилъ по-славянски. Болгары, гости, съ Екатериной Максимовной отпѣвали: „Господи помилуй“ и „киріе елейсонъ“. Масло было приготовлено въ стаканчикѣ. Помазывалъ перстомъ, омакая его въ стаканчикъ и дѣлая маленькій крестъ, очень скоро. Оставшееся—вылилъ въ купель.

Закинувъ полы ризы на спину, гдѣ ему ее зашили, взялъ младенца и трижды погрузилъ, не поворачивая, а только выжидая, когда отдышится младенецъ. Зрители на всякое произнесеніе имени святой Троицы и погруженіе говорили „аминь“. А къ послѣдному даже трижды: „аминь, аминь, аминь“. Мвромъ помазывалъ также перстомъ и на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и масломъ. Помазывалъ и подошвы ногъ. Апостолъ читалъ самъ, ибо не было умѣющихъ по-гречески.

Около купели водилъ трижды противъ солнца, съ пѣніемъ болгаръ: „Елицы во Христа“. Усердиѣ всѣхъ и складнѣе пѣла опять Екатерина Максимовна. По помазаніи мвромъ ушли одѣвать младенца въ другую комнату, гдѣ постригъ и власы, на что Екатерина Максимовна замѣтила, что здѣсь надо бы, чтобы мы могли видѣть. Когда кумъ съ младенцемъ вошли опять, кто-то (я не замѣтилъ кто именно) осыпалъ младенца и насъ мелкими монетами и монпансѣе. Дѣти бросились подбирать то и др. Взяли и мы, по предложенію Екатерины Максимовны, на память.

На память же раздавались жетончики съ ленточкой, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Рождества Христова, на другой—Крещенія. Послѣ было подано угощеніе по восточному обычаю. Дольше мы не могли оставаться и поблагодаривъ хозяина и простившись съ гостями (съ нѣкоторыми обмѣнялись визитными карточками), ушли въ № къ себѣ.

Еще до совершенія чина крещенія, дожидаясь священника, мы поинтересовались о количествѣ воспріемниковъ, допускаемыхъ у нихъ при крещеніи. Они объяснили, что безразлично: воспринимаютъ и одинъ и два;—одинъ мужчина—чаще, одна женщина—рѣже. Еще рѣже бываетъ пара воспріемниковъ.

Воспринимающіе—будетъ ли то мужчина или женщина, входятъ въ духовное родство съ воспринятымъ, какого бы пола онъ ни былъ. Они очень удивились, когда мы сказали, что въ русской церкви въ родство входятъ только кумъ съ крестникомъ и его матерью или кума съ крестницей и ея отцомъ. Эти только лица и не могутъ брачиться. Кумъ же, воспринимавшій дѣвочку, можетъ впослѣдствіи взять эту свою крестницу въ замужество, а также крестникъ можетъ вступить въ бракъ съ своей крестной матерью.

Да, забылъ я сказать, что священникъ послѣ помазанія муромъ умылъ руки съ мыломъ, а также и кумъ.

Идя на крестины, Екатерина Максимовна показывала намъ мѣсто продающееся противъ дома Степана Захарыча, большое. Цѣна до 10 золотыхъ за сажень. Но иностранцамъ не дозволяется покупать.

14 апрѣля, понедѣльникъ Ёминой.

Въ 8 часовъ утра мы съ о. Каллистомъ заходили въ контору Кука—справиться о стоимости кругового билета—отъ Кайфы въ Москву, черезъ Александрію, Бари, Римъ, Неаполь, Венецію, Триестъ и Вѣну.

Сосчитали, что во 2-мъ классѣ стоитъ 440 франковъ до Вѣны, а до Москвы 530 франковъ съ человѣка. Затѣмъ мы взяли карету и трое (епископъ Мелетій, я и о. Каллистъ) проѣхали въ Крестный монастырь, за горой близъ Іерусалима. Путь около стѣны Іерусалимской: дорога, ближе къ монастырю каменистая, плохо расчищенная. Въ этомъ монастырѣ ранѣе была греческая семинарія, но по недостатку средствъ и по другимъ причинамъ закрыта и переведена въ другое мѣсто. Основанъ монастырь грузинами въ XI вѣкѣ. Обнесенъ стѣной каменной, какъ крѣпость. Игуменъ встрѣтился намъ,—ѣхалъ на осликѣ съ узломъ въ рукахъ въ городъ, но ради насъ возвратился; имя его Елевферій. У него горло болитъ и онъ страшно кашляетъ, говорить съ трудомъ. Осмотрѣли церковь. Порядочная. Хорошо сохранились фрески, въ особенности хороши на столбахъ иконостаса, между дверей,—Спаситель во весь ростъ, больше обыкновеннаго, съ правильнымъ двуперстнымъ сложеніемъ, и Владычица такого же размѣра, на другой сторонѣ иконостаса. На столбахъ въ церкви фрески съ изображеніемъ святителей: Николы, Кирилла Александрійскаго и другихъ—съ двуперстіемъ. Есть и съ именословнымъ, но поправленные и вновь переписанные *). На правой стѣнѣ развѣшаны „праздники“, вершковъ 6—7, русскаго древняго письма.

Въ иконостасѣ Спаситель—тоже. Въ нижней церкви показываютъ мѣсто (углубленіе), гдѣ, по преданію, изросло дерево, изъ коего сдѣланъ былъ крестъ Спасителю (куда, по легендѣ и разсказу Абрама-проводника, Лотъ носилъ волю съ Іордана для поливки сухого дерева. Спросить игумена объ этой легендѣ мы забыли). Игуменъ пригласилъ насъ къ себѣ въ приемъ

) Мозаики и фрески Крестнаго монастыря, основаннаго Грузинами въ XI вѣкѣ, какъ и многіе другіе, видѣнные нами на Востокѣ, съ правильнымъ двуперстнымъ сложеніемъ, ясно доказываютъ, что въ древности на Востокѣ—въ Палестинѣ, Греціи, Египтѣ, Грузіи,—христіане употребляли одно престосложеніе, какъ для благословенія, такъ и для огражденія себя, двуперстное (Ср. Пидалионъ, стр. 259). Это перстосложеніе и принято было русскими отъ грековъ при крещеніи. И только гораздо позднѣе, приблизительно около времени Стоглаваго Собора, стало появляться такъ называемое именословное, что—по мнѣнію профессора Н. Ф. Каптерева—и побудило Отцовъ Церкви изнести такую клятву: „аще кто двѣма персты не благословляетъ, якоже Христосъ, или не воображаетъ крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ“ (Стоглавъ, гл. 31).

ную и угостилъ по обычаю водой съ глико и кофе. Простившись, мы поѣхали изъ монастыря по той же дорогѣ въ монастырь Катамони (уединеніе), гдѣ патріаршая дача. Ѣхать пришлось кругомъ горы, ибо проѣзда прямо нѣтъ, но пѣшкомъ можно пройти.

Проѣзжая сюда, мы видѣли много новыхъ загороженныхъ мѣстъ и построекъ. Здѣсь на землю цѣны не высоки (6—7 р. сажень), но нужно много труда, чтобы очистить мѣсто отъ камней.

Монастырь Катамонъ новый, а также и церковь и пещера, выдаваемая за пещеру Симеона Богопріимца. Игумень—глубокій старикъ—Евсевій. Прислуга—негрятанка, старуха. Угощеніе обычное. Возвратились домой въ 12 часовъ дня.

Въ 3 часа былъ Николай Романычъ,—изъ Палестинскаго о-ва,—совѣтовалъ ѣхать на лошадахъ до Наблуса; тамъ, верстахъ въ 20, открылась желѣзная дорога до Тиверіады.

Утромъ отдали Быстрову визировать паспорта у русскаго консула. Послѣ говорить, будто это не обязательно для не „паломниковъ“, но другіе насъ предупреждали о необходимости сего, иначе взыщутъ большой штрафъ.

Къ 5-ти часамъ пошли въ патріархію, какъ намъ было назначено патріархомъ. Сначала пришли въ комнату о. Каллиста (секретарь патріарха), ибо патріархъ былъ занятъ. Здѣсь насъ угостили по обычаю и побесѣдовали около часу. Поговорили о прежнихъ притѣсненіяхъ въ Россіи старообрядцевъ не только въ совершеніи богослуженія, внѣ молитвенныхъ домовъ, но даже и въ одеждѣ и въ волосахъ: какъ духовныхъ лицъ старообрядцевъ раздѣвали и одѣвали въ пальто, остригали волосы, архіереи сидѣли десятками лѣтъ въ казематахъ Суздальскаго монастыря. Объ этомъ о. Каллистъ, будто, не слыхалъ и очень удивлялся. Послѣ дарованія Государемъ Николаемъ Александровичемъ свободы вѣроисповѣданія и отпечатанія алтарей Рогожскаго кладбища старообрядцы вздохнули свободнѣе. Въ настоящее время, рассказывали мы, совершаемъ крестные ходы, строимъ храмы. Но окончательно свобода эта не закрѣплена еще законодательными палатами и не стала закономъ. Отсюда частичныя, по мѣстамъ, притѣсненія и лишенія дарованнаго права.

(Мы тогда еще не знали о новомъ выступленіи Синода, по отзыву коего старообрядцы были одно время лишены права производства въ офицеры).

Но вообще и современное духовенство еще враждебно относится къ старообрядцамъ: по настоянію его издаются циркуляры, по коимъ преслѣдуютъ судомъ нашихъ священниковъ за присоединеніе не достигшихъ 21 года и за совершеніе таинства надъ таковыми.

Говорили, что миссіонеры распустили молву, что греки крестятъ обливательно и что такъ крещенъ былъ и митрополитъ Амвросій; слѣдовательно, іерархія „бѣлокриницкая“ отъ обливанца и недѣйствительна. Это дѣлается, чтобы удержать безпоповцевъ и бѣглопоповцевъ отъ примѣренія съ нами. Лучше, по мнѣнію миссіонеровъ и духовенства Г. Ц., пусть они остаются внѣ церкви, въ настоящемъ положеніи, но не присоединяются къ

„австрійцамъ“. Безпоповцы же признають царствованіе въ мірѣ антихриста, который истребилъ таинства—священства и причащенія нѣтъ на землѣ. Говорили объ ихъ чинопріемѣ—всѣхъ перекрещивать. Наша же церковь только довершаетъ ихъ 3-хпогружательное крещеніе всѣмъ тѣмъ, что не могъ и не имѣлъ права совершать мірянинъ. Бѣглопоповцы нашихъ постановили принимать черезъ новое крещеніе, мотивируя это тѣмъ, что-де митрополитъ Амвросій крещень поливательно, и, слѣдовательно, всѣ „бѣлокриничные“ не только не имѣютъ священства, но и крещенія. О. Каллисть знакомъ съ исторіей Субботина и вообще съ исторіей митрополита Амвросія. Лично знакомъ съ Н. Н. Дурново и съ Н. О. Каптеревымъ; слушалъ профессора Голубинскаго. Я обѣщалъ ему выслать „Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку“ (у него кто-то зачиталъ) и о „Суздальскихъ страдальцахъ“.

О. Каллисть хорошо знаетъ каноны и исторію церкви и на основаніи этого, съ своей стороны, признаетъ дѣйствительною нашу іерархію. Приводилъ въ подтвержденіе сего правила о Новатіанахъ и Донатистахъ. Знаетъ и брошюру о „Схизматикахъ“ и согласенъ съ выводами ея автора—преосвященнаго Василя, митрополита Смирнскаго.

Въ 6 часовъ принялъ насъ патріархъ Даміанъ.

То же угощеніе по обычаю. Разсказали ему, какія мы посѣтили мѣста и что намѣрены ѣхать въ Назаретъ, но затрудняетъ насъ багажъ. Его блаженство давалъ совѣтъ ѣхать на лошадяхъ на Наблусъ, чтобы посѣтить Сихемъ и колодезь самарянки; багажъ же можно перенести къ нему въ патріархію и онъ отправитъ его въ Яффу, если мы не намѣрены возвращаться въ Іерусалимъ. Хлопаньемъ въ ладоши онъ вызвалъ іеромонаха, который только что возвратился съ паломниками изъ Назарета по этой дорогѣ и разспрашивалъ, какова дорога и какъ намъ лучше ѣхать? Если же мы рѣшимся поѣхать моремъ, черезъ Яффу до Кайфы, то совѣтовалъ ѣхать изъ Кайфы на лошадяхъ до Назарета, оттуда посѣтить Фаворъ и затѣмъ, возвратившись въ Назаретъ, на лошадяхъ доѣхать до Тиверіады, туда дорога будетъ „подъ горку, подъ горку, и будетъ хорошо“. При этомъ ударялъ руку объ руку—какъ хорошо! Въ Назаретъ обѣщалъ дать телеграмму. Мы поблагодарили его блаженство и перешли къ вопросамъ, насъ болѣе всего интересующимъ, а именно: какъ смотритъ греческая церковь и лично онъ на нашу іерархію? Онъ высказалъ, что исторія показываетъ и правила подтверждаютъ, что когда мелетіане—весь народъ—примирились съ церковью, то бывшіе у нихъ епископы, священники и діаконы были оставлены въ своихъ санахъ безъ новаго рукоположенія. Такъ же и при иконоборцахъ. При этомъ высказалъ пожеланіе, чтобы мы старались о примиреніи; о старообрядцахъ онъ слышалъ одно только хорошее,—что догматы у насъ содержатся одни и тѣ же, а обычаи всегда были въ разныхъ церквахъ—разные. Эти раздоры ослабляютъ русскую церковь. Слѣдуетъ составить Соборъ и сдѣлать взаимныя уступки. Мы поблагодарили его блаженство и высказали

пожеланіе, чтобы, если состоится Соборъ, былъ бы приглашенъ на оный и его блаженство и высказалъ свой безпристрастный взглядъ на старообрядчество и на нашу іерархію. Приглашали мы его въ Россію и на Рогожское кладбище въ Москвѣ. Его блаженство отвѣтилъ, что это трудно исполнимо при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Обѣщалъ изготовить и прислать намъ рекомендательныя письма въ Галилею къ митрополиту Назаретскому и настоятелямъ монастырей. Поблагодаривъ его за такое любвеобильное къ намъ отношеніе, мы пожелали его блаженству здоровья и еще много лѣтъ управлять Іерусалимской патріархіей, распростились цѣлованіемъ въ уста трижды и ушли въ свой №. Съ вечера собрали багажъ.

15-го апрѣля, вторникъ.

Абрамъ приводилъ извозчиковъ, съ которыми о. Діонисій и Сампсонъ Ивановичъ уговорились было по 15 рублей съ человека свозить въ Назаретъ, въ Тиверіаду и обратно — въ Іерусалимъ. Но посмотрѣвъ нашъ багажъ, извозчики отказались везти, дорога, говорятъ, гористая. И тогда мы рѣшили ѣхать по желѣзной дорогѣ — въ Яффу. Расплатились за № (по 3 рубля сутки), за разбитые мною нечаянно тазъ и кувшинъ (9 руб. 50 коп.) и за самоваръ по 15 коп., всего — 51 р. 50 коп. Мы немного огорчились такой расцѣнкой, а въ особенности за разбитое. Возмущалась и Прасковья Θεодоровна. Но дѣлать было нечего. Уплатили. Дали за труды горничной 3 р. Прасковья Θεодоровна затруднилась давать, боясь обидѣть ее.

Пришелъ архимандритъ Каллистъ съ подарками отъ патріарха; они были запакованы (посмотрѣли мы ихъ уже въ Яффѣ; оказалось: два альбома видовъ Палестины съ цвѣтами и съ надписью за подписью патріарха: „епископу Александру и Мелетію“, и малые альбомы нашимъ спутникамъ) и два пакета съ рекомендательными письмами въ Галилею, какъ обѣщалъ его блаженство. О. Каллистъ отъ себя подарилъ намъ свой трудъ: „Номоканонъ Фотія“. О. Каллистъ, по порученію патріарха, спрашивалъ о разницѣ между нами съ церковью господствующей. Мы кратко высказали, что двѣ главныя: 1-е — клятвы на древніе преданія и обряды и 2-е, что во главѣ русской господствующей церкви стоитъ не патріархъ съ Соборомъ, а Синодъ во главѣ съ міряниномъ — оберъ-прокуроромъ. Клятвы, собственно, насъ не касаются; мы признаемъ ихъ лежащими на произнесшихъ оныя и на ихъ послѣдователяхъ, ибо неправедная клятва возвращается на главу проклинателей. Тяготятся этими клятвами единовѣрцы, почему неоднократно ходатайствовали о снятіи ихъ на Соборѣ съ участіемъ восточныхъ патріарховъ. У насъ же дѣла Церкви рѣшаются на освященныхъ соборахъ, съ участіемъ не только духовенства, но и представителей мірянъ, избираемыхъ на епархіальныхъ съѣздахъ. У насъ „выборное начало“, — лица духовныя, начиная съ епископовъ и кончая діаконами, — избираются народомъ, совмѣстно съ епископами и прочими духовными лицами. Къ тому же въ Г. Ц. практикуется по мѣстамъ поливательное крещеніе; издана даже книга Синодомъ, оправдующая поливательное и кропительное крещеніе; мы же крестимъ обяза-

тельно въ три погруженія, и крещеныхъ поливательно перекрещиваемъ, тогда какъ Г. Ц. католиковъ принимаетъ безъ перекрещиванія и ксендзовъ ихъ—безъ новаго рукоположенія. На нашъ вопросъ: „какъ крестятъ греки?“ о. Каллисть отвѣтилъ: „обязательно 3-хпогружательно; Латинъ, крещеныхъ поливательно или кропительно, перекрещиваемъ; но рукоположеніе ихъ признаемъ за дѣйствительное и ксендзовъ не перекрещиваемъ. О нашей іерархіи о. Каллисть высказался такъ же, какъ и патріархъ, что митрополитъ Амвросій былъ не запрещенъ и поэтому рукоположенные имъ должны быть признаны въ своихъ санахъ,—какъ дѣйствительные епископы, священники и діаконы,—какъ приняты были въ своихъ санахъ рукоположенные въ обществахъ мелетіанъ и иконоборцевъ. Мы замѣтили, что Г. Ц. смотритъ иначе и не признаетъ за нами священной хиротоніи, жестоко преслѣдовала первыхъ нашихъ епископовъ—какъ самозванцевъ, десятками лѣтъ томя нѣкихъ въ казематахъ, какъ, напримѣръ: архіепископа Аркадія—27 лѣтъ, епископа Конона—24 года и епископа Геннадія—17 лѣтъ; а нѣкоторые такъ и скончались въ Суздальской крѣпости. О. Каллисть объ этихъ страдальцахъ будто бы и не зналъ. Не знаетъ и осуществованія книги „О поливательномъ крещеніи“. Мы обѣщали ему выслать эту книгу, а также о Суздальскихъ страдальцахъ.

Простившись съ о. Каллистомъ (онъ, какъ и другія лица, при этомъ цѣловалъ у насъ руки, хотя мы и не благословляли его, а просто, здороваясь и прощаясь, подавали руку), мы прошли въ послѣдній разъ въ храмъ Воскресенія. Помолились у гроба Господня, а также на Голгоѣ за всѣхъ присныхъ, мысленно молясь Господу, сподобить насъ и еще посѣтить эти священные мѣста и видѣть св. градъ во власти христіанъ. Зашли въ контору къ о. Евѣимію—настоятелю храма Воскресенія. Получили и отъ него альбомы, иконки и пояски. Приложились къ частицамъ святыхъ мощей, части креста Господня, св. иконамъ древнимъ, что все хранится въ особой комнатѣ. И поблагодаривъ о. Евѣиміа и всѣхъ бывшихъ здѣсь духовныхъ за ихъ любезное къ намъ отношеніе, со слезами вышли изъ храма, помышляя: приведетъ ли Богъ еще быть на этомъ святомъ мѣстѣ,—помолиться и поклониться здѣшнимъ святынямъ, освященнымъ Богочеловѣкомъ, насъ ради пострадавшимъ здѣсь и со славою воскресшимъ.

Въ 12 часовъ (15 апрѣля) распростившись съ любезной старушкой Прасковьей Θεодоровной и ея прислугой, любовно цѣловавшей наши руки,—мы вышли изъ № и проѣхали на вокзалъ. Здѣсь, благодаря болгаркѣ Екатеринѣ Максимовѣ, были проведены въ салонъ, гдѣ и дожидались отправления поѣзда, познакомившись съ начальникомъ станціи. Въ 2 часа съ четвертью тронулись мы изъ Іерусалима, не отрывая глазъ отъ него и его окрестностей, желая все это запечатлѣть въ своей памяти...

Екатерина Максимовна со своими земляками спѣла „Христосъ воскресъ“, а за ними и мы спѣли тоже. Она ѣхала встрѣчать своихъ болгаръ-паломниковъ—человѣкъ 40, ѣдущихъ изъ Болгаріи на поклоненіе св. мѣстамъ. На

одной изъ остановокъ встрѣтился поѣздъ съ болгарами, которые съ нашими спутниками болгарами—во главѣ съ Екатериной Максимовной,—восторженно привѣтствовали другъ друга, забрасывая цвѣтами. Это было весьма трогательно видѣть. Екатерина Максимовна побѣжала повидаться съ ними и болѣе мы ея не видали; вѣроятно, уѣхала съ ними въ Іерусалимъ, гдѣ она припасала имъ помѣщеніе.

Въ поѣздѣ съ нами ѣхалъ молодой арабъ, везшій „св. огонь“ въ фонарѣ особаго устройства: въ немъ было четыре фитиля, какъ бы четыре лампадки, изъ которыхъ двѣ постоянно горѣли, а другія заправлялись. Когда нужно было заправить горѣвшія, зажигались эти, а первыя оправлялись. Нужно видѣть, съ какимъ тщаніемъ арабъ берегъ этотъ фонарь! Повѣсивъ его за полку (сѣтку), онъ оградилъ его платкомъ, чтобы какъ-нибудь вѣтеръ изъ окна не проникъ въ фонарь и не погасилъ огонь. При качкѣ вагона (путь узкоколейный, и при болѣе шибкомъ ходѣ вагонъ качается очень рѣзко, грозя разбиться о скалы, среди которыхъ несется), онъ старательно придерживаетъ фонарь руками, не давая ему биться о стѣнки.

Во все время пути до Яффы лицо его было серьезнымъ, ни разсѣянности, ни улыбки,—хотя сосѣдъ его, тоже молодой арабъ, подвыпившій, вѣроятно, на прощанье съ Іерусалимомъ, все время пѣлъ, играя перламутровыми четками, заговаривалъ съ хозяиномъ огня и смѣялся. Тотъ односложно отвѣчалъ ему, не мѣняя сосредоточенности лица и взора. Съ какою радостью, думалось, привезетъ онъ этотъ „св. огонь“ въ домъ, и какъ будутъ торжествовать и умиляться его домашніе, видя у себя тотъ „огонь“, который „съ неба шелъ на гробъ“ Господа, и какою благодарностію наполнятся ихъ сердца къ Господу, благоволившему ниспослать это вещественное утѣшеніе страждущему человѣчеству. Не думаю, чтобы кто изъ вѣрующихъ рѣшился назвать этого молодого араба огнепоклонникомъ.

Въ 5 съ половиной вечера мы благополучно пріѣхали въ Яффу и отправились прямо на пристань, такъ какъ намъ сказали, что есть пароходъ.

Но оказалось, что этотъ пароходъ идетъ прямымъ рейсомъ въ Варну, не заходя въ Кайфу. Пришлось остановиться въ русскомъ монастырѣ, переполненномъ возвращающимися на родину паломниками. Но благодаря русской женщиной прислуживающей при №№, мы помѣстились у ней кое-какъ и переночевали.

Сампсону Ивановичу съ о. Діонисіемъ пришлось спать на полу. Да и съ извозчикомъ и маклеромъ ему довелось много испортить крови: договорились везти за одну цѣну, а требуютъ въ полтора раза. И только угроза каваса свести въ полицію уняла разбушевавшихся арабовъ.

Посылали мы свои карточки настоятелю, но онъ никакъ не отзывался на нихъ: не повидался съ нами, не пригласилъ къ себѣ. Россія!..

16-го апрѣля, среда..

Утромъ пришелъ Иванъ Николаевичъ. Попивши чаю и закусивъ, мы прошли базаромъ въ городъ и, нанявъ карету за 60 коп., проѣхали въ рус-

скую духовную миссію,—за городомъ въ саду—на мѣстѣ, гдѣ была погребена умершая во 2-й разъ Тавифа, которую воскресилъ апостолъ Петръ. Садъ занимаетъ 8 десятинъ, съ роскошной растительностью: пальмы, апельсины, лимоны, гранаты, виноградъ и прочее. Мѣсто это приобрѣтено извѣстнымъ архимандритомъ Антоніномъ, который развелъ этотъ садъ, понастроилъ каменныхъ зданій для пріема паломниковъ, построилъ церковь съ высокой колокольной. Здѣсь мы познакомились съ іеромонахомъ Тихономъ (родомъ изъ Кишинева) и іеромонахомъ Сергіемъ—изъ Саратова (ставленникъ епископа Гермогена). Они пріѣхали изъ Іерусалима, провожая паломниковъ. Подъ громаднымъ орѣховымъ деревомъ (къ сожалѣнію,—засыхающимъ) на площадкѣ, выстланной плитами, мы обѣдали и ужинали приготовленными кушаньями въ здѣшней кухнѣ—салатъ, фасоль, каша.

За чаемъ тутъ же бесѣдовали о видѣнномъ и слышанномъ. Отцы іеромонахи очень враждебно настроены противъ грековъ въ Іерусалимѣ, которые не позволяютъ русскимъ служить для русскихъ паломниковъ литургіи и молебны на Голгоѣѣ и у гроба Господня. Говорили, что греки измыслили разрѣшительныя литургіи на Голгоѣѣ и всячески эксплуатируютъ русскихъ паломниковъ, а пономниці берутъ въ „герондиссы“. Каждый іеромонахъ, архимандритъ и даже митрополиты имѣютъ ихъ отъ 3-хъ до 6-ти. Совершенно постриженъ одинъ только патріархъ, другіе же, даже митрополиты, только рясофоры. Ѣдятъ мясо, монастыри всѣ на откупѣ: настоятели обязаны внести въ патріархію назначенное количество денегъ; неисправные изгоняются. Поэтому они и стараются всячески обобрать пономниковъ, а въ особенности женщинъ, „бабушекъ“, какъ греки называютъ ихъ, только бы узнать, что есть „деньжата“. О. Тихонъ при этомъ разсказалъ нѣсколько случаевъ съ хохлушками. Такъ, одинъ митрополитъ, зазвавъ къ себѣ хохлушекъ, у которыхъ, онъ узналъ, есть деньги, началъ ихъ всячески уговаривать и запугивать вѣчными муками, предлагая записывать и за здравіе и за упокой. Одна „бабушка“ дала изрядно изъ кисы, хранившейся въ пазухѣ. Но митрополитъ увидалъ, что у нея еще осталось рублей 100, и началъ приставать, чтобы еще жертвовала. Та отказала, такъ какъ она припасла это на обратную дорогу. Тотъ безъ церемоніи залѣзъ ей въ пазуху и вытащилъ деньги, а затѣмъ выпроводилъ. Но эту „бабушку“ кто-то научилъ и она пожаловалась русскому консулу, что-де „митрополія залѣзла къ ней въ пазуху и вынула послѣднія деньги и ей не на что уѣхать на родину“. Консулъ написалъ записку этой „митрополіи“ и деньги были съ бранью возвращены. О. Сергій поразсказалъ еще болѣе грязныя дѣла въ самомъ храмѣ Воскресенія и въ его пристройкахъ, гдѣ проживаютъ іеромонахи, о чемъ неудобъ глаголати... Говорили, что арабы крестятся по нѣскольку разъ—изъ-за богатыхъ подарковъ отъ воспріемниковъ. И это все творится на глазахъ патріарха и ему извѣстно. Плохо греческія власти смотрятъ и на чинность богослуженія, и на обряды: въ алтарь царскими дверьми ходятъ всѣ, не исключая и женщинъ (послѣднихъ мы не видали). Самъ патріархъ ихъ (рус-

скому) миссіонеру съ сердцемъ высказалъ: „Что вы дѣлитесь со старообрядчествомъ изъ за мелочей! Какими перстами креститься и благословлять (по его) все равно—тремя ли, двумя ли или и всѣми перстами креститься“.

Изъ этого мы поняли, что русскій миссіонеръ и здѣсь передъ патріархомъ старался выставить насъ чуть не еретиками, чтобы возстановить его противъ насъ. Но былъ рѣзко остановленъ.

Посѣтили мы мѣсто (пещеру) погребенія праведныя Тавифы (ничего нѣтъ кромѣ пещеры); церковь новую, порядочно расписанную, съ хорами съ трехъ сторонъ; восходили на колокольню (я только на одинъ этажъ), откуда открывается чудный видъ на Яффу, съ ея роскошными, цвѣтущими, со множествомъ пальмъ садами и на Средиземное море (подъ лѣстницей написалъ—„Богатенко“). Здѣсь мы съ епископомъ Мелетіемъ остались и ночевать, а о. Діонисій съ Сампсономъ Ивановичемъ уѣхали на подворье,—на берегу. Мы заняли № 8. № очень чисто содержимый, съ двумя кроватями съ пологамъ. Вечеромъ видѣлись съ управляющимъ Палестинскимъ обществомъ Павломъ Ивановичемъ Ряжскимъ въ его помѣщеніи, въ верхнемъ этажѣ. Онъ угощалъ насъ по-русски — чаемъ съ вареньемъ и съ печеньемъ.

Говорили о современныхъ политическихъ дѣлахъ. Онъ разсказалъ, что въ Константинополѣ греки сами закрыли церкви въ видѣ протеста. Турокъ подбиваетъ Германія, будто бы заключившая союзъ съ Японіей. На прощанье далъ намъ карточки къ завѣдующимъ подворьями въ Кайфѣ и Назаретѣ и расцѣловался съ нами.

Ночевали мы въ № очень спокойно.

17-го апрѣля, четвергъ.

Послѣ чая пріѣхалъ за нами Сампсонъ Ивановичъ, и въ 8 часовъ мы, простившись съ отцами уѣхали въ Георгіевское подворье. Понервничали—волненіе порядочное, пароходъ австрійскій—„Марія Терезія“. Билеты 2-го класса не дали, взяли 1-го, заплативъ съ продовольствіемъ (иначе не даютъ) по 21 франку до Кайфы. Заняли двѣ каюты; съ нами поѣхалъ и Иванъ Николаевичъ. Стояли долго; волненіе усилилось, но молодцы арабы хорошо справлялись на своихъ лодкахъ, за то и брали очень высокую цѣну за перевозку съ берега. И не было случая, чтобы какая-либо волна захлестнула въ лодку или они неудачно ссадили пассажира. Ловко ловили они моментъ, когда волна подбрасывала лодку къ трапу, подбрасывали и они пассажировъ—только ноги болтаются. Въ 7 часовъ вечера ушли изъ Яффы.

Чай и ужинъ прошелъ не безъ уколовъ со стороны нѣмцевъ-офиціантовъ, какъ будто не понимающихъ, что намъ нужно. Вмѣсто 5 приборовъ для чая, подали—два, а потомъ—6; вмѣсто кипятку указали на графинъ съ холодной водой. Пришлось пить по чашкѣ густѣйшаго чая. И за это все-таки взыскали 1 руб. 80 коп. И поругалъ же ихъ (конечно, по-русски), нашъ владыка—казакъ...

18-го апрѣля, пятница.

Утромъ, часовъ въ пять встали, у Кайфы. Волненіе небольшое,—скорѣе зыбь отъ вчерашняго. Съѣхали на берегъ съ человѣкомъ, служащимъ въ подворьѣ „Палестинскаго общества“, снесли и багажъ черезъ таможеню безъ осмотра. Но за это служащіе пришли въ подворье (недалеко отъ пристани) и попросили „бакшишъ“. Смотрительница—Екатерина Николаевна Какovina—приняла насъ любезно, угостила завтракомъ. При подворьѣ—садъ порядочный съ пальмами и кипарисовыми деревьями около стѣнъ; каменный домъ въ 2 этажа съ нѣсколькими №№.

При посредствѣ Екатерины Николаевны мы наняли „карассу“ за 25 фр. съ тройкой лошадей до Назарета и, оставивъ багажъ и грязное бѣлье для мытья, въ 10 часовъ выѣхали—5 человѣкъ, (Иванъ Николаевичъ, пятый, сидѣлъ съ кучеромъ арабомъ). Хотя изъ Кайфы есть ж. д. до Тиверіады, но Назаретъ находится въ сторонѣ отъ нея, и тамъ подводу найти труднѣе. Дорога изъ Кайфы сначала шла параллельно съ полотномъ ж. д.—равниной, засѣянной хлѣбомъ и вспахиваемой подъ посѣвы кабачковъ и др. растений. Горы, напоминающія наши Жигули, покрыты лѣсомъ, большею частію рожковыми, а мѣстами масличными деревьями. Поднялись въ гору и передъ нами открылась Ездрилонская долина, цвѣтушая и зеленѣющая своею богатою растительностью. При подъемѣ на гору мы догнали женщинъ и дѣвушекъ-арабовъ съ водоносами-мѣхами на плечахъ. Одна изъ дѣвушекъ-смуглянокъ, когда подруги ея сѣли отдыхать, прицѣпилась за нашу карасу и долго ѣхала съ нами, скаля бѣлые зубы съ нашимъ извозчикомъ. У нея на шеѣ, на рукахъ и даже на ногахъ была навѣшена масса украшеній изъ монетъ и браслетъ.

Въ 3 съ половиной часа мы пріѣхали въ Назаретъ, расположенный по склону высокихъ горъ, въ видѣ подковы-оггибающей городъ.

Остановились въ русскомъ подворьѣ Палестинскаго Общества, съ огромными—въ 2 и 3 этажа—домами. Сергѣй Сергѣевичъ Аверкіевъ, помощникъ инспектора, завѣдующій русскимъ училищемъ здѣсь, угостилъ насъ по-русски чаемъ и повелъ по мѣстамъ, отмѣченнымъ пребываніемъ здѣсь Спасителя и Богородицы.

Посѣтили мы католическій монастырь, гдѣ, по преданію, былъ домъ Іосифа Обручника и мѣсто Благовѣщенія. Надъ этимъ мѣстомъ построена церковь и подъ престоломъ, къ которому ведутъ двѣ боковыя мраморныя лѣстницы, сдѣлана арка, черезъ которую тоже по мраморнымъ ступенямъ спускаются въ комнату Благовѣщенія. Здѣсь монахи францисканскіе показываютъ мѣсто, гдѣ стояла Пресвятая Дѣва и гдѣ архангелъ Гавріиль благовѣствовалъ ей „радуйся“. Здѣсь имѣется висѣщая колонна, и кухня, гдѣ готовила кушанье Пресвятая Дѣва. И странное дѣло! Все это какъ-то воспринималось только слухомъ, но не доходило до ушей сердечныхъ и религіознаго чувства не возбуждало. Неужели потому, что это въ рукахъ католиковъ? Между тѣмъ монахъ, говорящій по-французски, приводилъ свидѣ-

тельства, что именно здѣсь было Благовѣщеніе. Показывалъ древнія стѣны, остатки церкви, построенной Еленой-царицей. Около церкви производятся раскопки и уже открыли древнія стѣны и алтарныя три абсиды. Отсюда прошли въ „мастерскую“ Іосифа Обручника, гдѣ (будто) онъ работалъ съ отрокомъ Іисусомъ. Имѣется здѣсь и картина такая. Рядомъ строится еще церковь; подъ нею находится какая-то пещера. Посѣтили церковь (тоже католическую)—мѣсто трапезы. Здѣсь имѣется огромный камень въ видѣ продолговатаго стола, за которымъ (будто) трапезовалъ Господь съ учениками. Зашли въ церковь Маронитовъ—предполагаемое мѣсто синагоги, въ которой отрокъ Іисусъ читалъ книгу Ісаи пророка. Древности—никакой, если не считать одной колонны, лежащей у стѣны въ храмѣ.

Отсюда прошли въ греческую церковь Благовѣщенія, построенную надъ источникомъ, единственнымъ въ Назаретѣ. Церковь небольшая, темная и содержится неряшливо. Когда мы вошли, служилась вечерня. На клиросѣ съ монахомъ (грекомъ) пѣли по-русски паломницы и читали. Въ сѣверной части церкви лѣстница, по которой мы спустились въ пещеру, подъ поломъ которой беретъ начало вышесказанный источникъ, проведенный отсюда трубами въ водоемъ, доставляющій воду всему Назарету. По древнему преданію, олицетворенному даже и въ иконописи, первое Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвы было на источникѣ, къ которому она пришла почерпнуть воду. А такъ какъ въ Назаретѣ одинъ только и есть именно этотъ источникъ, то нѣтъ сомнѣнія, что это и есть тотъ источникъ, гдѣ, по преданію, Богоотроковица впервые услышала радостную вѣсть, что изъ нея родится Спасъ міру—Іисусъ Христосъ. Въ пещерѣ, надъ источникомъ, устроенъ какъ бы колодезь, и мы умылись и испили священной воды, воды которую приходила почерпнуть Пресвятая Дѣва и которую пила она сама, пилъ 30 лѣтъ и Божественный Сынъ ея, Господь нашъ Іисусъ Христосъ. И вотъ, Онъ сподобилъ насъ пить эту воду и ходить по землѣ г. Назарета, гдѣ онъ жилъ 30 лѣтъ и гдѣ „походилъ нозѣ Его“. „Отъ Назарета можетъ ли что добро быть“, сказалъ Нафаниль. Но этотъ призраемый тогда городокъ сдѣлался „началомъ нашего спасенія“ и донынѣ прославляется какъ мѣсто Благовѣщенія и мѣсто жительства Іисуса Христа—„Іисуса Назарянина“, какъ въ насмѣшку называли Его іудеи. И поэтому, быть можетъ, въ Назаретѣ нѣтъ ни одного еврея, какъ объяснилъ намъ Сергѣй Сергѣевичъ.

Въ русскомъ подворьи насъ угостили хорошимъ ужиномъ. Ужинали съ нами Сергѣй Сергѣевичъ, двѣ учительницы русскія и одна арабка (Елена Георгіевна Фаражъ) и завѣдующая подворьемъ, Наталья Николаевна Бурыкина. На подворьи построены огромныя зданія—въ 2—3 этажа,—съ №№ и помѣщеніями для паломниковъ и для училища. Намъ отвели во 2-мъ этажѣ два хорошихъ №№, въ которыхъ мы и заночевали, условившись завтра—не позднѣе 7 часовъ—выѣхать на гору Фаворъ на осликахъ, принасти которыхъ съ проводниками общался Сергѣй Сергѣевичъ. Онъ совѣтовалъ было ѣхать верхомъ на лошадяхъ, но мы предпочли проѣхаться на осликахъ, что особенно интересно и у насъ въ Россіи недоступно.

19-го апрѣля, суббота.

Напившись чаю и закусивъ, мы вышли садиться на осликовъ, чтобы ѣхать на Өаворъ. Подали 5 осликовъ и лошадь. Я попробовалъ было ѣхать на лошади, но сѣвъ на нее, посмотрѣлъ на земь, подумавъ, что съ лошади дальше падать на землю, и потому рѣшилъ „возсѣсть на жребя осле“— въ первый разъ въ жизни. Нельзя сказать, что для меня это было удовольствіемъ, какъ для моихъ спутниковъ, ѣзжавшихъ верхомъ на лошадяхъ. Хотя на осликѣ было подобіе сѣдла, узды и стремянъ, но все это было сдѣлано такъ „легковѣсно“, что мнѣ, „тяжеловѣсу“, съ трудомъ удавалось сидѣть на осликѣ. Править же поводями узды было бесполезно: осликъ, какъ и всѣ ослы, былъ упрямъ и ни за что не хотѣлъ своротить въ ту сторону, на которую я направлялъ его за поводъ. И только ударъ рукою по шеѣ заставлялъ его поворотить. Стремена, сдѣланныя изъ веревочекъ и дощечекъ, часто выскакивали изъ-подъ моихъ ногъ. Выѣхали мы на пяти осликахъ, въ сопровожденіи погонщиковъ-арабовъ и араба-проводника, верхомъ на лошади. Поднялись въ гору, затѣмъ еще на гору, потомъ подъ гору. Ёзда на гору еще довольно сносна, только часто приходилось надвигаться ближе къ шеѣ ослика, при чемъ онъ недовольно кричалъ. Въ опасныхъ мѣстахъ погонщикъ поддерживалъ меня за спину и не отходилъ отъ меня. Но спускъ съ горы былъ труднѣе, того и гляди полетишь черезъ голову ослика, если онъ неожиданно вздумаетъ сорвать травку и наклонить голову. Благополучно спустившись въ долину и поднявшись на подошву горы, мы встрѣтили здѣсь—сошедшихъ съ горы—нашихъ прежнихъ, по Іерусалиму и Палестинѣ, спутниковъ: Михаила Михайловича, Василья Дмитріева съ женой Марьей Ивановной и Марьей Александровной—сестрой милосердія. Они пробираются уже на Тиверіадское море. Отдохнувши съ полчаса, мы возсѣли на своихъ осликовъ, мнѣ дали другого меньшаго, но болѣе шустрого,—и стали подниматься на гору Өаворскую. Путь идетъ по каменистой тропинкѣ, проложенной зигзагами: при каждомъ поворотѣ открываются все новые и чудные виды на долину Ездронскую, на Кармилскій хребетъ, гдѣ подъ горами чернѣются изрѣдка поселенія, а въ долинѣ—богатѣйшія нивы, зеленѣющія или распахиваемыя арабами, а по большей части евреями, во множествѣ скупающими здѣсь у арабовъ земли. Черезъ часъ (почти 50 минутъ) мы взобрались на вершину горы Өаворской. Для меня это нелегко было, но спутники мои все время распѣвали духовныя пѣснопѣнія, сидя на осликахъ. Только что мы показались изъ-подъ горы, монастырь встрѣтилъ насъ трезвономъ, а въ воротахъ—подъ колокольной—стоялъ самъ настоятель, архимандритъ Діодоръ, съ монахомъ. Монастырь обнесенъ каменной стѣной. Провели насъ въ церковь во имя Преображенія Господня. Церковь эта построена не болѣе 60-ти годовъ, на развалинахъ церкви, построенной царицей Еленой. Древности нѣтъ никакой, только въ олтарѣ остатокъ древней абсиды; показали намъ икону Преображенія, написанную довольно хорошо и обложенную рамкой съ надписью, что сію икону положилъ на память посѣщенія

горы Фаворской и монастыря великій князь Сергій Александровичъ (въ какомъ году, я запамятовалъ). Настоятель отворилъ для насъ царскія двери и предлагалъ облаченіе, чтобы сѣсть молебень. Мы отклонили это, а только сѣли среди церкви: „Пробразаю Воскресеніе Твое, Христе Спасе“, „величаніе“ и „застойникъ“. Посѣтили домъ двухъ этажный, съ №№ для паломниковъ; въ пріемной угостили насъ по-восточному—холодной водой (дождевой изъ цистерны) съ вареньемъ и кофе. Въ сопровожденіи настоятели мы прошли въ католическій монастырь, помѣщающійся рядомъ, за каменной стѣной. Въ храмъ не всходили, ибо тоже новый, а только осмотрѣли производимыя раскопки древней крѣпости временъ крестоносцевъ. Полюбовались на окрестности горъ, взобравшись на остатки крѣпостной стѣны Саладина. Чудный видъ на всѣ стороны: подъ ногами, сейчасъ у подошвы горы, селеніе, въ которомъ Ісусъ Христосъ, сошедши съ горы, исцѣлялъ бѣсноватаго; напротивъ же недалеко—у подошвы Кармилъскаго хребта—г. Нанізъ, гдѣ Господь воскресилъ сына вдовицы. Съ другой стороны подняла свою бѣлую голову, покрытую снѣгомъ, гора Ермонъ; виднѣется уголь и моря Тиверіадскаго и заіорданскія горы. Въ долину раскинулось нѣсколько колоній—поселковъ европейскихъ съ зеленѣющими полями. Возвратившись въ греческій монастырь, пообедали іорданской рыбой; отдохнули съ полчаса и, несмотря на палящій зной (былъ часъ третій), мы простились съ гостепріимными монахами (ихъ всего трое), отправились обратно, провожаемые колокольнымъ звономъ. По пути зашли въ пещеру Мельхиседека, гдѣ помѣщается маленькая церковь во имя его. Съ горы сошли пѣшими, ибо на осликахъ спускаться очень трудно и опасно; жара страшная: съ однимъ арабомъ, несмотря на привычку, сдѣлалось дурно. И я все время махалъ на себя шляпой, чтобы хоть немного охладить голову.

Отдохнувши внизу горы, мы возсѣли на осликовъ и безъ приключеній (если не считать того, что мой осликъ раза два было сбросилъ меня, опуская голову за былинкой) въ 5 часовъ вечера возвратились въ русское подворье.

Въ 7 часовъ посѣтили митрополита Фаворскаго Теофана. Онъ угостилъ насъ по обычаю глико съ водей и кофе; подарилъ по портрету съ собственноручною подписью. Побесѣдовали съ нимъ черезъ Сергѣя Сергѣевича. Онъ взялъ отпускъ и на-дняхъ ѣдетъ въ Европу—въ Вѣну, а можетъ быть, и въ Россію, заказывать себѣ ногу, вмѣсто отнятой при операціи. Мы приглашали его въ Москву посѣтить Рогожское кладбище, дали свои адреса. Прощаясь съ нами, митрополитъ расцѣловался. Поужинали мы въ подворьѣ въ компаніи Сергѣя Сергѣевича и учительницъ и поручили нанять намъ карассу въ Тиверіаду, чтобы часовъ въ 6 утра подалъ. При прощаніи обмѣнялись съ нашими любезными хозяевами визитными карточками.

20-го апрѣля, воскресенье.

Встали въ 6 часовъ, напились чаю и, простившись съ Сергѣемъ Сергѣевичемъ и Натальей Николаевной, въ 7 часовъ выѣхали изъ Назарета.

Поднявшись на гору, полюбовались красотой города: очень красивое мѣстоположеніе! Въ 9 съ половиной часовъ вѣхали въ Кану Галилейскую. Встрѣтили дѣти-арабы русскаго училища, съ пѣніемъ молитвъ. Одинъ съ иконкою на груди болѣе всѣхъ распѣвалъ по-русски: „Христосъ Воскресе“, „Отче нашъ“, „Богородице“ и др. Насъ называли—„братъ“ и предлагали свои работы: образчики водоносовъ, плуга, вышивки. Одѣты прилично, въ особенности дѣвочки, въ родѣ нашихъ крестьянокъ или мѣщанокъ. Зашли въ католическую церковь, куда привелъ насъ старшій ученикъ русской школы. Учитель католическій показывалъ намъ рѣдкости въ храмѣ: древніе остатки изъ раскопокъ.—здѣсь была древняя церковь: колонны, мозаическій полъ, капители, подобіе водоносовъ (шесть), въ коихъ Христосъ претворилъ воду въ вино; они похожи на современные, носимые женщинами на плечахъ и головахъ, но болѣе пузатые. Помѣщены въ стеклянномъ ящикѣ. Вездѣ чисто и въ порядкѣ; объясненія давалъ очень толково. Потомъ прошли въ греческую церковь, куда привелъ насъ мальчикъ, взявши меня за руку, называя „братъ“, а себя „кавасомъ“. Оказалось, что это сынъ греческаго священника. Церковь греческая очень бѣдная; показывалъ намъ архимандритъ Аркадій, бывшій въ одномъ подрясникѣ. Но узнавъ изъ нашихъ карточекъ, что мы епископы, сбѣгалъ въ квартиру, надѣлъ рясу, поцѣловалъ наши руки. Въ церкви у столбовъ, ближе къ стѣнамъ и клиросамъ, находятся два каменныхъ водоноса, якобы изъ тѣхъ шести, въ коихъ претворилъ Ісусъ Христосъ воду въ вино. Мы усумнились, чтобы такіе большіе и тяжелые могли быть „водоносами“—ихъ непосильно нести и двумъ человѣкамъ. Но архимандритъ Аркадій увѣрялъ, что именно о такихъ говорится и въ Евангеліи и прочиталъ въ немъ: „бяху же ту водоносы каменны шесть, лежаще по очищенію іудейску, вмѣстѣмъ по двѣма или тріемъ мѣрамъ“ (Іоанна зачало 6). Какія это мѣры—неизвѣстно, говорилъ о. Аркадій, но онѣ были каменные, а не глиняныя, какія показываютъ католики. „Водоносы“ эти, по объясненію о. Аркадія, употребляются у нихъ: одинъ для крещенія дѣтей, другой для водоосвященія. Угостившись у о. Аркадія по обычаю, съ добавленіемъ по малой рюмочкѣ вина (здѣсь въ церкви въ маленькихъ запечатанныхъ флакончикахъ продаютъ паломникамъ вино, въ воспоминаніе перваго претворенія воды въ вино), мы выѣхали изъ Каны, провожаемые дѣтьми. На полдорогѣ показалъ намъ возница (арабъ—по-русски не говорить) „гору блаженствъ“, о чемъ ему наказалъ Сергѣй Сергѣевичъ, говорящій и по-арабски. Гора не высока, но весьма соотвѣтствующая Евангельскому расказу: середина ея ровная („ста Ісусъ на мѣстѣ равнѣ“), а подъ нею амфитеатромъ поднимается подошва горы, гдѣ удобно и кругомъ возможно помѣститься „множеству людей“. По предложенію Ивана Николаевича, мы со слезами на глазахъ съ чувствомъ прощали блаженныхъ, съ принѣвомъ „помяни насъ Господи“. Чувствовалось, что мы находимся на томъ мѣстѣ, гдѣ Ісусъ Христосъ изрекъ вѣчные глаголы жизни: о блаженныхъ, о любви ко врагамъ и прочіе неслыханные отъ вѣка глаголы.

Неподалеку отсюда есть огороженное камнями мѣсто, занятое русскими, но построекъ нѣтъ. Проѣхавъ отсюда около получаса, возница показалъ намъ поле, усыянное большими камнями. Здѣсь, по преданію, Христосъ насытилъ 5-ю хлѣбами 5 тысячъ мужей. Мы слѣзли съ повозки и прошли сюда пѣшкомъ, мысленно возстановляя ту картину, когда 5000 людей рядами возсѣли здѣсь и апостолы разносили хлѣбы, умножающіеся въ ихъ рукахъ по благословенію Господа. И мы, по обычаю принятому у паломниковъ, съѣли по кусочку бѣлаго хлѣба на этомъ мѣстѣ и взяли землицы.

Въ 3 часа дня мы приѣхали въ Тиверіаду, городъ расположенный на самомъ берегу моря, и прошли въ домъ русской миссіи—проѣхать по улицамъ невозможно—такъ узки улицы! Иеромонахъ, о. Іоаннъ, далъ намъ №. Здѣсь оказались наши іеросалимскіе спутники, съ которыми мы разстались на Фаворѣ. Они собирались ѣхать въ мѣстечко Магдалы—родина Маріи Магдалины; пригласили и насъ. Попивши чаю и закусивъ на терраскѣ надъ „моремъ“, поѣхали въ лодкѣ по морю Тиверіадскому. Величина „моря“ такова: ширина отъ 5 до 8 верстъ и длина до 25. Напротивъ г. Тиверіады, на другомъ берегу, показываютъ „страну Гергесинскую“ и „Гадаринскую“: первая—гдѣ Спаситель исцѣлилъ бѣсноватаго и гдѣ стадо свиней, въ которое вошли бѣсы, утонуло. Берега гористые, кажутся совершенно голыми, выжженными... Интересно было видѣть съ лодки поселеніе Тиверіады: крайнія зданія его спускались прямо въ воду, а нѣкоторыя были построены даже въ водѣ съ какими-то галлереями, быть можетъ, для ввода лодокъ. Отъ стараго города, въ которомъ во времена Христа былъ замокъ Ирода, остались однѣ развалины, а также и отъ древней крѣпости. Но далѣе, къ Магдалѣ, встрѣчаются новыя постройки католическихъ благотворительныхъ учрежденій съ разведенными садами. По мѣстамъ, среди каменныхъ зданій, величаво поднимаютъ свои головы пальмы. Много виднѣтся зданій съ круглыми крышами,—это, оказывается, еврейскія синагоги, числомъ до 17, и магометанскія мечети съ минаретами. Горы со стороны Тиверіады очень высокія, каменистыя, надвинулись къ самому озеру. Мѣстами висятъ отвѣсными стѣнами. Черезъ часъ мы пристали къ Магдалѣ и вышли на берегъ. Никакихъ строеній здѣсь нѣтъ, а имѣется только садъ со сторожкой, прибрѣтенные русской миссіей. Въ саду хорошіе родники проведены въ каменные водоемы; по увѣренію о. Іоанна, вода въ нихъ минеральная, обладающая цѣлительными свойствами. Въ этихъ водоемахъ нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ искупались, но мы предпочли выкупаться въ водахъ самого Тиверіадскаго озера, освященнаго стопами Спасителя, ходившаго по водамъ симъ, укрощавшаго волны его, умножившаго здѣсь ловитву рыбъ и спасаго Петра утопающаго. Вода озера очень прозрачная: мельчайшіе камушки видны стоящему человѣку по поясъ въ водѣ; и мы набрали прямо со дна моря этихъ камушковъ на память. Дно моря усыяно камнями и съ трудомъ пришлось пройти разстояніе отъ берега до мѣста, гдѣ возможно было окунуться и поплавать. Зато съ какимъ удовольствіемъ погружались мы и плавали въ

священныхъ водахъ сихъ, гдѣ пребывалъ Ісусъ Христосъ съ своими апостолами, здѣсь призванными имъ на ловитву людей. Эти воды носили Его ходящаго по волнамъ ихъ; здѣсь Онъ, сидя въ кораблѣ Петра, училъ народъ, стоящій на берегу. И по своемъ тридневномъ Воскресеніи здѣсь же являлся Онъ апостоламъ, ловящимъ рыбу. Все это проносилось въ нашей памяти и мысленный взоръ нашъ видѣлъ Его, по водамъ ходящаго.

Подъ виноградными лозами и деревомъ, приносящимъ „акриды“, коими питался Предотека Іоаннъ, нашъ хозяинъ приготовилъ намъ трапезу изъ рыбъ — „яже яша нынѣ“ въ этомъ озерѣ. Послѣ чая мы отправились тѣмъ же путемъ въ Тиверіаду съ пѣніемъ пѣсней духовныхъ. Навстрѣчу попадались намъ лодки катающихся арабовъ, тоже съ пѣніемъ.

Поздно вечеромъ, сидя на балконѣ надъ моремъ, любясь южной ночью и луною, стоящей у насъ надъ главою, мы воспѣвали духовныя пѣснопѣнія подъ усиливающимся шумъ отъ прибоя волнъ. Интересное здѣсь явленіе: море тихое днемъ, по заходѣ солнца начинаетъ постепенно волноваться безъ замѣтнаго вѣтра. И волненіе это бываетъ довольно сильнымъ, какъ въ предыдущую ночь, о чемъ сообщили намъ наши спутники.

21-го апрѣля, понедѣльникъ.

Встали въ 5 часовъ утра, попили чаю и поѣхали на пароходикѣ винтовомъ, съ лодкой на буксирѣ, въ Капернаумъ,—17 человекъ, заплативъ по 2 франка съ человека. Проѣзжая по морю, мы разсуждали, гдѣ Ісусъ Христосъ проходилъ по его волнамъ и гдѣ апостолы хотѣли принять Его въ корабль, но тотчасъ корабль обрѣлся на берегу? О. Іоаннъ, указывая со середины моря на показавшіяся вдали „гору блаженствъ“ и мѣсто насыщенія 5-ю хлѣбами, говорилъ, что здѣсь должно полагать это мѣсто—„хожденія по водамъ“. По насыщеніи народа Онъ, какъ говорится въ Евангеліи, ушелъ „въ гору особъ помолитися“, а ученицы „поздѣ бывшу“ вошли въ корабль и поплыли въ Капернаумъ и, когда отошли стадій 20 или 30 (стадія—87 сажень), увидѣли Ісуса „по морю ходяща, и ужасошася“. Здѣсь Петръ, испросивъ повелѣніе Господа, пошелъ также по водамъ къ Ісусу, но убоявся вѣтра, началъ утонать, и Господь спасъ Его, взявъ за руку. Въ Капернаумъ и пристали они. Не безъ труда мы пристали къ берегу сему—было мелко. Берегъ здѣсь укрѣпленъ каменной стѣной. Неподалеку отъ берега католики-францисканцы производятъ раскопки на мѣстѣ бывшего Капернаума и увѣряютъ, что напали на развалины синагоги, временъ Христа. Богато изваянныя каменные колонны, капители и часть стѣнъ съ каменными же сидѣньями. Огромныя каменные глыбы, карнизы съ довольно хорошо сохранившейся рѣзбой. Надѣются года черезъ два восстановить эту синагогу въ первоначальномъ, по возможности и приблизительно, видѣ. Болѣе никакихъ пока остатковъ Капернаума не видать. Это все что осталось отъ города, „до небесъ вознесшагося“, и вотъ онъ, по предреченію Господа, „до ада низведенъ“ въ небытіе... Такая же участь постигла и Вивсаиду, „городъ Петровъ и Андреевъ“—почти никакихъ слѣдовъ и отъ него не осталось. Здѣсь разведенъ хорошій садъ и застраиваются новыя колоніи и какъ будто

мельница водяная,—съ горы течеть хорошій источникъ. Онъ пробился даже черезъ стѣны какого-то зданія и въ видѣ водопада падаетъ въ море. Мы проѣхали мимо и только съ пароходика поглядѣли на мѣсто города, родину апостоловъ, который постигло горе, о коемъ предсказалъ Спаситель: „Горе тебѣ, Хоразинъ, горе тебѣ Внесаидо“. Мѣсто Хоразина показываютъ далѣе отъ берега и отъ него тоже не осталось почти ничего. Виднѣются начатыя раскопки. Подивившись, съ какою точностію исполнились слова Спасителя надъ этими городами, мы повернули къ Тиверіадѣ, въ пѣснопѣніяхъ духовныхъ прославляя Господа. Спѣли ирмосы Богоявленію и другіе, „Море огустилъ еси“, „Яко воды морскія“ и прочее. Окинули взглядомъ опять показавшуюся вдали справа гору блаженствъ и мѣсто насыщенія 5-ю хлѣбами, и влѣво—страну Гадаринскую и страну Гергесинскую.

Обѣдали кушая рыбу, какую здѣсь ѣлъ и Спаситель съ учениками.

Въ 11 часовъ наши сожители по подворью въ Іерусалимѣ и по путешествію, Михаилъ Михайловъ и др., простились съ нами, обмѣнявшись визитными карточками, и поѣхали въ Назаретъ и въ Іерусалимъ. Вскорѣ и мы, простившись съ о. Іоанномъ, пошли на пароходную пристань, поплутавъ нѣсколько перепутанными узенькими улочками. Въ 2 часа пароходикъ нашъ отчалилъ, и мы, простившись съ Тиверіадой, прошли все „море“ до конца къ ж.-д. станціи. Съ парохода любовались огромными горами, надвинувшимися къ морю. На берегу виднѣются невзрачныя постройки богатѣйшихъ горячихъ источниковъ, грязно содержимыхъ, по словамъ бывшихъ въ нихъ, но чудодѣйственныхъ по качеству и круглый годъ открытыхъ. Ревматизмъ, самый застарѣлый, излѣчивается здѣсь очень скоро. Мы спрашивали, гдѣ развалины дворца Иродова? Намъ показали на кучи камней и оставшихся стѣнъ—и только.

По выходѣ съ парохода у Ивана Николаевича вытащили кошелекъ, въ которомъ было до 100 рубл. и мелочь. Вѣроятно, съ этою цѣлью—обобратить пассажировъ—грузчики боченковъ съ цементомъ упустили тачку, и она стремительно покатила по рельсамъ навстрѣчу выходящимъ съ парохода пассажирамъ, которые въ ужасѣ бросились обратно на пароходъ. Произошла свалка и въ это-то время и вытащили кошелекъ у нашего художника. Заявить было некому, никакого начальника и полицейскаго чина на пристани не было. Въ вагонѣ, впрочемъ, заявили о похищенномъ въ кошелькѣ пассаж. билетѣ, указали даже № билета, но изъ этого ничего не вышло. Дожидаясь поѣзда, мы вошли въ помѣщеніе вокзала и сѣли. Но скорѣ пришлось выйти, такъ какъ рестораторъ не позволяетъ занимать столы и быть въ помѣщеніи безъ спроса кофе или иного чего изъ буфета, и мы вышли на волю, несмотря на сильную жару. Иного помѣщенія не было. Хороши порядки!

Не безъ труда пришлось занять мѣсто въ вагонѣ, биткомъ набитомъ пассажирами—арабами и жидами. Въ 3 часа поѣздъ пошелъ съ Тиверіады (онъ идетъ съ Дамаска) и мы безъ приключеній проѣхали до Кайфы, любуясь изъ окна вагона на Ездронскую долину, горы Фаворъ и Ермонъ и Кармилъскую. Жара

была очень сильная, а воды достать негдѣ. Въ 6 часовъ прибыли въ Кайфу на подворье, гдѣ Екатерина Николаевна угостила насъ чаемъ и ужиномъ.

22-го апрѣля, вторникъ.

Въ 7 часовъ въ сопровожденіи человѣка (кажется, эмигрантъ) и казака съ подворья прошли всѣмъ городомъ на г. Кармилъскую и посѣтили францисканскій монастырь, съ огромнымъ мѣстомъ и прекрасною церковью, съ мраморными колоннами и лѣстницей бѣлаго мрамора. Среди церкви подъ алтаремъ, къ которому вели тоже мраморныя ступени, помѣщается пещера, въ которой будто спасался пророкъ Ілія отъ Елизавели. Отсюда прошли, мимо маяка на выступѣ горы, въ русскій монастырь, въ разстояніи около версты отъ католическаго. Русскій монастырь обнесенъ также высокой стѣной каменной; церковь—во имя Іліи пророка, недавно освященная. Рассказываютъ, патріархъ долго отклонялъ это освященіе, и только угроза русскаго консула освятить своимъ архіереемъ понудила его освятить. Показывали намъ фотограф. карточку, на которой мы увидѣли нашихъ знакомыхъ: патріарха, архимандритовъ, Рязскаго и другихъ. Іеромонахъ Викторъ показалъ намъ пещеру, бывшую пророка Іліи, которую будто взорвали подкупленные францисканскими монахами рабочіе. Показалъ и „потокъ Киссовъ“, гдѣ пророкъ Ілія заклалъ студныхъ жрецовъ Елизавели. Это глубокая балка безъ воды, спускающаяся къ морю. Здѣсь, на этой горѣ, Ілія попалилъ 50 воиновъ, пришедшихъ взять его. Въ монастырѣ проживаютъ всего трое: о. Викторъ, другой монахъ, ушедшій въ городъ, и его сестра. Остался здѣсь и казакъ—нашъ проводникъ. Напившись чаю и закусивъ, мы сошли съ другой стороны горы въ сопровожденіи о. Виктора. Онъ рассказалъ намъ про консула, жестоко наказавшаго араба-носильщика, бросившаго его на полдорогѣ.

На подворьѣ пообѣдали и получивъ свое бѣлье, которое отдавали помытъ, въ 5 часовъ вечера мы прошли черезъ таможену, въ сопровожденіи гостепріимной Екатерины Николаевны и на берегу, простившись съ ней, сѣли въ лодку. Волненіе было довольно сильное, и мы вошли на трапъ парохода не совсѣмъ удачно: у меня причаломъ лодки спшибло шляпу (лодочники, впрочемъ, успѣли поймать), а епископа Мелетія лодочники подняли на трапъ: онъ сплоскалъ и упустилъ моментъ поднятія волной лодки къ трапу. Подъѣзжая къ пароходу, епископъ Мелетій обратилъ мое вниманіе на махавшихъ намъ съ парохода, и я съ удовольствіемъ узналъ въ нихъ Щепетильниковыхъ, Василія Андреевича и Марью Сидоровну. Радостно мы поздоровались и похристосовались съ своими знакомыми. Оказалось, они ѣдутъ въ Іерусалимъ на поклоненіе. Мы посвятили ихъ во все, что нужно было имъ знать: какъ сойти, гдѣ остановиться и кого повидать—патріарха Даміана, архіепископа Мелетія, о. Каллиста, о. Евенмія. Рассказали и про возможность поставить лампы на гробѣ Господнемъ. Василій Андреевичъ рассказалъ, что въ Павловѣ Общество даетъ имъ земли подъ храмъ, но А. И. Морозовъ говоритъ—мало. „Неокружники“ склонны къ примиренію, но одинъ изъ Куделиныхъ тормозитъ. Проболтали съ ними часовъ до 10 вечера.

23-го апрѣля, среда.

Встали въ 5^{1/2} часовъ; пароходъ стоялъ уже на рейдѣ противъ Яффы. Въ 7 часовъ простились съ Щенетильниковыми, уѣхавшими въ Яффу въ лодкѣ: волны, довольно порядочныя. Оградивъ ихъ съ парохода крестнымъ знаменіемъ, мы пожелали имъ благополучнаго пути.

Жарко! Просидѣли почти все время на верхней палубѣ. Познакомились съ греческимъ проповѣдникомъ Халкинской школы. (На карточкѣ, по-гречески, значилось: Параскевасъ Пападиму.) Пробовали говорить съ нимъ черезъ Ивана Николаевича объ интересующихъ насъ вопросахъ, но переводчикъ оказался не изъ важныхъ, проповѣдникъ же отвѣчалъ, а говорилъ проповѣди о пользѣ единенія и вредѣ раздѣленія изъ-за мелочей. Мы указали на клятвы собора 1667 года. Изъ отрывочныхъ отвѣтовъ Параскеваса мы поняли, что онъ знаетъ исторію раскола въ Россіи и митрополита Амвросія и признаетъ за дѣйствительную іерархію Бѣлокриницкую. При первомъ знакомствѣ поцѣловалъ у насъ руки. Далъ карточку и обѣщалъ въ Александріи познакомить насъ съ патріархомъ, къ коему имѣетъ рекомендательное письмо. Жарко; волненіе небольшое, но зыбь качаетъ порядочно. Въ 6 часовъ вечера вышли съ Яффскаго рейда, простившись съ этимъ допотопнымъ градомъ: по преданію, здѣсь Ной строилъ ковчегъ, и здѣсь апостолъ Петръ воскресилъ Тавифу, видѣлъ плащаницу и крестилъ Корнилія. Вечеръ былъ очень хорошій! Просидѣлъ я до 11 часовъ и подремалъ, а епископъ Мелетій проспалъ до часу ночи наверху.

24-го апрѣля, четвергъ.

Всталъ въ 5^{1/2} часовъ. Оказалось, что мы уже вошли въ гавань въ Портъ Саидъ. Значитъ, мы въ Египтѣ, въ Африкѣ! Встали на якорь недалеко отъ знаменитаго канала Суэзскаго, этого грандіознаго произведенія Лессенса. Гавань очень огромная, масса судовъ разныхъ національностей. Послѣ чая—осмотръ докторомъ пассажировъ; собственно онъ только считалъ и выдавалъ формуляры, взявъ за это по 70 коп. съ человѣка. Въ сопровожденіи лодочника—Ахмета Фарашъ—мы проѣхали къ таможенѣ и безъ труда прошли оную. Наняли экипажъ по часамъ (1 р. въ часъ), проѣхались по улицамъ Портъ-Саида. Городъ, на равнинѣ раскинувшійся, очень красивъ: прямыя улицы; зданія огромныя и магазины богатые—всѣхъ національностей. Есть даже кустарная русская выставка, въ которой мы встрѣтили даже иконы всѣхъ стилей. Говорятъ по-русски (жиды, кажется). Возвратившись на пароходъ, выдали Ахмету на карточкѣ удостовѣреніе о честности его. Въ 4^{1/2} часа вечера вышли изъ порта и прошли длиннымъ каналомъ (виѣшнимъ), ведущимъ къ Суэзскому, и въ открытое море. Обставленъ онъ большими бакенами и работающими землечерпалками, заносить. Въ концѣ сего канала огромный монументъ строителю канала Лессенсу, рукой показывающему на каналъ, какъ бы говорящему: „пожалуйте—путь свободенъ“. Вѣтерокъ, но жарко; просидѣлъ вверху до 10 часовъ съ половиной.

25-го апрѣля, пятница.

Въ 6^{1/2} часовъ утра пароходъ нашъ вошелъ въ обширную гавань въ Александрію. Огромный городъ. Пароходъ „Екатерина 2-я“ стоялъ уже здѣсь. Дождавшись съ него старшаго помощника командира, мы съ его разрѣшенія поѣхали съ багажомъ на „Екатерину“, простившись съ любезной командой „Николая“. Въ таможи — задержка; но благодаря москвичкѣ Косоговской, хорошо говорящей по-французски, благополучно пропустили на „Екатерину“, гдѣ мы и заняли каюту. Оставивъ здѣсь багажъ (взявши въ саквояжикъ бѣлья), уѣхали въ городъ, съ проводникомъ-армяниномъ въ патріархію. Запущенное зданіе! Прошли къ патріарху Фотію. Принялъ любезно (расцѣловался) въ маленькомъ кабинетѣ, извинившись, что принимаетъ не въ патріархін, которая должна ремонтироваться, но все времени нѣтъ и средствъ. Выказалъ сожалѣніе о раздѣленіи въ Россіи религій; но высказалъ и надежду на соединеніе. Я сказалъ его „блаженству“, чтобы онъ на предстоящемъ большомъ Соборѣ помогъ этому своимъ авторитетомъ и правдивымъ словомъ. Далъ намъ каваса—черногорца Савву—и онъ освободилъ насъ отъ проводника-армянина, требовавшаго 4 р. за переводы. Только угроза предать его полиціи заставила его помириться на 2-хъ рубляхъ. Посѣтили мы церковь патріархін. Замѣчательна—по рисунку и сохранности—древняя икона 1-го Вселенскаго Собора и Архангела Михаила. Были у коптовъ,—въ церкви Евангелиста Марка архимандритъ Мина (арабъ) показалъ намъ часть мощей апостола Марка (закрыты); купель съ проточной водой, въ коей крестятъ 3-хногружательно; католиковъ перекрещиваютъ. Значитъ, у нихъ сохранилось древнее крещеніе. Звалъ кофе кушать. Возвратившись на пароходъ и закусивъ, поѣхали на трамвай на вокзалъ и по ж. д. въ Каиръ (187 верстъ). Билетъ въ 3-мъ классѣ стоитъ 2 рубля. Чудные виды! равнина, каналы, обильное орошеніе; жатва хлѣба, посѣвы кабачковъ и др. Сѣрѣющія поля хлопка, красивѣйшія пальмы и въ то же время—грязныя деревни, земляныя, черныя; такіе же и жители—загорѣлые: мужчины въ бѣлыхъ балахонахъ, женщины въ черныхъ платьяхъ и покрывалахъ. Интересны встрѣчались способы орошенія: изъ большого канала, по которому ходятъ суда (изъ Нила) вода проведена трубами по полю и наполняетъ меньшіе каналы. Изъ нихъ вода выкачивается „чигирями“ и распределяется по грядамъ посѣвовъ, обильно заливая ихъ. Встрѣчались и особаго устройства турбины, опущенныя однимъ концомъ въ воду въ каналѣ, а съ другого конца арабъ вертитъ ее, и вода поднимается по турбинѣ и стекаетъ въ малыя канавы, проложенныя по полю. Въ 6 часовъ вечера прибыли въ Каиръ. На вокзалѣ встрѣтилъ насъ (по телеграммѣ патріарха Фотія) о. Дмитрій, и мы поѣхали съ нимъ въ Синайское подворье. Здѣсь насъ не сразу допустилъ негръ-привратникъ, а предварительно взявъ наши карточки, понесъ къ настоятелю, оставивъ насъ у воротъ. По нѣкоторомъ времени монахъ пригласилъ насъ въ пріемную подворья, и здѣсь угостили насъ по-восточному—водой съ глико и ко-

фе. Замѣтивъ, что они стѣсняются предложить намъ ночлегъ въ подворьи, ибо здѣсь разрѣшается останавливаться только ѣдущимъ на Синайскую гору, мы же не предполагали ѣхать туда (никакого духовнаго начальства—ни архіепископа Синайскаго, ни архимандрита мы не видали), мы заявили имъ, что не желаемъ стѣснять ихъ, и отправились съ о. Дмитріемъ въ №№ греческіе „Александрія“, гдѣ и заняли №—для насъ четверыхъ, и отдѣльный для Ивана Николаевича. Попросили чаю; намъ вскипятили въ кастрюлѣ, всыпавъ туда чуть не горсть чаю, изъ кастрюли и черпали чашками. Немало мы смѣялись „находчивости“ грековъ.

26-го апрѣля, суббота.

Спали мы подъ пологамъ, но тѣмъ не менѣе ночью мнѣ въ глазъ попала соринка (каменнаго угля, какъ оказалось послѣ) и я немало пролилъ слезъ прежде чѣмъ Самисонъ Ивановичъ вынулъ у меня изъ глаза соринку.

Утромъ пришелъ къ намъ іеромонахъ красавецъ Серафимъ, пріѣхавшій изъ Гелуана, по распоряженію патріарха, говорящій хорошо по-русски. Оказалось, онъ жилъ въ Москвѣ нѣсколько лѣтъ на одномъ подворьѣ, гдѣ и изучилъ русскій языкъ. Въ бытность здѣсь въ Каирѣ и Гелуанѣ (климатическая станція верстахъ въ 25-ти) князя Ольденбургскаго служилъ для него молебень по-русски и получилъ благодарность. Нанявшись чаю (приготовили тоже въ кастрюлѣ, но чай заварили въ чайникѣ), мы съ о. Серафимомъ отправились на трамвай къ пирамидамъ. Каиръ—международный городъ: всѣ, кажется, національности здѣсь можно встрѣтить, огромныя зданія въ 5—7 этажей, огромные, европейскіе магазины, богато обставленные и освѣщенные электричествомъ снаружи и внутри, трамвай—по всѣмъ направленіямъ, чистыя мостовыя улицы, обсаженные фикусами; противъ нашей гостиницы огромный городской садъ (входъ платный); жителей до 900 тысячъ; удивительная смѣсь одеждъ, отъ босоногого араба въ бѣломъ балахонѣ, до франтоватаго француза. Очень интересно было наблюдать это на площади, гдѣ скрещивались трамваи и гдѣ намъ пришлось немало времени постоять въ ожиданіи трамвая, идущаго къ пирамидамъ. Наконецъ, мы сѣли въ открытый вагонъ и поѣхали. Переѣхали черезъ Нилъ, берега коего густо обсажены пальмами, резиновыми деревьями, изъ коихъ образовались цѣлыя рощи. Растетъ одно дерево, черезъ нѣсколько времени отъ сучьевъ его опускаются какъ бы корневища, достигаютъ земли, укореняются, и отъ нихъ вырастаютъ новыя деревья и т. д. Нилъ,—собственно одинъ рукавъ его,—не широкъ, такъ—съ нашу Москву-рѣку. У берега виднѣются пароходы небольшіе, въ родѣ нашихъ волжскихъ—на верхнемъ плесѣ или на Окѣ. Изъ вагона видѣли новостроющійся огромный греческій соборъ, красивой византійской архитектуры; загородные богатые дворцы и виллы, смѣсь европейскаго съ египетскимъ стилемъ. На одной изъ станцій въ нашъ вагонъ сѣли мѣстные музыканты, а на другой ввалилась, при помощи кондукторовъ, толстая старуха арабка, въ бѣлой рубахѣ, съ огромной палкой и стала подъ музыку выдѣлывать своей огромной ту-

шей разныя па, сидя на скамьях и въ тактъ помахивая палкой. Ей вторила напротивъ нея сидѣвшая молодая арабка съ ребенкомъ на рукахъ (котораго предъ тѣмъ подносила къ старухѣ, какъ бы для благословенія: старуха возлагала на голову ребенка руку и что-то шептала). Весь вагонъ покатывался со смѣху. Но вотъ вагонъ нашъ остановился, и мы пѣшкомъ пошли къ пирамидамъ, сначала по хорошо обдѣланной дорогѣ и потомъ по сыпучему песку, засыпающему низъ пирамидъ. Тотчасъ насъ окружили арабы, — взрослые и дѣти, одни предлагая себя въ проводники, другіе осликовъ и верблюдовъ для поѣздки къ пирамидамъ и къ сфинксу; дѣти же совали въ руки статуэтки и древнія монеты. Но мы, не безъ помощи, впрочемъ, полицейскихъ, отклонили ихъ услуги, и только нашъ художникъ Иванъ Николаевичъ соблазнился и возсѣлъ на ослика, и мы двинулись къ первой и самой огромной пирамидѣ — Хеопса. Высота ея 65 сажень, а основаніе каждой стороны 110 сажень. Вторая — вышиною въ 40 сажень и 3-я въ 25 сажень. Сложены онѣ изъ огромныхъ камней, уступами, такъ что по уступамъ свободно можно ходить. Англичане-туристы уже взбирались наверхъ. Но мы не рѣшились подниматься на такую высоту: безъ проводниковъ-арабовъ, въ бѣлыхъ балахонахъ, невозможно подняться, а они иногда злоупотребляютъ: введши наверхъ, требуютъ другую плату, чѣмъ договорились, иначе отказываются вести назадъ. Не пошли мы и внутрь пирамиды: ходъ проломанъ сбоку и галлерей очень низка, такъ что почти все время нужно ходить въ наклонномъ положеніи. Между тѣмъ внутри имѣется только пустой деревянный (?) саркофагъ, мумія же фараона увезена, говорятъ, въ Лондонъ. Итакъ, и такое громадное и крѣпкое зданіе не могло охранить остатки фараона отъ расхищенія. Обошли мы кругомъ пирамиду Хеопса; посмотрѣли на раскопки какого-то храма и прошли по сыпучему песку къ сфинксу. Молодые англичане и англичанки были уже на верху пирамиды. На второй пирамидѣ вверху видѣются остатки облицовки, съ какими-то едва замѣтными цвѣтными полосами. Прошли къ сфинксу. Сфинскъ представляетъ изъ себя огромную голову съ отбитымъ носомъ (и, кажется, бородой) изъ цѣльнаго камня. Внутри головы, говорятъ, былъ языческій храмъ. Вблизи сфинкса открытъ древній храмъ въ честь Озириса — бога Солнца. Сохранились рядъ мраморныхъ колоннъ и часть стѣнъ на глубинѣ 3—5 сажень. У сфинкса мы снялись на карточкѣ и возвратились на трамвай, причемъ Ивану Николаевичу пришлось прибѣгнуть къ полицейскимъ, чтобы рѣшить споръ съ арабомъ о платѣ за ослика: арабъ требовалъ 5 піастровъ большихъ, а Иванъ Ник. давалъ — 5 малыхъ.

На полдорогѣ отъ пирамидъ къ городу, мы зашли въ зоологическій и ботаническій садъ съ чудной растительностію. Изъ звѣрей насъ болѣе заинтересовалъ гиппопотамъ, пасшійся и ѣвшій траву по берегу искусственного канала рѣчки. За піастръ арабъ-служитель крикнулъ ему, и гиппопотамъ откликнувшись, вошелъ въ воду и, погрузившись, вынырнулъ у берега, на которомъ мы стояли, и разинулъ свою огромную пасть — прося подачки

Арабъ всунулъ ему большой клокъ сѣна, тотъ на минуту погрузился въ воду и опять вышелъ, раскрывъ пасть, прося еще. Интересны жираффы, съ своими длинными передними ногами, шеями, на которыхъ, какъ на жерди, утверждена небольшая голова. Осмотрѣли за особую плату отдѣленіе змѣй, удавовъ и другихъ пресмыкающихся. Крокодилы помѣщались въ пруду на болѣ; мы видѣли ихъ лежащихъ на берегу безъ движенія. Садъ очень обширный и содержится замѣчательно чисто. Возвратившись въ № и пообѣдавъ, мы проѣхали въ старый Каиръ, въ греческій монастырь св. великомученика Георгія. Здѣсь хороша древняя икона св. Георгія, почитаемая чудотворной. Осмотрѣвъ храмъ, зашли къ настоятелю, который угостилъ насъ по ихъ обычаю. Отсюда прошли въ рядомъ находящуюся церковь Коптовъ, построенную по преданію, на мѣстѣ жительства Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и Іосифомъ во время бѣгства св. семейства въ Египетъ. Церковь древняя, есть остатки на стѣнахъ и колоннахъ фресковыхъ изображеній, но всё и весь храмъ въ страшномъ запустѣніи, грязь, пыль; иконы плохого письма, а старыя валяются на полу въ пыли, хорошихъ нѣтъ. Въ храмѣ показываютъ пещеру, гдѣ жили Іосифъ съ Богородицей и младенцемъ Іисусомъ, и гдѣ мыла Его Богоматерь. Отсюда прошли въ церковь новую Коптовъ: иконъ порядочныхъ, кромѣ Евангелиста Марка, нѣтъ, и священникъ обращалъ наше вниманіе болѣе на рѣзбу иконостаса и дверей, дѣйствительно очень искусную, въ восточномъ стилѣ. Возвратившись въ №№, мы нашли здѣсь посланнаго отъ фотографа съ карточками (уже готовыми—12 экземпляровъ). Подписавъ каждый свое званіе, вручили одну о. Серафиму и распростились съ нимъ.

27-го апрѣля, воскресенье.

Утромъ въ 8 часовъ, въ сопровожденіи служащаго въ №№, прошли въ соборную греческую церковь: служилъ архимандритъ, а архіепископъ Христофоръ стоялъ сбоку—на каедрѣ, въ мантии и панагії, съ жезломъ. Насъ іеромонахъ провелъ въ олтарь и поставилъ въ стасидіи.

Пѣли на обоихъ клиросахъ съ мальчиками. Проскомидію совершалъ іеромонахъ на двухъ большихъ просфорахъ. Изъ одной вынулъ агнецъ и гладко обрѣзалъ его стороны ножомъ. Изъ этой же просфоры вынулъ и богородичную часть треугольную. Затѣмъ нарѣзалъ тонкихъ жеребьевъ и изъ нихъ отрѣзалъ маленькія частицы и концомъ копія поддѣлывалъ ихъ и клалъ на дискосъ,—это, вѣроятно, въ честь ангеловъ и всѣхъ святыхъ. Изъ другой просфоры вынималъ тоже части, вѣроятно, за здравіе и за упокой. Апостолъ читалъ мальчикъ изъ числа пѣвчихъ, облаченный, какъ и другіе мальчики, въ бѣлый стихарь и опоясанный по подобію иподіаконовъ. Евангеліе читали: іеромонахъ по-гречески и діаконъ по-арабски. По евангеліи архіепископъ сказалъ большую рѣчь съ каедры. Затѣмъ „херувимская“. Дору раздавалъ архіепископъ. Іеромонахъ проводилъ насъ въ пріемный залъ архіепископа, гдѣ мы похристосовались съ нимъ и обмѣнялись карточками. Предложилъ угощеніе по восточному обычаю. Объясняется по-русски

трудно; забылъ, говорить, русскій языкъ, учился въ Иерусалимѣ. Общались завтра прислать каваса для посѣщенія музея. При этомъ были и др. посѣтителѣ и новобрачные. По обѣдѣ въ № ѣздили самостоятельно на трамваѣ въ цитадель-крѣпость, на горѣ; любовались на городъ Каиръ, на Нилъ и пирамиды. Здѣсь построена мечеть по образцу Меккской, но въ нее не входили, высока плата. Флагъ на цитадели развѣвается англійскій, англійскіе и солдаты. Вечеромъ изъ окна № видѣли двѣ свадьбы съ музыкой и бубнами; прошли до дворца Хедива,—довольно большой въ видѣ Г, площадь огромная.

28-го апрѣля, понедѣльникъ.

Утромъ пришелъ отъ архіепископа кавасъ, черногорецъ Кристо, и мы съ нимъ осмотрѣли египетскій музей. Масса мумій и саркофаговъ, всякихъ статуй и моделей древней египетской жизни. Къ сожалѣнію, отдѣленіе сокровищъ, гдѣ помѣщены одѣянія фараоновъ, было закрыто. Есть и христіанскія древности,—изображенія Ісуса Христа, Богородицы и апостоловъ, вѣроятно, коптскія. Пообѣдавъ въ №, простившись (взяли за 3 сутокъ за три кровати и за столъ 9 рублей), въ 2 часа отправились, въ сопровожденіи каваса Кристо, на трамваѣ на вокзалъ и въ въ 3 часа выѣхали по желѣзной дорогѣ изъ Каира въ Александрію. Жара очень сильная, но въ поляхъ работаютъ, убирая хлѣбъ, молотятъ, сидя на саняхъ съ маленькими колесиками, полятъ и поливаютъ кабачки, помидоры и др. Есть въ родѣ нашихъ чигирей, а то въ родѣ помпы, опущенной въ канаву. Города и деревни, въ особенности послѣднія, изъ камня и саманныя черныя. Въ 6 часовъ вечера прибыли въ Александрію и на пароходѣ заночевали. Отвели намъ лазаретъ: двѣ каюты и посрединѣ ванная.

29 апрѣля, вторникъ.

Въ 8 часовъ утра пришелъ Иванъ Николаевичъ проститься,—отправляется въ Италію. Напившись чаю, мы отправились въ патриархію. Посидѣли въ канцеляріи съ полчаса, угощали по обычаю—водой и кофе. Патриархъ Фотій принялъ насъ въ кабинетѣ. Мы поблагодарили его и рассказали про посѣщеніе Каира. Подарилъ намъ по портрету съ собственноручной подписью. Говорили про отношеніе къ намъ духовенства греческаго, радушно всюду насъ принимавшаго и признающаго насъ за епископовъ, тогда какъ господствующая церковь признаетъ наше крещеніе и браки, а хиротонию отвергаетъ. Патриархъ, черезъ переводчика-студента Петроградск. Академіи (слушалъ лекціи епископа Михаила Семенова), сказалъ, что когда присоединялись новатіане и донатисты, то ихъ епископы, презвитеры и діаконы оставались въ своихъ санахъ безъ новаго рукоположенія, и что восточная церковь можетъ признать соборнѣ также и наше духовенство. Студентъ сказалъ, что читалъ въ „Новомъ Времени“, про нашъ выѣздъ въ Палестину на поклоненіе св. мѣстамъ и служеніе на Іорданѣ, въ намѣреніи въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ осмотрѣть библіотеки. Патриархъ распространяться болѣе по нашему вопросу не рѣшался, не желая оскорблять русской

церкви. Мы отвѣтили, что это нашъ частный разговоръ, а не официальный. При прощаніи расцѣловался съ нами. Приглашали мы его посѣтить Россію—Москву и наше Рогожское кладбище. Поблагодарилъ и шутя замѣтилъ: „вашъ Синодъ не пускаетъ!“

Кавасъ Саво нанялъ для насъ карету, и мы отправились на „Екатерину“, которая въ 4 часа вечера вышла изъ Александрійскаго порта. Англійскія военныя суда привѣтствовали нашу „Екатерину II-ю“. За билеты съ насъ взяли, безъ продовольствія, 56 р. 50 к. съ человѣка. Воспользовавшись ванной, мы помыли головы и покупались.

30-го апрѣля, среда.

Ночью довольно чувствительно покачивало: была „мертвая зыбь“, были пострадавшіе, но мы „ничего“, просидѣли до 11 часовъ наверху, гдѣ меньше чувствуется качка. Послали радиотелеграмму архіепископу Іоанну: „Посѣтили Палестину, Египетъ, ѣдемъ Аѣины, 6-го въ Одессѣ, Якова Алексѣевича поздравляемъ съ ангеломъ“. Обѣдали въ честь именинника съ ухой изъ скумбріи. Въ виду Крита помолились 15 поклоновъ за именинника; о. Критъ показался слѣва около 3-хъ часовъ; какъ бы въ туманѣ видѣлся гористый берегъ его. Есть и еще мелкіе острова—безжизненные, гористые. Передъ этимъ прошелъ пароходъ „Николай II-й“, а болѣе не видѣли ничего, кромѣ синяго моря волнующагося и неба. Чайки появлялись около о. Крита. Въ 7 часовъ 12 минутъ видѣли величественный закатъ солнца: огненный шаръ его медленно погружался въ море Средиземное, но облака не позолотились—какъ это видѣлъ я въ Каспійскомъ морѣ.

1-го мая, четвергъ

Въ два часа дня вошли въ гавань въ Пирей (Греція); по пути смотрѣли въ бинокль г. Аѣины и Пареемонъ—на горѣ. Встали на якорь. Собравшись компаніей въ 11 человѣкъ, въ сопровожденіи проводника-грека, хорошо говорящаго по-русски, сѣхали въ лодкѣ на берегъ (по франку съ человѣка) въ портъ Пирей и на трамвай проѣхали на станцію электрической дороги. Пирей (портъ)—это переходъ отъ азіатскаго къ европейскому: есть дома очень хорошіе, въ нѣсколько этажей, и есть—лачужки. Проѣзжая по электричкѣ до Аѣинъ, видѣли жнущихъ хлѣбъ; много и масличныхъ деревьевъ. Второй портъ Фалеръ—дачное мѣсто и морскія купанья. Въ Аѣинахъ наняли 2 кареты, по 4 франка въ часъ, и поѣхали къ Пареемону. По пути, передъ горой, посѣтили храмъ Тезея и при немъ музей, —остатки древнихъ колоннъ, фресковъ. Видѣли „ареонагъ“, остатокъ. Это небольшой каменистый холмъ, на которомъ возсѣдали эллинскіе старѣйшины и судили народъ, возвѣщали правительственныя распоряженія вслухъ внизу стоящаго народа. Вошли на Акрополь: очень высокая каменная гора, съ остатками древне-языческихъ храмовъ—„Безкрылой Побѣды“, впереди пропилеи—мраморныя колонны, ремонтирующіяся, Пареемонъ—храмъ Аѣины Дѣвственницы, портикъ Аѣины-Побѣдительницы—съ 6-ю Каріатидами (статуями женщинъ). Съ Акрополя

чудный видъ на Аѳины. Внизу Акрополя—у подошвы горы—развалины храма Вакха и театра; недалеко отъ Акрополя видѣются ворота (арка) Андриана, 16 колоннъ—остатки храма Зевса, новый Стадіумъ, дворецъ Константина. Сошедши съ горы, проѣхались по улицамъ Аѳинъ, мимо дворца, у котораго стояла стража въ коротенькихъ, какъ у балеринъ юбочкахъ, съ голыми колѣнками, мимо академіи, университета. Чистота улицы замѣчательная. У почтовой конторы (огромное зданіе) мы раздѣлились: часть пошла въ гостиницу пить кофе, а мы уѣхали въ Пирей и на пароходъ. Изъ Пирея вышли въ 9 часовъ вечера.

2-го мая, пятница.

Въ 2 часа дня вошли въ Смирскій заливъ и остановилась почти у набережной. Но на берегъ не сходили, а любовались съ парохода красотой города, расположеннаго амфитеатромъ на полугорѣ. Масса кипарисовъ, минаретовъ, а на самой горѣ—остатки крѣпостныхъ стѣнъ. Вышли изъ Смирны въ 6 часовъ вечера. Послали въ Одессу радіотелеграмму.

3-го мая, суббота.

Въ 7 часовъ утра вошли въ Дарданеллы. Погода рѣзко измѣнилась—дождь, вѣтеръ. Вышли на палубу только въ виду Сан-Стефано и любовались Константинополемъ. Зелень послѣ дождика еще лучше, очень красивъ и городъ; а вотъ и несравненная Ай-Софія. Подошли къ самому берегу. Но позиція не спускаетъ, требуя 40 копеекъ за сходъ на берегъ.

4-го мая воскресенье.

Въ 8 часовъ, съ проводникомъ Ипполитомъ, были въ Файарѣ за литургіей. Служилъ митрополитъ съ другими; было рукоположеніе митрополита, — лѣтъ 35. Водили вокругъ престола противъ солища, съ пѣніемъ, очень хорошо, въ особенности „Кирие елейсонъ“, въ олтарѣ и по клиросамъ. Молитвы читались при закрытой завѣсѣ; открывъ, митрополитъ показывалъ саккосъ и омофоръ и при пѣніи „аксіось“ возложили на новопоставленнаго. Во время чтенія Евангелія служащій митрополитъ стоялъ въ царскихъ дверяхъ, къ народу лицомъ; къ концу Евангелія взялъ крестъ и держалъ его, опустивъ внизъ головой. Возмутительно! Народъ осѣнялъ всей ладонью и уже въ концѣ слагалъ пальцы—по подобію херосложнаго. По отпустѣ на новопоставленнаго служащій митрополитъ возложилъ митру и вручилъ жезлъ—безъ рѣчи. Потомъ новопоставленный у кафедры Златоуста раздавалъ дору. Послѣ литургіи мы пошли въ патриархію, желая видѣться съ патриархомъ; отдали свои карточки, но отъ патриарха посланный сказалъ, что принять не можетъ—времени не имѣетъ. Можетъ быть, и такъ: наверхъ къ нему прошли митрополиты съ новопоставленнымъ, и конечно—ему не до насъ. А можетъ быть, и вліяніе русскаго консула и духовенства. Все-таки ушли мы съ обидой въ душѣ. Въ Палестинѣ очень радушный пріемъ, а здѣсь—холодомъ вѣетъ... Ночевали на пароходѣ.

5-го мая, понедѣльникъ.

Мы не сходили уже съ парохода, кромѣ С. И., который купилъ 3 цѣвчихъ греческихъ книги. Одну я взялъ для Якова Алексѣевича—рукописную (литургія).

Въ 11 часовъ простились съ Константинополемъ и уходя любовались Босфоромъ. Чудные виды по обѣимъ сторонамъ: горы покрыты роскошною растительностію, богатыми дачами и развалинами древнихъ замковъ-крѣпостей. Но немало и новыхъ укрѣплений, такъ что, по нашему мнѣнію, пройти Босфоромъ къ Константинополю едва ли возможно. Ширина его—съ Волгу.

Читали въ „Русскомъ Словѣ“ (купили въ К-лѣ) статью „Старообрядцы въ арміи“ и возмущались: по отзывамъ митрополита Владиміра и Сковрцова мы признаемъ, что царствуетъ антихристъ въ церкви, и правительство безблагодатно, почему и нельзя производить въ офицера; и по этому отзыву 70 человѣкъ были лишены этого. Вотъ тебѣ и „успокоеніе“!

6-го мая, вторникъ

Въ 10 часовъ утра показали берега Россіи, и въ 12 часовъ вошли въ Одесскій портъ. Не спускали часа 2: провѣряли паспорта; задержка и въ таможенѣ, и только „рубль“—ускорилъ. Но осмотръ поверхностный. Думали, будетъ строже и потому не брали лишняго, интереснаго. Проѣхали на вокзалъ и, сдавши багажъ, пошли къ епископу Кириллу, гдѣ и прогостили до 6 часовъ вечера. Онъ вечеромъ ѣдетъ въ с. Борское. Архіепископъ изъ Астрахани спрашиваетъ депешей, куда поѣдетъ Мелетій? Отвѣчаемъ—въ Москву и Саратовъ.

Въ 8, 40 вечера выѣхали изъ Одессы на Кіевъ во 2-мъ классѣ. Дождь; вчера былъ штормъ.

7-го мая, среда.

Въ 8, 45 утра прибыли въ Кіевъ. Встрѣтилъ внукъ Коля и съ нами проѣхали въ Лавру: посѣтили ближнія пещеры, помолились и приложились къ угодникамъ—и на вокзалъ. Въ 12, 30 на скоромъ выѣхали на Москву.

8-го мая, четвергъ.

Въ 9 часовъ утра прибыли въ Москву и въ 11—дома! Славу Богу—путь конченъ благополучно. Ни разу не пришлось прибѣгнуть къ лѣкарствамъ: были здоровы, по милости Господа Бога. Ему же слава во вѣки. Аминь.

Епископъ Александръ.

Τῷ Διοφυγετᾷ παλαιότῳ βουλευτῇ
 Ραζάρ καὶ Ἐγόριβου Κυρίῳ Αλεξάνδρῳ—
 αἰώνως ἔνεκα καὶ εἰς ἀνάμνησιν τῶν Ἁγίων Τόπων
 ἐν τῇ Ἁγίᾳ πόλει Ἱερουσαλὴμ ἀπὸ Ἀδρυγίου 5^η

+ *[Handwritten signature of Patriarch Damianos]*

Надпись Иерусалимскаго патриарха Даміана на альбомѣ, подаренномъ старообрядческому епископу Александру.

Переводъ: «Любезнѣйшему старообрядческому (дословно старой вѣры) епископу Рязанскому и Егорьевскому киръ-Александру съ любовью и въ воспоминанье святыхъ мѣстъ. Въ святомъ городѣ Іерусалимѣ. 1914 г. апрѣля 6. Патриархъ Іерусалимскій Даміанъ».